

С.М. Широкогорov

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ и МАТЕРИАЛЫ
Часть II

ЭТНОС.
ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ
ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ
ЯВЛЕНИЙ

Владивосток
Издательство
Дальневосточного университета
2002

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЧЕЛОВЕКОВЕДЕНИЯ

С.М. ШИРОКОГОРОВ

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Книга 2

ЭТНОС. ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ
ИЗМЕНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ

А.М. КУЗНЕЦОВ

С. М. ШИРОКОГОРОВ И ПРОБЛЕМЫ

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСА

Произошедшие перемены вызвали в нашей стране новую волну роста интереса к национально-этническим проблемам. Важнейшей причиной такого положения явились межэтнические конфликты на бывшем советском пространстве, которые актуализировали вопрос о будущем многоэтнической Российской Федерации. Поиски ответа на этот непростой вопрос оказались нелегким испытанием для нашей науки и, в первую очередь, этнологии. В течение всего предшествующего (советского периода) этнографическая наука фиксировала неуклонный процесс сближения наций и народов в СССР на принципах пролетарского интернационализма, позволившего вывести через некапиталистический путь развития некогда отсталые народы России на уровень первого этапа самой передовой коммунистической формации. Как свидетельство триумфа нашей национальной политики, было провозглашено образование новой исторической общности – советского народа с особой культурой национальной по форме и социалистической по содержанию.

Новая постсоветская реальность в одночасье разрушила все эти оптимистические представления и заставила искать другие принципы, теоретические концепции и методы исследования этнических проблем. В поисках альтернативных оснований их исследования ряд российских ученых обратились к наследию нашего замечательного соотечественника Сергея Михайловича Широкогорова, который еще в 20-е гг. XX в. разработал оригинальную концепцию этноса, как основного предмета науки этнологии.¹ Вышедшие во Владивостоке и в Шанхае, основные работы на русском языке, вынужденно оказавшегося в эмиграции С.М. Широкогорова, не получили широкой известности в нашей стране, так как они плохо согласовывались с основными построениями исторического материализма. Впервые об этой концепции упомянул в своей известной монографии 1973 г академик Ю.В. Бромлей. Однако, он ограничился в этой и последующих своих работах только несколькими общими замечаниями по этому поводу. Например, «но особенно много сделал в эти годы для разработки этнической проблематики С.М. Широкогоров (1887-1939 гг.). Не случайно с его именем обычно связываются первые фундаментальные шаги в создании теории этноса. Еще в курсе

лекций, прочитанных в 1921-1922 гг. в Дальневосточном университете он попытался наметить типологические признаки этноса. Вслед за тем им была посвящена этой теме специальная монография. Правда, взгляды С.М. Широкогорова по этому вопросу довольно долго оставались незамеченными.»² Сам Юлиан Владимирович постарался привести идеи Широкогорова в соответствие с учением об общественно-экономической формации и предложил различать вслед за Ю.И. Семеновым этнос в узком смысле слова (этникос) и широкое значение этого понятия (этно-социальный организм).³ В редакции Ю.В. Бромлея теория этноса получила дальнейшее развитие в советской этнографии, но затем была подвергнута критике в 90-е гг. С этого времени имя С.М. Широкогорова все чаще стало появляться на страницах научных изданий. Прежде всего, в них констатировался факт, что именно он является создателем концепции этноса. В некоторых случаях звучала позитивная оценка его идей. «Если учесть, что еще в 1923 г С.М. Широкогорovým было предложено следующее определение этноса: «...этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других», то следует признать, что прогресс в теоретическом обобщении результатов этнографических исследований не был велик.»² Однако, те авторы, которые делали более «детальный» обзор идей С.М. Широкогорова, обычно давали не столь признательные, а часто и отрицательные отзывы. «Этнология в своем политизированном, популистском варианте стала одним из элементов идеологического механизма разрушения общества, одним из средств оправдания этнического насилия. Хорошо еще, что в дело был пущен не весь ее разрушительный потенциал. Если бы, например, научное наследие С.М. Широкогорова не пребывало в забвении, то, вполне вероятно, сегодня оно было бы взято на вооружение идеологами экстремистского национализма. Замечания Широкогорова о том, что «война есть естественное стремление (психически) растущего этноса...», что в основе движения этносов лежит территориальная экспансия, пришлось бы им очень кстати.»³ Дело доходило даже до отрицания очевидных вещей. «В этой связи мне представляется не вполне обоснованным мнение о том, что «предтечей» современной теории этноса, как отметил С.В. Чешко, являются работы С.М. Широкогорова, написанные в начале 1920-х годов. И дело не только

в том, что вследствие эмигрантского статуса Широкогогорова они не вошли в советскую науку и не были использованы при развернувшейся с середины 1960-х годов разработке теории этноса. Их вообще очень трудно использовать, ибо автор отнес этнос не к социальным, а к биологическим категориям. Широкогогорова можно было бы считать «предтечей» одиозной концепции этноса, предложенной Л.Н. Гумилевым....Разумеется, в работах Широкогогорова имеются и правильные высказывания, однако неоднократные ссылки на него как на авторитет в статье Чешко, право же, не усиливают аргументацию последнего.»⁴ После такого разбора уже не приходится удивляться новым “прозрениям”. «Здесь же стоит подчеркнуть, что теория этноса более всего основана на методологии исторического материализма.»⁵ Как говорится, тема закрыта и о ней можно было бы забыть, если бы не одно обстоятельство: вся эта критика и другие оценки имеют очень незначительное отношение к реальному содержанию концепции С.М. Широкогогорова. Даже положительные отклики на его основную монографию «Этнос» заставляют задавать вопрос: а знакомы ли их авторы этой работой? Например, читаем: «Первая обстоятельная теоретическая разработка термина «этнос» была предпринята русским ученым С.М. Широкогогоровым, эмигрировавшим после установления советской власти на Дальнем Востоке в Китай. В настоящее время многие исследователи считают С.М. Широкогогорова «отцом» теории этноса в русскоязычной литературе. Он первым констатировал, что не существует и нельзя сконструировать единую универсальную схему этнической классификации, так как нет четких критериев для этого...Такое понимание этноса сочеталось у С.М. Широкогогорова с представлением о биологической сущности этнической общности, которая «является формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать». Он одним из первых среди русских ученых обратился к проблеме эндогамии как существенного признака этнической общности.»⁶ Теперь обратимся еще к одному автору. «Другое социобиологическое направление в этносоциологии в России представляет крупный исследователь этносов в начале XX века С.М. Широкогогоров. Он считал, что не существует и нельзя сконструировать единую схему этнической классификации для этого нет четких критериев. Вместе с тем, исходя из биологической сущности этносов, он предложил несколько критериев для определения их сущности. С.М. Широкогогоров считал, что «этнос

является формой, в которой происходит процесс созидания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать.»⁷ Столь близкое совпадение позиций разных специалистов заставляет предполагать, что в отношении С.М. Широкогорова сложился некий тиражируемый стереотип, весьма далекий от оригинала. Причину такого отношения отчасти объясняет С.Е. Рыбаков: «Вместе с тем вряд ли было бы обоснованным считать С.М. Широкогорова непосредственной предтечей и отцом - основателем отечественной теории этноса. Дело даже не в спорности его научной позиции и не в том, что советская теория этноса строилась впоследствии на совершенно ином методологическом фундаменте, а по большей части в том, что работа была написана в эмиграции, в Китае. Именно поэтому по вполне понятным объективным причинам она осталась на обочине магистрального пути развития отечественного обществоведения и вплоть до того времени, когда Ю.В. Бромлей вывел ее из забвения, не могла оказать серьезного влияния на процесс разработки в нашей стране теории этноса.»⁸ Оставим в стороне ряд ошибок в освещении фактов биографии С.М. Широкогорова и обстоятельств его работы над «Этносом. Но один вопрос нельзя оставить без внимания: что же такое на самом деле концепция этноса С.М. Широкогорова? Ответ на этот вопрос попытался дать в специальной статье Е.М. Данченко (Омск). Но и он приводит только ряд положений «Этноса» без обстоятельного анализа авторской концепции, а затем переходит к сравнению идей С.М. Широкогорова и Л.Н. Гумилева. Наиболее интересный раздел работы Е.М. Данченко связан с попыткой анализа категории «биологическое» в концепции автора «Этноса», так как совершенно справедливо отмечается, «что после стандартных упреков в биологизаторстве, критики не считали нужным останавливаться на самой концепции.» С одной стороны, причину переноса биологических понятий на этническую проблематику Данченко видит общей традиции развития научной методологии конца XIX-начала XX вв., а с другой – рассматривает его как необходимый компонент концепции культурной адаптации.⁹ Поэтому приходится констатировать, что до настоящего времени так и не проделан какой бы то ни было серьезный анализ концепции этноса С.М. Широкогорова. Чтобы понять эту концепцию обратимся к опубликованным работам замечательного ученого и связанным с ними архивными материалами.

Изучение основного труда Широкогорова по данной проблеме «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и

этнографических явлений» связано с определенными трудностями. Здесь накладывается влияние времени и конкретные, не самые лучшие условия работы над книгой (последний этап гражданской войны на Дальнем Востоке); активное использование математического аппарата (сказывается обучение на физико-математическом факультете Петербургского университета). Но основная сложность для понимания этой работы заключается в комплексно теоретическом ее характере и сжатой манере изложения, когда многие идеи даны в лаконичном виде и не имеют развернутой аргументации. Как писал сам С.М. Широкогоров: «Не является для меня секретом и то, что чтение моего исследования представляет значительные затруднения вследствие краткости изложения, иногда эскизности его, а также *вследствие необходимости для критика отказаться оценивать предложенную систему, смотря с одной какой-нибудь точки зрения, - гуманитарных или естественных наук, каковые в отдельности взятые не могут осветить исчерпывающе изложенной системы* (курсив мой-А.К.).»¹⁰

Замысел «Этноса» возник, если верить С.М. Широкогорову, во время нелюбимого им преподавания, когда при чтении курса этнографии он «был вынужден постоянно делать отступления в сторону методологии и давать объяснения ...некоторых приемов подхода к этнографическим явлениям, приемов необычных даже для лиц знакомых с современными этнографическими методами исследования.»¹¹ Из таких отступлений сначала возникло небольшое введение в курс этнографии, получившее название «Место этнографии среди наук и классификация этносов», опубликованное во Владивостоке, вероятно, летом 1922 г.¹² В процессе дальнейшей работы стал складываться расширенный вариант прежнего «Введения», собственно «Этнос». Доклад на эту тему с представлением тезисов был сделан на восточном факультете ГДУ в начале сентября 1922 г.,¹³ затем по командировке Государственного Дальневосточного университета Широкогоров выехал в Шанхай, где должен был опубликовать свою книгу «Социальное устройство маньчжур». Но как писал он в письме к Е.Г. Спальвину,¹⁴ «хотя формально я получил деньги по ассигнованию на печат. «Соц. устр. мандж.», я не мог начать его печатать, т.к. в типографии не были готовы знаки транскрипции академической и первой работой мне *пришлось* пустить «Этнос»... Кроме того, в виду некоторой *пикантности* (курсив мой-А.К.) «Этноса» я думаю его подать на английском, если найдется

издатель. Перевод уже начат.»¹⁵ Это очень примечательное свидетельство, ведь если «Этнос» почти случаен, и только обстоятельства привели к преждевременному появлению его в свет, то почему тогда автор думает дать его и на английском языке? Ведь в этом случае он рискует подвергнуться еще большей критике. Не менее показательны, что, отправляя свои опубликованные работы Л.Я. Штернбергу в СССР, С.М. Широкогоров в сопроводительном письме дает комментарий только к этой книге. «Конечно, мое шаманство, как и две другие работы Вас не возмутят, я надеюсь, но мой «Этнос» нуждается в пояснениях, часть которых я дал в предисловии к нему. По моим расчетам я думал с ним *выползти* позднее, но мои *противоестественные* (курсив мой-А.К.) упражнения в Ун-те (как Вы быть может помните, я ведь не перевариваю всяких учебных заведений!) вынудили меня начать писать. Я отдаю себе отчет, что многое в нем не закончено, что следовало бы подработать вопрос о численном выражении этих формул, но....не хочется откладывать на неизвестное будущее, а поставить эти вопросы хотя бы для того только, чтобы все ругали напропалую, полезно для будущего, б.м. и не моего. Я уверен, что будь я в Питере, я воздержался бы от публикации, но здесь на Д/В когда сидишь без подлинного научного общения это необходимо было для собственной проверки.»¹⁶ Для более точного понимания этого комментария можно добавить отрывок из Предисловия к книге: появление этого труда было «преждевременно потому, что согласно намеченного мною плана работы, оно должно было увенчать собою публикацию ряда уже законченных разработкой этнологических исследований тунгусских народностей и отдельных вопросов, долженствовавших послужить введением к настоящему исследованию.»¹⁷ Получается, что у самого автора двойственное отношение к своему труду. С одной стороны, он всячески стремится внушить мысль, что это порожденное обстоятельствами произведение, чуть ли не учебное пособие для студентов, которое нуждается в снисходительности читателя. Но, с другой стороны, он упорно работает над ним, публикует при первой возможности и даже хотел бы сделать его достоянием иностранных специалистов. Ясно, что такая двусмысленность не очень способствует адекватному пониманию текста. Поэтому очень опасно выдергивание из рассматриваемой монографии отдельных цитат, которым можно давать различное толкование. Все такие выдержки можно интерпретировать только исходя из общей концепции работы, которая определенным образом связана с уровнем науки

своего времени и может быть восстановлена путем специального анализа текста. Для ее реконструкции очень важно учитывать несколько моментов, на которые обращал наше внимание сам автор. «Сознание того, что некоторые положения и даже вся система изложения значительно отличают настоящую работу от подобных исследований других авторов, толкнуло меня на немедленное опубликование исследования в надежде, что критика одних и, быть может, помощь других в выполнении некоторых частных исследований, вытекающих из настоящей работы, дадут возможность корректировать возможные ошибки и ускорить проверку правильности всей системы.»¹⁸ Возможно, что именно эта фраза является ключевой для снятия ранее обнаруженной двусмысленности. С.М. Широкогоров понимает, что он создает нечто неожиданное и поэтому он старается подготовить читателя в наиболее доступной для него форме к нормальному, или хотя бы более терпимому отношению к работе. Подобный прием был необходим потому, что в данном случае мы имеем дело не просто с научной публикацией, но с некоторой системой взглядов, лежащей на стыке естественных и гуманитарных наук и имеющей, как мы далее убедимся, отношение к вопросам методологии. Владивостокские специалисты, судя по некоторым косвенным данным, не приняли «Этнос». Вот почему автору было так важно получить другие отзывы на свою работу и он рискнул опубликовать ее.

Один из первых концептуальных принципов, выделенный автором гласит: «Настоящее исследование касается не только *сущности этнографических процессов*, но и проблемы *биологии человека, как вида*, устанавливается связь между различными проявлениями и отношениями человека и таким образом является исследованием *этнологическим* (курсив мой – А.К.) преимущественно...»¹⁹ Другая его исходная посылка состоит в том, что: «Сознание того, что методы этнографии и антропологии в значительной степени не удовлетворяют главнейшего требования – уничтожения грани между так называемыми гуманитарными науками и естественными, а существующий hiatus между этими циклами знания далек от того, чтобы быть заполненным, заставило меня, быть может, с слишком большой торопливостью приступить к разрешению некоторых уже давно назревших вопросов.»²⁰ Приведенные отрывки играют важное значение для реконструкции исходных оснований концепции С.М. Широкогорова. Он стремится исследовать *биологию* человека как вида с ее различными

проявлениями и отношениями, поэтому ему недостаточно использовать только традиционные методы этнографии и антропологии, так как они не позволяют преодолеть разрыв между естественными и гуманитарными науками, и создает этнологический труд. Хорошо что, С.М. Широкогорова не стали обвинять еще и в эклектическом сочетании естественнонаучного и гуманитарного знания, так как, очевидно, он не делает различий между ними не потому, что не видит их, а стремится к некоторому синтетическому их объединению в рамках особой методологии. Такой взгляд более соответствует современным представлениям о сложной природе человека, включающей на определенном уровне биологические механизмы и процессы. Однако, декларирование интереса к биологии человека не должно нас обольщать, так как мы были предупреждены о необычности подхода автора к известным понятиям. Так что не будем сразу принимать обвинения С.М. Широкогорова в биологизаторстве проблемы этноса, а посмотрим, что значит для него биология, этнология и некоторые другие, вроде бы, понятные нам термины.

Рассматривая вопрос о природе этнографии, т.е. буквально народоописания, автор впервые вводит понятие **этнос**, которое ему необходимо, прежде всего, для того, чтобы отделить его от понятия **нация**. Как известно, под термином этнос Сергей Михайлович понимал группу людей, *«...говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп.»*²¹. Важно отметить, что в качестве примеров этносов он перечисляет: латышей, поляков, бурят, вогулов, великороссов, кубанских казаков, бретонцев, провансальцев, нормандцев, шотландцев, ирландцев. Такой перечень наглядно свидетельствует, что понятие этнос первоначально не совпадало полностью с народами, нациями и другими образованиями такого рода, а включало в себя и составляющие их объединения. Поэтому «этнос» С.М. Широкогорова более соответствует тому, что Ю.В. Бромлей определял как «этникос» или этнос в узком смысле слова. Основное свойство нации, отличающее ее от этноса, С.М. Широкогоров видит в существовании *политической организации данной общности*, как правило, *в виде государства* «Таким образом, термин «нация» подразумевает объединение, если не в настоящем, то в будущем, политическое - государство ... в сознании современных цивилизованных народов «нация» определяет собою группу людей, объединенных в государство единством обычаев и языка...»²²

Поэтому у С.М. Широкогорова не было необходимости в такой громоздкой категории как «этно-социальный организм». В дальнейшем политическая организация почти совершенно исчезает из работы, так как мало интересует автора. В центре его внимания другие вопросы. Значение категории этнос автор видит в том, что «Имея объектом наблюдения этнос, *этнография изучает все проявления умственной и психической деятельности человека*, (курсив мой-А.К.) т.е. 1) его материальную культуру, т.е. всю сумму знаний в области строительного искусства, одежды, питания и т. д.; 2) его социальную культуру, т.е. организация общества, - государства, - и его органов, как семья, род и т. под.; 3) его духовную культуру, т.е. религию, науку, философию и эстетическое искусство.»²³ На первый взгляд, автор здесь отступает от своей «пробиологической» позиции в отношении этноса, так как под этими словами может подписаться и современный этнограф. Но позволю напомнить, что раньше в работе речь шла не об этнографии как таковой, а об этнологии.

Учитывая важную роль культуры в его концепции этноса, С.М. Широкогорov определил ее следующим образом. «Термином «культура» я буду определять *сумму накопленных знаний, результирующих соответствующий уклад материальной и социальной жизни и мышление данного этноса, группы этносов или всего человечества.*»²⁴ Сегодня мы можем оспаривать такое определение культуры, правда, какое из нескольких сотен используемых современными авторами понятий культуры предложить взамен - это тоже непростой вопрос. Можно только отметить, что в отличие от бытовавшего у нас долгое время понимания культуры как совокупности материальных и духовных достижений человечества, Широкогорov явно отдает предпочтение духовной сфере (знания) в определении этого явления. Далее мы видим еще одно примечательное пояснение автора: «Все проявления человеческой культуры приходится рассматривать как проявление *умственной и психической деятельности человека, но в различных отделах эти проявления соприкасаются с различными науками и отраслями знаний* (курсив мой-А.К.). Так, например, отдел материальной культуры несомненно теснейшим образом связан с технологией, отдел социальной культуры связан преимущественно с социологией, и, наконец, отдел духовной культуры связан с циклом философских наук, историей, психологией и т.д. Этими делениями объясняется также в зависимости от подготовки или наклонностей исследователя уклонение одних этнографов в одну сторону, других – в другую сторону и даже выделение некоторых отделов или части

их в самостоятельные части других наук, как например, в историю религии, социологию и др., оставляя этнографии чуть не одну материальную культуру.»²⁵ Следовательно, культура для С.М. Широкогорова - не просто знания, но это обширное поле, изучением которого занимаются все науки, стремящиеся потеснить этнографию, но он не собирается мириться с таким положением.

Раскрывая содержание категории культуры, он уделил большое внимание феномену пережитков, которые позволили ему установить, что «...культура этноса складывается из явлений и элементов, имеющих во времени различное происхождение и значение, причем некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвертые только что родились. Сложность культуры каждого этноса столь велика, что понять ее и начертить дальнейшую эволюцию ее можно только путем анализа происхождения и зависимости всех явлений от всего комплекса этнографических особенностей, связанных между собой не только генезисом, но и равновесием.»²⁶

Теперь мы можем добавить к уже установленным признакам культуры, выделенным С.М. Широкогором еще такие - как целостность и равновесие основных составляющих ее элементов. «Каждый этнос во имя своего существования стремится к сохранению равновесия, которое достигается слабым развитием одних элементов за счет сильно развитых других.»²⁷

Итак, суммируя первую часть монографии С.М. Широкогорова, можно сказать, что она вводит понятие этнос, рассматриваемое с точки зрения уровня, соединяющего в себе естественные и гуманитарные науки, биологический субстрат и другие измерения человека. Далее это понятие репрезентируется через категорию культура, для которой значимыми являются проявления умственной и психической деятельности человека. Причем как первое, так и второе явления представлены сначала целостными взаимосвязанными образованиями.

Следующий раздел «Этноса» посвящен характеристике этнографии. Очень показательным, что она начинается с оценки роли и места этнографа. «Этнография, как и всякая наука, в психологической основе своей имеет чистое стремление человека к познанию. Наблюдатель обращает внимание, прежде всего на то, что его «поражает», т.е. на что он реагирует *эмоционально*. Поэтому внимание этнографов было направлено сначала на этносы, наиболее отличающиеся от самих наблюдателей.»²⁸ Нетрудно заметить, что

теперь в фокусе интереса автора оказываются вопросы эпистемологического характера, т.е. теории познания. Огромный полевой опыт работы позволил С.М. Широкоговору сделать ряд важных обобщений и в этой области. «Наблюдатель исходит из того, что истинная, настоящая, наилучшая жизнь есть та, которой он живет, а все отличное от нее есть не настоящее, варварское. Переход к пониманию этнографических явлений, вне зависимости от собственных привычек и вкусов, есть уже значительный шаг вперед, но наблюдателю приходится сделать еще много выводов прежде, чем он дойдет до идеи изучения своей собственной культуры как чуждой ему, - без симпатий, антипатий и удивлений.»²⁹ Поразительная проницательность! Тонкое понимание подобных вещей позволило Сергею Михайловичу также отметить некорректность применения таких терминов как «первобытный коммунизм», так как коммунизм – это уже политическое учение и т.д. Но и из таких ошибок он предлагает извлекать научную информацию. «Вследствие указанных обстоятельств, изучение трудов этнографов само может представлять объект изучения этнографии цивилизованных наций, в тех целях, чтобы знать, каким именно образом в сознании цивилизованного этнографа преломляются обычаи и психология этносов других культурных циклов.»³⁰ Подобное глубокое рефлексирование по поводу исследовательской процедуры в этнографии, действительно, заметно выделяет С.М. Широкогорова из основной массы его современников. Но далее у него идет еще более поразительный вывод. «Эта психология исследователя лежит в основе истории этнографии, она же определяет и беспрестанно расширяющиеся пределы этнографии, но если мы на основании предыдущего пути, уже проделанного этнографией, наметим дальнейшее развитие, то несомненно, что цивилизованные нации европейского цикла, наряду со всеми остальными этносами, должны будут также войти, как материал и объект изучения в общую этнографию.»³¹ Показав, что колоссальное количество исследований «цивилизованных» наций совершенно не связано по методам и внутренней связи, автор предлагает выход из положения. «По существу дела это подлинный этнографический материал, классификация и понимание которого без этнографического метода, конечно, невозможны.»³² В таком случае, категория этнос у С.М. Широкогорова является универсальной, а этнография как наука об этносе становится интеграционной базой всех социальных и гуманитарных дисциплин!

Выше уже я отмечал его стремление к поиску синтеза научного знания, теперь же мы видим конкретные шаги по его реализации. «Отдельные отрасли права, - гражданское, уголовное, государственное, торговое, международное право и т.д., все это развивалось отдельно, почти вне связи друг с другом, шло своими путями, но все это – части одной науки, - науки этнографии, которая все эти науки объединяет своим методом и, отбрасывая маловажное, берет существенное для выводов общих законов, установление которых только и дает возможность вырваться из круга привычных этнографических условий, замкнутого круга, своего круга, ограничивающего пределы познания и понимания самого себя и держащего в цепких лапах «этнографического» примитивного, ограниченного мышления даже ученых и государственных мужей...»³³ Конечно, Сергей Михайлович здесь очень пристрастен, и как мы знаем ни этнография, ни этнология не заняли такое место в науке, которое он им предсказывал. Но эта его пристрастность связана с такими масштабами научного поиска и таким проникновением в суть многих проблем, не потерявших своей актуальности и сегодня, что его увлеченность поневоле вызывает уважение. И кто знает, может быть, такое состояние этих наук еще не просто не достигнуто и прогноз С.М. Широкогорова относится к их будущему состоянию?.

Только после анализа процедуры работы этнографа и обоснования особой роли этнографии мы снова сталкиваемся с пресловутым «биологизаторством». «В основе жизни каждого народа лежат, конечно, еще более глубокие причины – причины чисто биологического свойства. По сравнению с другими видами животных *человечество существует и приспосабливается к борьбе за существование, главным образом, при помощи своих особенно развитых* (курсив мой-А.К. *умственных способностей и с биологической точки зрения его ум есть тоже самое, что для тигра его мускулатура, зубы и когти.*»³⁴ Я не думаю, что это высказывание можно понять таким образом, что его автор приравнивает ум человека к мускулам и зубам животного. Очевидно, что он показывает роль и значение ума, т.е. сознания в нашем понимании, в способе существования человека, что не значит принижения этого важнейшего его качества. Читаем дальше: «...человека, вступившего на путь *борьбы за существование при помощи своего ума* (курсив мой-А.К.), - доказательством чему служит вся история человека, - невозможно видеть под иным углом зрения и, таким образом, этнографические явления нужно рассматривать как функцию биологическую. Форма же, в которой

проявляется эта функция и, так сказать, ее единица, как мы видели есть этнос, или иначе: *этнос является формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству как виду существовать.*»³⁵ В этом отрывке снова подчеркнута роль ума (сознания) в развитии человека, который позволил создать все многообразие этнографических (культурных) явлений, с помощью которых обеспечиваются условия существования. Поскольку они у человека играют ту же роль, что и органы животных, то поэтому С.М. Широкогоров снова их сравнил с биологической функцией. Реальная жизнь человека и его культурно-исторический процесс связаны, прежде всего, с этносом, отсюда его определение как формы. Следует обратить внимание на такие понятия, как развитие и смерть пускай элементов, но дающих возможность *существовать человечеству*. С учетом приведенных ранее высказываний можно заключить, что для С.М. Широкогорова понятие «биологический» имеет смысл как «живой», «биологическая функция» - как функция приспособления, адаптации. Поскольку феномен этноса существуют только благодаря воспроизводству жизни составляющих его индивидов, то и подход к нему, как такому живому явлению способствует более глубокому пониманию его сущности. Само сознание также является некоторой функцией живого, поэтому в данном случае речь идет о специфически человеческом способе существования, который достигается благодаря уму и созданию искусственных (этнографических) средств, но был описан через определенное использование биологических понятий, но не терминов. Следует также подчеркнуть глубокую мысль автора об этносе как форме проявления этой «биологической», точнее социально-культурной и сознательной функции, которая затем была перефразирована в форму процесса создания элементов дающих возможность существовать человечеству. Если теперь дать более развернутую формулировку этой идеи, то можно получить примерно следующее. Реальное многообразие всех культурных, социальных и этнографических форм человеческого бытия есть результат актуализации исходной ситуации существования множества этносов. Каждый этнос формирует свои определенные средства и способы существования и развития человека, человечество же, как общность самого высокого порядка, может существовать потому, что такое разнообразие накладывается на общеродовую природу, обусловленную общими условиями формирования и развития человека и его физического строения. Очень показательно, что в интерпретации С.М. Широкогорова мне пришлось прибегать к

словам «природа», «физическое строение», которые так или иначе могут быть связаны с семантическим полем понятия «биология». Важно же здесь другое – постановка проблемы о противоречивости глобального и локального уровней существования человека. Правомерность именно такой интерпретации «биологии» этноса можно подтвердить определением антропологии, которое дал этой дисциплине С.М. Широкогоров. «Антропологию же можно определить, как науку, которая изучает человека, как особый *животный* вид, историю и происхождение этого вида и является наукой *чисто биологической* (курсив мой-А.К.)».³⁶ В таком понимании антропологии автор мало оригинален, так как оно было характерно для науки конца XIX – начала XX вв., но поскольку речь идет о физической антропологии, то слова *животный* и *биологический* несут у него еще смысл как *физический* и *телесный*. В целом теперь может быть восстановлена следующая понятийная цепочка, положенная в основу концепции С.М. Широкогорова: этнос, культура, умственное (психическое), биологическое (телесное), живое. Такая реконструкция может быть подтверждена еще одной цитатой: «Рассматривая этнографию и выводы ее с такой точки зрения, мы подходим к установлению связи между *физическими особенностями человека, т.е. антропологией*, (можно добавить биологией – курсив и вставка мои А.К.) *и его умственной и психической жизнью, что дается нам, с одной стороны этнографией, а с другой стороны, языкознанием*. Это и есть наука, венчающая знания о человеке, - этнология.»³⁷ Таким образом, и в данном случае мы видим стремление к целостному охвату феномена человека в его разнообразных проявлениях и, прежде всего, в реальном живом бытии. В соответствии со своим замыслом, С.М. Широкогоров пересматривает традиционное соотношение разных областей гуманитарного знания. Антропология для него – наука *чисто биологическая*. Археологию он рассматривает не как самостоятельную науку, а метод антропологии и истории. Этнография, по его мнению, «...изучает человека в его *этнических группировках* со стороны проявления его *духовных качеств*, (курсив мой-А.К.) т.е. изучает его как производителя материальных богатств, создателя общества и творца способов миропознания и миропонимания. Таким образом, этнография имея в основе своей языкознание, опирается в выводах своих на психологию, технологию, социологию, пользуясь в качестве материала наблюдением современных этносов (народописание) и их предков (история и археология).»³⁸ Однако, такое расширенное понимание

этнографии для автора не самоцель. так как «эти три науки (антропология, этнография, языкознание, охватывающие человека как живое существо, созданные им искусственные средства существования и формы осознания окружающего мира, - А.К) в своих выводах, в создании общих им всем законов, объединяются молодой наукой – этнологией, которая ставит своей целью открытие связи между различными сторонами человека, изучаемого антропологией, этнографией и языкознанием и установление законов, каким подчиняется жизнь отдельных этносов. Подобно тому, как биология есть наука о жизни вообще, этнология – есть наука об этносах, как форме, в которой развилось и живет человечество, т.е. этнология, как и биология, открывает законы жизни человека, как вида, а, следовательно, его *мышления и науки, как результат мышления*, и таким образом, этнология является венцом знания человека.»³⁹ Выше я уже показал роль и место, которое отводил этносам и еще раз подтвердил С.М. Широкогоров, теперь мы видим, что такое этнология в системе его концепции. Во-первых, это - очень синтетическая дисциплина, которая складывается из многих научных составляющих. Во-вторых, предметом этой дисциплины являются законы развития этносов и связи между различными проявлениями человека, т.е. она должна разрабатывать теорию очень высокого ранга. Причем, законы эти для него однозначно являются законами мышления, которое, с одной стороны – общечеловеческое свойство, а с другой стороны, – его продукт, т.е. наука, занимающаяся их изучением. Такая последовательная привязанность к уму, сознанию и мышлению в отдельных положениях работы могла бы дать основания для обвинения Широкогорова и в идеализме, если их вырвать из общего контекста. Поэтому, с одной стороны он биологизатор, с другой – идеалист, с третьей – он может повернуться еще какой-нибудь гранью, но все это будут отдельные звенья его концепции, которые нельзя абсолютизировать. Он, прежде всего, этнолог, т.е. представитель той науки, которая – венец знания человека и только в качестве представителя своей науки мы должны рассматривать и оценивать Сергея Михайловича. Не случайно, что еще в своей краткой автобиографии (*curriculum vitae*), подготовленной им к конкурсу в ГДУ в конце 1921 г. в разделе специальные интересы он написал: «Группа тунгусских языков. Методология антропологии. Методология этнологии.»⁴⁰ Теперь же он нашел более точное определение рода своей деятельности – этнология, но в теоретическом и методологическом смысле.

Развивая свою идею этнологии как науки об этносах, С.М. Широкогоров отдельный раздел работы посвятил проблеме классификации. Человек способен познавать окружающий мир, благодаря способности к мышлению, при помощи специальных средств и методов. Одним из таких важнейших методов познания выступает классификация, значение которой автор видит в том, что они « помогают нам сокращенно мыслить и познавать...»⁴¹ Последовательно рассмотрев разные виды классификации, автор приходит к выводу, что группировки материала «...с антропологической, лингвистической и этнографической точки зрения до настоящего времени еще не дали возможности построить согласованную схему.»⁴² Как видно из дальнейшей части работы, ее автор попытался устранить этот недостаток. При этом он применил совершенно новый подход для достижения такого согласования. Вместо поиска различных «руководящих ископаемых», т.е. набора признаков или характерных «маркеров», свойства этноса определялись через выяснение его отношений с окружающими явлениями (средами). Только в этом случае исходное единство этноса не приносилось в жертву господствовавшим аналитическим процедурам исследования, а являлось важным условием исследования его свойств. Сама же эта процедура обнаруживает явные признаки структурной методологии. Здесь важно подчеркнуть, что это не структуралистский подход, который уже получил в это время развитие в лингвистике и литературоведении (И.А. Бодуэн дэ Куртене, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон). Для приверженцев данного направления именно структура является важнейшим принципом и категорией исследования. У С.М. Широкогорова структура этноса является производной от его целостности, а это уже вполне системное рассмотрение проблемы. Основоположителем структурного подхода в этнографии и социальной-культурной антропологии принято считать выдающегося французского ученого К. Леви-Стросса, который впервые успешно продемонстрировал его в своих работах 50-х гг. Однако, на другом материале и гораздо ранее его использовал уже наш замечательный российский исследователь. Очень показательно, что сначала С.М. Широкогоров опубликовал как отдельную брошюру «Место этнографии среди наук и классификация этносов» именно эту наиболее концептуальную часть работы, включающую первые три главы будущего «Этноса, впоследствии немного дополненные и подработанные. Очевидно, он придавал особое значение своему обоснованию нового видения этнологии.

Основная часть «Этноса», включающая четыре главы, посвящена проблеме, касающимся взаимоотношения этноса и окружающей его среды. Четвертая глава «Первичная (природная) среда и этнос», начинается с краткого освещения темы происхождения человека, затем в ней рассматривает вопрос взаимоотношения с географической средой. Все многообразие природных условий существования этносов С.М. Широкогоров свел к трем основным типам: 1) моря с прибрежной полосой, 2) острова, 3) континенты. Наиболее оптимальная зона для развития этносов, по его мнению, находится между тропиками и полярным кругом. Роль географического фактора здесь рассматривается очень многообразно, например, не только климата, топографии местности, почвы, отношения суши и моря, флоры, фауны в целом, но и отдельно хищников. Основной вывод, который можно сделать из знакомства с этой частью работы, заключается в том, что ее автор не является географическим детерминистом, но он считал, что свойства среды вызывают необходимость приспособления к ним со стороны этносов.⁴³

Очередная глава «Вторичная среда и этнос», посвящена взаимодействию этноса и культурной среды («условия, которые являются созданием человека»), являющейся для С.М. Широкогорова такой же естественной, как и природная. Здесь, в частности, рассматриваются взаимоотношения человека и домашних животных, влияние природных ресурсов на развитие этносов и др. Результатом анализа является важный вывод: «Из рассмотренного влияния первичной и вторичной сред видно также, что ослабление влияния первого и поднятия второго вызывает у этноса необходимость создания некоторой внутренней организации, которая принимает различные формы в зависимости не только от условий первичной и вторичной сред, но и вследствие спонтанного развития самих форм, приобретающих самодавяющее значение.»⁴⁴ Благодаря этой четко сформулированной идее, мы получаем возможность точнее представить концептуальные основы исследования С.М. Широкогорова. Понятия среда и организация являются базовыми для различных направлений системной теории, получившей официальное оформление в 40-х гг. XX столетия. Однако, уже у Широкогорова этнос – это, прежде всего, устойчивая общность, единство, объединение людей, не зависящее от их воли и желания. Эта общность существует и развивается в разных средах – природной и социально-культурной. Поэтому этнос нельзя свести только к одной из указанных составляющих: общности людей или их внешнему окружению, так как чаще всего он выступает как

результат их взаимодействия. Не случайно именно связи и взаимодействия были положены С.М. Широкогоровым в основу классификации и общей характеристики этносов. Следовательно, в рассматриваемой работе прослеживаются вполне определенные системные идеи: целостность, взаимосвязь явлений мира, в том числе основных групп человечества, и в таком случае С.М. Широкогоров наряду со своим старшим современником А.А. Богдановым⁴⁵ может по праву считаться одним из прямых предшественников системной методологии в нашей стране. Такой вывод еще более подчеркивает, прежде всего, методологическое и теоретическое значение работы «Этнос». Необходимо также отметить важную идею этой главы, заключающуюся в том, что организация о которой идет речь, это - социальная организация, т.е. общество, которое формируется с этносом, в результате его взаимодействия со средой. Следовательно, этническое является тесно связанным с социальным, причем последнее явление выступает как форма организации первого, а сам этнос является, прежде всего, социокультурным явлением.

Основу организованности общества С.М. Широкогоров видит в дифференциации по деятельности его членов. Эта разделение носит сначала половозрастной характер и мы снова видим утверждение, что «основа общества лежит в пределах биологии».⁴⁶ Я думаю, что оспаривать это положение было бы неправомерно. Второй признак общества автор видит в устойчивости связей, составляющих его индивидов, а третий – «субъективное сознание связи с целым у каждого индивидуума в отдельности».⁴⁷ Следовательно, в имплицитном виде здесь заложены как примордиалистская (этнос и нация как естественные, исторически сложившиеся общности), так и конструктивистская концепции этноса (этнос и нация как конструкт, создаваемый самосознанием составляющих их индивидов). В настоящее время представители этих двух концепций ведут упорную полемику между собой. Как следует из концепции самого Широкогорова, это - разные стороны одного явления, которые проявляют себя в определенных ситуациях. Поэтому и спорить здесь особенно не о чем. Свои идеи С.М. Широкогоров иллюстрировал примерами отношений между тунгусами и медведями, конкурирующими за определенные территории. На этом основании был сделан вывод: «Итак, общество есть выражение биологических отношений созидających вне воли и сознания его членов.»⁴⁸ Говоря другими словами, общность типа этноса является вынужденной, так

как она помогает бороться за существование. Теперь эта уже становящаяся назойливой биологичность у С.М. Широкогорова поворачивается новой стороной: она уже не синоним живого, как раньше, а констатирует «объективное», не зависящее от человека состояние.

Различия в уровне развития конкретных этносов потребовали введения операционального критерия для определения таких уровней. «Чем сложнее вторичная среда и чем упорнее сопротивляемость человека физическому приспособлению себя к первичной среде, тем сложнее форма общества.»⁴⁹ Примечательно, что для характеристики общества Широкогоров использует не только термин организация, но и структура. «Итак, социальную структуру и связанную с ней структуру государственного управления, следует рассматривать как следствие приспособления этноса к среде – первичной, вторичной и этнической, - изменение которой вызывает и изменение структуры.»⁵⁰ Здесь мы видим новый пример вполне системного рассмотрения вопроса, основанного на идее общей взаимосвязанности составных компонентов этноса и окружающей его среды.

Проблеме еще одного измерения среды – этнического, т.е. явления многоэтничности как реального состояния мира, посвящена следующая глава книги. В русле концепции этноса С.М. Широкогорова вполне закономерен его интерес к проблемам демографии, так как существование этноса предполагает естественное воспроизводство составляющих его людей, представляющее биологический процесс, проходящий в культурных рамках и формах. Численность этноса является одним из важнейших его показателей приспособления к среде для С.М. Широкогорова. В свою очередь, в качестве основных факторов, влияющих на этот показатель, он рассматривал характер среды и степень культурности этноса. Вариации численности этноса позволили автору выделять три основных его состояния: стационарное, развитие и гибель. После установления количественного взаимодействия между факторами этнической устойчивости, сделанного при помощи математического аппарата, который невозможно рассмотреть ввиду ограниченности моей компетентности, С.М. Широкогоров делает несколько выводов. Во-первых, « так как территория имеет пределы, то при изменяющейся культуре и прирост населения имеет пределы, а поэтому стремление увеличивать территорию до предела есть естественное явление при развитии этноса (культуры и населения).» Во-вторых, тот страшный вывод из-за которого нужно по-прежнему держать под спудом эту книгу. «Отсюда явствует, что война есть естественное стремление (психически) растущего этноса,

---

проявляющего таким образом свою биологическую мощь, - война есть чисто биологическая функция этноса, облакаемая им в различные идеологические формы, в зависимости от общего культурного состояния.»⁵¹ Мы уже знаем, что биологическая функция у С.М. Широкогорова – прежде всего, связано с понятиями естественная, объективная. В целом же это - несколько непонятная фраза, так как она следует без перехода за приведенной выше, которой, в свою очередь предшествует совершенно другая: «наибольшей устойчивостью (слабой интенсивностью изменения) обладают этносы, имеющие большую культуру при малой территории.»⁵² Вероятно, ее обоснование выведено в виде математических формул. Как представляется, такой взгляд на войну как механизм развития этносов вполне соответствует ситуации начала века, когда сохранялась колониальная система, отгремела первая мировая и только завершалась гражданская война. В начале нового века, когда идет речь о глобализации и новых трендах развития, обусловленных информационной революцией, можно не бояться таких прогнозов, так как они принадлежат конкретным условиям своего времени.

Эта противоречивость взглядов С.М. Широкогорова особенно видна в свете ряда положений последней главы, посвященной междоэтническим отношениям. Вначале автор рассматривает основные свойства «субъектов» взаимодействия, т.е. этносов, способных оказать воздействие на характер и процесс этого взаимодействия. Главную цель жизни этноса он видит в сохранении его существования как вида. Поддержание этого существования создает историю этносов, которая у одних завершается «в молодости», других – в «среднем возрасте», третьи достигают высших ступеней развития. Взаимодействие этносов зависит от разных факторов, так существующие рядом этносы с одинаковым способом обеспечения жизнедеятельности при росте населения будут конкурировать друг с другом. Наиболее слабая связь двух этносов определена С.М. Широкогоревым как комменсализм. При дальнейшем развитии она может перерасти в отношения сотрудничества. При определенных условиях есть угроза превращения междоэтнических отношений в паразитические. При этом подчеркнуто, что «все разнообразные формы отношений... являются формой приспособления к этнической среде на одной территории, имея целью самосохранения при наличии тех или иных данных культурных и биологических вообще.» Определение ступени развития этноса производится относительно изменяющейся этнической среды таким образом, что «при изменении отношений элементов, протекающих внутри этноса,

---

происходит также изменение и всей этнической среды для данного этноса...»⁵³ Показав, что растущему этносу присуще стремление к безграничному распространению территории, С.М. Широкогоров отмечает: «Осуществление этого желания этноса, однако, невозможно, так как это означало бы уничтожение в конечном итоге остальных этносов и превращение их в материал и орудие гегемона, что лишило их самого импульса к изменению, сообщаемому этнической средой.»⁵⁴ В свете такого вывода становится очевидным, что стремление к гегемонии этноса является тенденцией, которая не обязательно получит реализацию и ее не стоит абсолютизировать.

Этот выход хорошо согласуется с последующими положениями работы: «Таким образом, сохранение тех или иных делений в человечестве, - а пока нам известна только одна форма: *форма этнической дифференциации* (курсив мой-А.К.) - есть естественное явление человечества, без чего его существование в состоянии развивающемся, вероятно, невозможно.»⁵⁵ В случае взаимодействия двух этносов, при котором один из них имеет положительный импульс изменения, другой «должен противопоставить изменение культуры или же увеличение территории за счет импульсирующего, или же, наконец, уменьшение населения.»⁵⁶ Если это не происходит, то «эти отношения в случае меньшей мощности этноса, неминуемо приводят к ослаблению слабейшего, принимающему форму истребления, замещения и смещения по культурному, территориальному и антропологическому основаниям.» Показав далее, что вся мировая история может быть представлена как борьба культур и смена этносов, С.М. Широкогоров делает вывод: «Набросанный выше процесс смены руководящих этносов весьма напоминает смену видов и подобие этих процессов как бы лишний раз подтверждает, что этнос следует рассматривать как отдельный вид.» Поскольку в результате развития культуры межэтническая среда меняется то «состояние постоянной гегемонии одного этноса невозможно и борьба между этносами есть естественная функция человечества.»⁵⁷ Итак, борьба этносов, война между ними это результат изменений этнической среды и появления этносов-гегемонов. Однако, в будущем в теллурическом периоде С.М. Широкогоров допускал существование одного единственного руководящего этноса. Эта часть «Этноса» более всего имеет отношение к все еще популярной теории цивилизаций. Один из ее вариантов, представленный получившими большой отклик работами С. Хантингтона, предлагает вариант развития современного мира

как неизбежное столкновение цивилизаций, обусловленное их резкими культурными различиями.⁵⁸ Но, несмотря на критические отклики, почему-то никто не пробовал запретить публикацию и переводы таких прогнозов.

В заключении работы были приведены «систематически главнейшие выводы и предположения в надежде более полное исследование вытекающих их предложенной с и с т е м ы (разрядка моя-А.К.) дать впоследствии.» Это очень интересная часть позволяет понять - какие именно идеи сам автор считал наиболее важными и тем самым проверить справедливость некоторых предложенных здесь выводов. Прежде всего, следует обратить внимание на новую редакцию определения этноса: *«единицею, в которой протекают процессы культурного и соматического изменения человечества, как вида, является этнос, осознаваемый им самим, (выделение мое – А.К.) как группа людей, объединенных единством происхождения, обычаев языка и уклада жизни.»*⁵⁹ Здесь снова подчеркнуто, что этнос – это единица, т.е. некоторая цельность, вид, но теперь конкретизировано не просто биологического, а соматического (телесного) развития человечества. Усилена также роль самосознания, поскольку этот признак вынесен перед другими характеристиками этноса. Далее речь идет о взаимодействии этноса и природной среды. «Для этноса географические условия, - отношение суши и моря, климат, топография местности, флора и фауна, - есть среда, к которой этнос приспособляется и которой подчиняется, становясь частью этой среды, ее производной.» Следующий вывод касается развития технологии: «Для создания предметов материальной культуры, - жилищ, одежды, пищи и т.д. – этнос пользуется окружающими его материалами, подчиняя форму и технику производства материалу, по исчерпанию которого человек может перейти к другому материалу, иногда сохраняя старую форму.» Затем выделяется фактор приручения животных. Следующим по значению идет создание новых искусственных материалов. Эти достижения, по мнению С.М. Широкогорова, приводят к формированию определенных сознательных феноменов. «Преимущества этноса, создавшего новые отношения к первичной среде, - эксплуатация скрытой энергии в движении воды, воздуха, в горючих материалах и т.д., - а в частности к животным и материалам, вызывающее у него сознание своей власти природою и появление свободной воли есть лишь субъективное восприятие новой функции природы, каковой является творчество человека.»⁶⁰

Через отношения со средой рассматривается и формирование общества. «При усложнении отношений этноса к вторичной среде на основе биологической сущности человека, как вида, рождается новая форма приспособления – социальная организация. В зависимости от темпа изменения вторичной среды может изменяться по принципу сохранения равновесия и социальная структура, нарушение же равновесия может даже грозить этносу гибелью. После этого автор выделяет движущий фактор развития человека: «Можно предположить, что *органом борьбы за существование у человека является тот орган или группа их, которые рождают его интеллектуальную или психическую деятельность* и процессы дифференциации человека происходят в плоскости этих органов, проявлением деятельности которых является культура человека, позволяющая ему дальнейшее размножение.»⁶¹ В свою очередь культура определена как «...сложный комплекс, который у каждого этноса обладает некоторой конструктивной устойчивостью, - равновесие культуры...Различные формы проявления принципа равновесия культуры привели к созданию многочисленных теорий «взаимоотношения духа и материи», «роли экономического фактора» и т.д.» Затем последовательно раскрыты факторы устойчивости и развития этноса. «Этническая устойчивость основана на постоянстве отношения количества населения культурности его и территории им занимаемой, изменение каковых без соблюдения устойчивости приводит этнос к гибели.» Еще один фактор, который необходимо учитывать заключается в том, что «Формирование этноса зависит не только от первичной, вторичной, но и от этнической среды, т.е. окружающих его других этнических единиц. ...этнос вне этнической среды обречен на утерю внешних импульсов и в смысле упрощения своих отношений с внешней средой опускается до первобытного состояния.» Соответственно такому выводу идет дальнейшее развитие мысли. «Междуэтническая устойчивость определяется мощностью этносов и суммой получаемых им импульсов изменений, для каждого этноса создавая соответствующую этому междуэтническую валентность.» Особое внимание необходимо обратить на вывод о том, что «...деление человека на этносы есть естественная функция импульсирующая развитие всего человечества в целом.»⁶²

Эта цепь рассуждений, в свою очередь, используется как основание для других выводов, более высокого уровня абстракции. «Развитие этноса происходит не по пути усложнения каждого явления, но по пути приспособления всего комплекса явлений, - этнографических, психических (физиологических) и т.д. в целях

сохранения этноса и, таким образом, наряду с развитием (усложнением) некоторых явлений может происходить редукция (упрощение) других...» Это развитие тесно связано с приспособлением (адаптацией) «...к среде двояким образом: изменением своих потребностей или изменением своих органов и особенностей, во-вторых, изменением самой среды.» Существование этносов, как полагал автор, поддерживается следованием общему принципу, который заключается в том, что «движение этноса при расселении и бытии его всегда протекает по линии наименьшего сопротивления, причем одною из сил является сам этнос, который при принятии решений (а это каждый раз бывает факт осознанный им в части или в целом) связан: внешними условиями (среда), суммой знаний (культура) и характером (биологическая мощьность).» Как всегда, С.М. Широкогоров уделяет большое внимание осознаваемой части бытия: «Осознание этносом отношения его к среде, как и осознание процесса движения при расселении и бытии, составляет содержание духовной культуры этноса, развитие которой зависит, прежде всего, от количества полученного для наблюдения материала, что в свою очередь обусловлено степенью сложности отношений и интенсивностью процесса движения.» При этом он приходит к более парадоксальным выводам, чем объявление войны естественным состоянием этноса: «...в борьбе за существование этнос может выдвинуть этот новый элемент (компенсирующий какое-либо культурное новшество-А.К.) лишь в тех размерах, которые необходимы для сохранения равновесия этноса, а поэтому стремление ограничить глубину осознания процессов изменения и отношения человека к среде есть нормальная функция человечества, как вида, и в этом отношении стремление к интеллектуальной нивелировке и к сведению к среднему уровню индивидуумов, ушедших вперед, есть здоровое, т.е. присущее этносу обладающему сознанием (или инстинктом) самосохранения.» Очень показательно, что за констатацией механизмов и факторов развития этносов следует футурологический прогноз. «Будущее человека, поскольку его можно видеть в движении этносов, имеет некоторый предел, с приближением к которому либо должно приостановиться дальнейшее развитие (усложнение) культуры, либо должно произойти сокращение территории, что равносильно и в том и в другом случае гибели этносов, а вместе с тем и современного человека...На основании всего вышеизложенного можно предположить, что человечество находится вблизи от кульминационного пункта и если оно не успеет выделить из себя новый вид, сумеющий в будущем приспособиться,

то оно будет обречено на гибель без заместителя, как погибли, например, аммониты.»⁶³

С учетом особенностей проблематики «Этноса» и порядка рассмотрения поставленных в нем вопросов можно предложить следующий вариант реконструкции организации этого текста. Вначале идет обоснование цели и задач книги и объяснение ряда важных для авторов обстоятельств ее появления на свет. После этого описываются основные этапы развития этнографического знания и подводятся главные результаты этого развития. Затем излагается авторская концепция новой дисциплины этнологии, основным объектом и предметом которой являются этносы, законы их развития и взаимосвязи между основными измерениями человека. В соответствии с этой позицией, этнология вбирает в себя все науки занимающиеся изучение человека и общества, так как только этнографическая база может объединить их в единый корпус знаний. С учетом этнического многообразия поставлен вопрос о классификации этносов и показано, что имеющиеся методы и стратегии группировки материала не могут решить этой задачи. Для восполнения возникшей лакуны проведено обстоятельное рассмотрение взаимодействия этноса с природной, социокультурной средой и другими этносам. На этой основе были выделены основная цель существования этносов, три основные стадии их развития, основные факторы и условия этого развития. Затем подведены основные итоги проделанного исследования, которые завершались некоторым футурологическим прогнозом. Как видно из приведенного описания, для монографии С.М. Широкогорова «Этнос» характерен подход от абстрактного - к конкретному, а затем он делает переход к широким обобщениям. Хотя, справедливости ради нужно отметить, что «конкретное» у него также остается на очень высоком уровне абстракции. По ходу изложения автор поднимает различные вопросы, касающиеся теории познания, роли и месте ученого в этом процессе, рассматривает исторические, социальные, культурные, демографические аспекты развития человечества. Причем, анализ проблем и изложение материала проводится с учетом сложности, целостности и взаимосвязи рассматриваемых явлений. Отсюда те трудности противоречия в оценке роли и значения работы и те требования, которые возникают при попытках ее интерпретации и использования.

Таким образом, исследование С.М. Широкогорова «Этнос. Исследование основных принципов этнических и этнографических явлений» представляет собой весьма оригинальное, но сложное для понимания произведение. Оно разительно отличается от многих

современных ему этнографических или этнологических монографий уровнем исследования, постановкой проблем и способами их решения. Не случайно аргументация автора строится на основе этнографических данных Сибири и Дальнего Востока, биологических аналогиях социальным явлением (сказывается обучение на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета), фактах всемирной истории. Многие его выводы построены на рассуждениях, основанных на использовании математического аппарата, применение которого предполагает высокий уровень обобщения данных, без чего невозможна их формализация. Самое поразительное заключается в том, что Сергей Михайлович нашел теоретическую основу и исследовательские средства адекватные поставленной им задаче. Подход к этносу как целостному живому явлению, которое должно быть уравновешено относительно своей внутренней структуры и окружающей его внешней среды привел к использованию терминологии позаимствованной из биологии, однако, по сути - это взгляд присущий современной системной теории. В силу уникальности жизненных обстоятельств, разносторонней образованности и бесспорного таланта Сергей Михайлович Широкогоров смог опередить свое время и выйти в область проблем, которые станут предметом обсуждения широкой научной общественности во второй половине и в конце XX века. Однако, такой рывок сопровождался вынужденным использованием имеющегося понятийного и концептуального аппарата своего времени. Отсюда пресловутое «биологизаторство» проблемы этноса, так как со времен Г. Спенсера «организмизм» оказывал большое влияние на научную методологию. Снижает уровень работы и недостаточность этнографических фактов для подтверждения более общих социальных и культурных процессов. Но главное заключается в том, что в своей уникальной книге он имплицитно поставил проблему теории систем, единства и специализации социального и гуманитарного знания, роль и значение ученого (наблюдателя) в познании, основных условий и факторов этнического и социального развития, конфликта цивилизаций (руководящих этносов), примордиалистских и конструктивистских концепций этноса и многое, многое другое. В силу ограниченного объема издания важные идеи здесь только обозначены, они растворены в ткани текста и поэтому не могут быть сразу восприняты. Не случайно сам Сергей Михайлович провидчески написал в предисловии: «Это обстоятельство, несомненно, послужит источником многих недоразумений, к которым мне приходится быть готовым... Вследствие всех указанных обстоятельств я ожидаю встретить со стороны большинства читателей преимущественно безразличное

отношение к настоящей работы, со стороны меньшинства резкую критику и полное отвержение предлагаемых методов и, наконец, со стороны ничтожного меньшинства полезную критику и помощь для дальнейших исследований.»⁶⁴ Вопреки мнениям некоторых авторов «Этнос», попал в Советский Союз, об этом позаботился С.М. Широкогоров, во всяком случае, в Ленинграде и во Владивостоке он точно оказался. Название книги, к сожалению, вводило в заблуждение, так как на нее первыми среагировали, естественно, этнографы и другие представители конкретных гуманитарных дисциплин. Но они не нашли здесь привычного обобщения этнографических данных, приправленных общими замечаниями и не сочли интересной для себя. К тому же постоянные отсылки к биологическим механизмам и функциям этноса вызвали настороженное отношение к предлагаемой концепции. Специалисты-методологи и те, кто причастен теоретическим проблемам развития науки, вероятно, посчитали эту работу слишком конкретной. Вот так и остался «Этнос», фактически, невостребованным вплоть до последнего времени. Нечто подобное мы уже пережили в отношении к М.М. Бахтину, которое долгое время скрывался за маской литературоведа, хотя был крупнейшим теоретиком и философом культуры. Очевидно, аналогичную ситуацию мы имеем и в случае с С.М. Широкогоровым, принявшим маску этнографа, археолога и физического антрополога, утаившую выдающегося ученого-теоретика. Сергей Михайлович верно увидел общее значение категории этнос как первичной реальности, включающей в себя все другие составляющие, в первую очередь культурную и социальную. Он смог успешно преодолеть барьер, разделяющий для многих ученых развитые и архаические общества, и показал, что все они являются предметом единой науки этнологии, так как только развитие политической организации позволяет этносу со временем перейти на новую стадию развития, которая получила сегодня определение нация-государство. Для Широкогорова характерно четкое различие онтологических (объективных) составляющих этноса, которые он определял как биологические, и их осмысление в виде сознательных конструкций. Причем он постоянно подчеркивает роль и значение сознания как ведущего условия существования и развития человека. Будучи пионером в науке об этносе, С.М. Широкогоров смог глубоко проникнуть в сущность рассматриваемого явления и ему сразу открылись совершенно новые горизонты исследований. Он одним из первых показал возможность и перспективность применения методов этнологического анализа к изучению развитого общества, к которому принадлежит сам ученый-

этнолог. Подлинно новаторскими в науке явились его идеи о межэтнических отношениях, способных принимать различные формы. К сожалению, за пределами моей компетенции лежит оценка идей, выраженных математическим языком. Однако, даже всего вышесказанного достаточно, чтобы, не обращаясь ко всему разностороннему и богатому научному наследию С.М. Широкогорова, определить его как одного из выдающихся представителей российской науки XX века, который смог почувствовать и предвосхитить основные тенденции ее развития на полвека вперед.

Я не буду указывать, какие конкретные детали работы «Этнос» не выдержали проверки временем, так как позволю себе не согласиться с несколькими более существенными положениями его теории. Прежде всего, основная его тема все-таки не этнос. Он был вынужден так подробно заняться этой проблемой, так как первым ее увидел и осознал все значение этого явления. Основной пафос книги С.М. Широкогорова, на мой взгляд, заключается в тезисе – **человек-это существо этническое**. Именно человечество в своем основном, этническом измерении является главным героем «Этноса». Да, эта общность является основной исходной реальностью, которая объединяет в себе социальные и культурные характеристики, а позднее преобразуется политическими институтами, о чем мы должны не забывать, занимаясь социологическими, культурологическими или политологическими штудиями. Но основное значение ее заключается в том, что она обращает наше внимание на тот факт, человек формируется под действием среды, которая является этнической. Именно этнос остается формой и условием формирования и развития человека, а, следовательно, и всего человечества. В таком случае, все то, что делал С.М. Широкогоров, это было не только развитие этнологии, но и важный вклад в развитие науки о человеке, т.е. общей антропологии, включающей в себя социальную, культурную, экономическую, политическую и другие конкретные антропологии. Только тогда можно понять, почему идея Широкогорова о единой универсальной науке так близко перекликается с взглядами Б. Малиновского, А.Р. Рэдклиф-Брауна, Ф. Боаса и К. Леви-Строса т.е. крупнейших антропологов XX века. Сергей Михайлович прошел свой собственный путь в науке, но этот путь удивительно образом повторил судьбу Малиновского и других отцов-основателей современной антропологии. Это и длительные экспедиции для изучения этнографии еще мало подвергнувшихся воздействию цивилизации этносов, и ориентация на постижение универсальных законов развития общества и человека и еще многое другое. Поэтому с полным основанием мы можем отнести «Этнос» и другие работы

С.М. Широкогорова к классике российской и мировой антропологии. И если «Этнос» родился из необходимости С.М. Широкогороду заняться преподаванием, в условиях отсутствия у него нормального научного общения, то мы должны быть благодарны этим обстоятельствам, которые привели к появлению такого замечательного произведения, являющегося ярким памятником интеллектуальной жизни России начала XX века.

Примечания

1. Широкогород С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток. Свободная Россия. 1922. 34 с. Он же. Этнос. Исследование основных принципов изменений этнических и этнографических явлений. Шанхай. 1923. 135 с
2. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М. Наука. 1973. Он же. Очерки теории этноса. М. Наука. 1983. С. 10
3. Там же
4. Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. с. 3-17
5. Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение. Человек и этничность. 1994 № 6. С. 35-49
6. Козлов В.И. Проблематика этничности // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 39- 54
7. Заринов И.Ю. Время искать общий язык // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. с. 3-18
8. Татунц С.А. Этносоциология. Учебное пособие. М. МГУ. 1999. с. 36 138 с.
9. Мнацаканян М.О. Нация: психология, самосознание, национализм (интегральная теория). Учебное пособие по этносоциологии. М. МГИМО. 1999. с. 67
10. Рыбаков С.Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю.В. Бромлея // Этнографическое обозрение. 2001. № 1. С. 3-22
11. Данченко Е.М. О вкладе С.М Широкогорова в разработку теории этноса / Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток-Омск. 2000. С. 13-16
12. Широкогород С.М. Этнос...С. 4
13. Там же, с. 3
14. Широкогород С.М. Место этнографии среди наук и классификация этносов
15. РГИА ДВ, ф. Р-289, оп. 2, д.1573, л.л. 14, 19, 20
16. Спальвин Евгений Генрихович (1872-1933)- профессор

японской словесности Восточного института, затем с 1920 г. - декан восточного факультета Государственного дальневосточного университета. После установления Советской власти во Владивостоке в октябре 1922 г. и до января 1923 г. временно исполнял обязанности ректора ГДУ. Последние годы жил и работал в Харбине.

17. РГИА ДВ, ф. 3-289, оп. 2, д. 1573, л. 18а6
18. ФАН РАН, ф. 282, оп. 2, № 319
19. Широкогоров С.М. Этнос..с. 3
20. Там же, с. 4
21. Там же, с. 13
22. Там же, с.3
23. Там же, с. 13
24. Там же, с. 14
25. Там же, с. 15
26. Там же, с. 21
27. Там же, с. 16
28. Там же, с. 24
29. Там же, с. 27
30. Там же, с. 25
31. Там же, с. 25
32. Там же, с. 26
33. Там же, с. 27
34. Там же с. 28
35. Там же, с.28
36. Там же, с. 29
37. Там же, с. 28
38. Там же, с. 32
39. Там же, с. 33
40. РГИА ДВ, ф. Р-289, оп.2, д. 1573, лл. 27-28
41. Широкогоров С.М. Этнос, с. 34
42. Там же, с. 46
43. Там же, с. 48-61
44. Там же, с. 71
45. Богданов (Малиновский) Александр Александрович (1873-1928) – революционный деятель, писатель, ученый, методолог. В 1911 г отошел от политической деятельности и сосредоточился на занятии наукой. В 1926 г основал Институт преливания крови и руководил им до своей трагической смерти. В 1912 г создал работу «Тектология», в которой предложил обоснование новой науки, объединяющий организационный опыт человечества. Эта работа рассматривается как одно из предвосхищений системной теории.
46. Широкогоров С.М. Этнос, с. 72

47. Там же, с. 72
48. Там же, с. 75
49. Там же, с. 75
50. Там же, с. 78
51. Там же, с. 97
52. Там же, с. 97
53. Там же, с. 103
54. Там же, с. 106
56. Там же, с. 107
57. Там же с. 113
58. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
59. Широкогоров С.М. Этнос, с. 122
60. Там же, с. 124
61. Там же, с. 125
62. Там же, с. 126
63. Там же, с. 131
64. Там же, с. 6

С.М. Широкогоров

ЭТНОС

Исследование основных принципов изменения этнических и
этнографических явлений

Отдельный оттиск из т. IXVII Известий Восточного
Факультета Дальневосточного Университета

Шанхай
1923

ПРЕДИСЛОВИЕ

Появление в свете предлагаемого вниманию читателя исследования, название его и способ изложения нуждаются в некотором объяснении, которое я и хочу дать в настоящем предисловии.

Это исследование было написано в условиях наименее благоприятных для научной работы, что не могло, конечно, не отразиться на его качестве и в тоже самое время его появление в свете оказывается несколько преждевременным и вынужденным. Его появление преждевременно потому, что, согласно намеченного мною ранее плана работы, оно должно было увенчать собою публикацию ряда уже законченных разработкой этнологических исследований тунгусских народностей и отдельных вопросов, долженствовавших послужить введением к настоящему исследованию. Вынуждено же оно по следующим причинам. В 1918 - 19 и 1919-20 г.г. мне пришлось принять на себя чтение курса этнографии на историко-филологическом факультете, а в 1921-1922 ак. г. чтение курса этнографии на восточном факультете Государственного Дальневосточного университета. Не удовлетворяясь при чтении курса общепринятыми положениями, я был вынужден постоянно делать отступления в сторону методологии и давать объяснения моим слушателям некоторых приемов подхода к этнографическим явлениям, приемов необычных даже для лиц знакомых с современными этнографическими методами исследования. Это обстоятельство сначала толкнуло меня на предварение моего курса некоторым введением, которое, будучи слишком кратким, не могло достигнуть цели. Поэтому я вынужден был все более и более расширять это краткое введение, пока оно не приняло размеров, превышающих, как по содержанию, так и по назначению своему, первоначальный вид небольшого «введения в курс этнографии», конспект которого был мною напечатан под названием «Место этнографии среди наук и классификация этносов» (Владивосток, 1922 г.).

Отсутствие необходимых книг, даже самых известных, лишило меня возможности воспользоваться тем многим, что дается нормальными условиями для подобных исследований, но в тоже самое время сознание необходимости создать «Введение в курс этнографии», достаточно развитой, чтобы себе и слушателям облегчить изложение и усвоение самого курса, не позволило откладывать эту работу, на будущее время.

Было еще одно соображение, ускорившее опубликование настоящего исследования. Сознание того, что некоторые положения и даже вся система изложения значительно отличают настоящую работу от подобных исследований других авторов, толкнуло меня на немедленное опубликование исследования в надежде, что критика одних и, быть может, помощь других в выполнении некоторых частных исследований, вытекающих из настоящей работы, дадут возможность корректировать возможные ошибки и ускорить проверку правильности всей системы. Те же соображения позволили мне, не считаясь с обычаем, лишь частично использовать литературу, далеко не всегда делать ссылки и вместо библиографии ограничиться кратким списком авторов и трудов, упомянутых в исследовании. Полных библиографических справок я дать не могу, так как большинство упомянутых изданий найти здесь невозможно, и мне часто приходилось пользоваться своими неполными записками и памятью.

Настоящее исследование касается не только сущности этнографических процессов, но и проблемы биологии человека, как вида, устанавливается связь между различными проявлениями и отношениями человека и таким образом, является исследованием этнологических преимущественно, причем рассматриваются все процессы, как происходящие в единицах и между единицами человеческих группировок. Такой единицей я принимаю *этнос*. Этим именем я назвал и настоящее исследование, желая подчеркнуть: во-первых, ограниченность предпологов исследования, во-вторых, характер исследования, и надеясь вместе с тем впоследствии, когда библиотеки больших научных центров будут для меня доступны и некоторые частные вопросы будут закончены исследованием, дать более обширное исследование, где должно быть уделено большое место истории этнографии, исследованию принципов изменения этнографических феноменов, а главное, должно быть более детально разработано то, что в настоящей работе без достаточного обоснования и иллюстраций только эскизно набросано в виде предложений.

Сознание того, что методы этнографии и антропологии в значительной степени не удовлетворяют главнейшего требования - уничтожения грани между так называемыми гуманитарными науками и естественными, а существующий *hiatus* между этими циклами знания далек еще от того, чтобы быть заполненным, заставило меня, быть может, с слишком большой торопливостью приступить к разрешению некоторых уже давно назревших вопросов. Желание найти способы заполнения *hiatus'a* сделало меня более решительным и позволило не считаться с тем, что во многих отношениях мое исследование будет несовершенным.

Данная мною формула этнической устойчивости и вытекающие из нее формулы, как последствия, суть, конечно, формулы эмпирические и нуждается в проверке. Весьма возможно, что при дальнейшей разработке этой стороны вопроса выяснится, что моменты следует брать с поправками, мною даже непредвиденными теперь (на некоторые поправки я уже сделал указания в изложении), быть может величины их будут иметь более сложное выражение, например в степенях, но моей главной целью является дать толчок в деле пересмотра методологии, и поэтому я решил опубликовать эти формулы в их настоящем виде.

В настоящем исследовании я совершенно не касаюсь вопроса о методах величины S , так как определение ее потребует затраты сил, я думаю, не одного исследователя, а многих и, быть может, на протяжении многих лет. Здесь, между прочим, я только укажу, что материалом для установления этой величины могут быть, например, накопленные богатства, избыток откладываемых продуктов производства, производительность труда и тому подобные феномены, учет которых возможен и которые являются материализацией нематериальных отношений, рожденных социальной и духовной культурами. Как метод определения этих величин, я могу указать также на формулу этнической валентности

$$\varepsilon = \frac{q^2}{\omega} \sum i, \text{ где неопределенная еще константа } \omega \text{ в знаменателе}$$

сокращается с константой выносимой из $\sum i$. Если взять этнос равной культурности (конечно в приближении), то возможно определить этническую валентность без введения и S . Сравнивая же далее этносы, различающиеся по S , с уже определенным ранее, возможно путем приведения к единице получить относительное выражение S и, быть может, путем исключения и сравнения и ее составных.

В настоящем исследовании я использовал отнюдь не все, что сформулированные положения и формулы позволяют сделать, полагая, что это может быть делом будущего и частностью разработки всей схемы.

В изложении мне пришлось коснуться весьма мало разработанного в биологии вопроса о причинах гибели вида. Изложение предположений о причинах гибели вида, в том виде, как это было сделано мною, несмотря на сознание несовершенства, и некоторой преждевременности, для меня явилось вынужденным. Рассматривая этнос, как вид, я не мог обойти молчанием этот вопрос в более широкой постановке, имея в виду также, что для специалистов, - зоологов и палеонтологов, - выводы которых необходимы не только им самим, но и этнологам, мои

предположения, быть может послужат импульсом ускорения исследований в этом направлении.

Не является для меня секретом и то, что чтение моего исследования представляет значительные затруднения вследствие краткости изложения, иногда эскизности его, а также вследствие необходимости для критика отказаться оценивать предложенную систему, смотря с одной какой-нибудь точки зрения, - гуманитарных или естественных наук, каковые в отдельности взятые не могут осветить исчерпывающе изложенной системы. Это обстоятельство, несомненно, послужит источником многих недоразумений, к которым мне приходится быть готовым. Кроме того, со стороны многих критиков мне придется услышать упреки за пользование в виде формул символическими выражениями, что произойдет главным образом, вследствие необычности этого приема.

Вследствие всех указанных обстоятельств я ожидаю встретить со стороны большинства читателей преимущественно безразличное отношение к настоящей работе, со стороны меньшинства резкую критику и полное отвержение предлагаемых методов и, наконец, со стороны ничтожного меньшинства полезную критику и помощь для дальнейших исследований.

В заключение скажу, что принципы анализа этнографических явлений и их изменений целиком применимы и к научным работам, являющимся частью духовной культуры и не могущих, поэтому избежать общей участи. С этой точки зрения при изложении я сделал ряд отступлений от принятых обычаем форм, включая сюда отчасти и заключительную часть настоящего предисловия.

Шанхай

Ноябрь. 1922 г.

Автор.

ГЛАВА I

Введение.

Главнейшие моменты в истории этнографии – Основные понятия- Пережитки и принципы равновесия культуры

Этнография - наука молодая, настолько молодая, что некоторые требовательные классификаторы наук сомневаются можно ли ее отнести к подлинным наукам. Как наука самостоятельная, этнография стала развиваться только в начале XIX столетия, но ее действительное начало нужно отнести к временам классической древности. Зачатки ее мы встречаем в древности, у Геродота, Страбона и других писателей. Бесхитрое описание Геродота различных народов, известных грекам, - эфиопов, гиперборейцев и др., - есть первое этнографическое сочинение в Европе. На географической карте Геродота изображен весь известный древний мир. Ограничивается он странами окружающими Средиземное море, недалеко от него удаляясь на юг и на север. По представлению Геродота на севере жили малоизвестные гиперборейцы, а на юге, в Африке, - эфиопы, причем этим последним именем обнимались и негры, и арабы и другие племена Африки, различные антропологические и этнографические. Это состояние ограниченного знания при желании во что бы не стало дать свою классификацию остается характерным для ученых и последующих времен: достаточно поставить черту, подписать «эфиопы» и дело сделано. Насколько ограниченны были знания Геродота и насколько он был легковверен, может показать его рассказ об амазонках, якобы живущих на одном из островов Эгейского моря.

У Тацита в его «Germania» мы находим более подробные и более достоверные описания германцев. Эти описания до сих пор ложатся в основу исследований ученых и являются подлинным научным трудом. Есть также не мало этнографических данных и у Юлия Цезаря в его, поистине замечательном, произведении «De Bello Gallico», где мы находим сведения о германцах и галлах.

С расширением географических познаний и расширением пределов древнего мира начинается новый период накопления этнографических сведений. Путешественники: арабы, Marco Polo, Plano Carpini и ряд других дают новые сведения о народах земли, но в этом отношении первое место приходится отнести иезуитам, оставившим огромный материал, напечатанный отдельными изданиями в многотомном сборнике чрезвычайной ценности под общим названием: «Lettres edifiantes». Этот период продолжался до XVIII столетия. В 1724 году появляется двухтомное сочинение

иезуита Lafitau «Les Moeurs des sauvages americains», посвященное преимущественно вопросам социального устройства североамериканских индейцев. В этом произведении иезуит Lafitau поднимается над научным уровнем современников настолько, что почти полтора столетия его труды остаются непонятыми и совершенно не оцененными этнографами. Оценку ему может дать только L. Morgan, до сих пор еще сам не вполне оцененный учеными. Труд Lafitau, хотя и изобилующий ошибочными выводами, можно считать началом этнографии, как науки не только описательной, но и обобщающей.

Во второй половине XVIII и в первой XIX столетия исследования путешественников, как например, Cook, Bougainville, Dumont d'Urville, d'Orbigny, Грегори, Палласа, Крашенникова, Кастрена и др. обогащают запас знаний настолько, что вторая половина XIX столетия дает ряд обобщающих трудов Lubbock, Tylor, L. Morgan, Spencer, Letourneau, Ратцеля, Щурца Н. и В. Харузиных и др.

Помимо исследований путешественников, давших новые материалы, большое влияние на развитие этнографии имело изучение под новым углом зрения истории народов и особенно Греции и Рима, а также германцев, галлов и славян. В числе исследователей можно отметить имена Мэна, Бахофена, Фюстель де Куланжа и др. и особенно лингвистов, помогших разрешить многие вопросы новыми методами.

Этот шаг этнографии и исторических исследований дают новое направление этнографическим исследованиям в специальных музеях и с помощью особых экспедиций, поставленных по последнему слову техники и науки. Ряд таких экспедиций, систематически приводящих в известность все народы мира, сетью своих исследований покрыл почти всю землю, что дало возможность подойти к новому периоду этнографии, а именно: к периоду подготовки материалов для конечных выводов.

В этот последний период этнография дает уже детальные исследования отдельных народов, исследования отдельных вопросов и наконец, исследования обобщающие и специального методологического характера. Из них можно отметить, например, детальные исследования народов Америки и Азии Джезуповской экспедиции (Jesup Expedition), исследования бастардов Южной Африки Dr. Fisher' ом⁶⁵ исследования, предпринятые в Сибири и Монголии Академией наук, Географическим обществом и другими учеными учреждениями, исследование вопросов родового устройства⁶⁶, истории искусства⁶⁷, питания⁶⁸, одежды⁶⁹ и т.п. и

1) Dr. Fisher «Die Rehoboter Bastards, Jena, 1913

⁶⁶ Особенно в издании «l'Anne Sociologique» под редакцией prof. Durkheim

наконец, исследования обобщающего и методологического характера Вейля, Ратцеля, Щурца и др.⁷⁰

Таков в кратких словах путь развития этнографии.

Вследствие изменения характера наблюдения и в зависимости от стран, этнография, будучи до последних десятилетий, собственно говоря, народописанием, получила различные названия. На разных языках, в разных странах в разное время она называлась: географией, антропологией, этнографией, историей культуры, фольклором, народоведением, народописанием и т.д. И если в России мы можем считать термин этнография почти установившимся, то в Англии еще и поныне называют ее Anthropology и Folklore. Во Франции более или менее установился термин ethnographie и ethnographie comparee, для антропологии же anthropology и anthropology somatique (Denicker). Термину *этнология* придается также различное значение: во Франции под термином ethnologie разумеют преимущественно историю этнографии, но в Германии под ним понимают скорее социологию, основанную на этнографии. Первые общества, принявшие на себя труд изучения антропологии и этнографии, также носили названия этнологических обществ. Эта неопределенность терминологии в отношении этнографии в различных языках указывает несомненно на устойчивость понятия о самом предмете этнографии⁷¹.

Что же понимается нами под термином этнографией? Термин этнография складывается из греческих слов: *εθνος* и *γραφειν*.

что в буквальном переводе значит народописание, но от термина «народописания» приходится отказаться и вот по каким именно соображениям.

Русский термин «народ» не вполне подходит для определения, так как он слишком широк и неопределен. Можно сказать, например, «народ Соединенных Штатов», – «We, the People of the United States», как начинается конституция США, – наконец «простой народ» и т. д. и, как видно, этот термин иногда покрывает даже различные племена, как например, «германский народ», заключающий в себя несколько племен, объединенных в

---

⁶⁷) Напр. Gross «l'Histoire de l'Art». Paris. 1904 (?)

⁶⁸) Напр. Bourdeau «l'Histoire de l'alimentation». Paris. 1902

5) Напр. Bourdeau «l'Histoire de l'habillement. Paris. 1904

6) Весьма интересная попытка была сделана в 1913 г. состоявшим при Академии Наук, а теперь профессором Львовского университета Чекановским, который применил метод корреляции в этнографических наблюдениях в Африке. (Доклад сделанный в 1913 году по Отделению Этнографии в Географическом Обществе в Петербурге).

⁷ Ш. Летурно свое сочинение, посвященное всем этнографическим вопросам даже назвал не «Этнографией», как оно того заслуживает, а «Социологией», основанной на этнографии

государство. Таким образом, в этом термине у нас смешиваются два различных понятия: *этнос и нация*. Поэтому от термина «народ» приходится отказаться и взять условно термин «этнос». Вводя новый термин «этнос» - я даю ему определение: *этнос - есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп*. Это и есть *этническая единица*, - объект науки этнографии.

Принимая данное выше определение можно выделить, что объектов исследования для этнографа, например, в России можно найти много. Латыши, поляки, буряты, вогулы, великороссы, даже кубанские казаки суть отдельные этносы, но и во Франции бретонцы, провансальцы и нормандцы, а в Англии шотландцы, ирландцы - также отдельные этносы.

При последующем изложении наряду с терминами «народ» и «этнос» мне придется употреблять и другие, а поэтому, чтобы не возвращаться далее, к этому вопросу, я дам определение того, что я буду определять терминами: народность, род, племя, раса, нация и национальность. Термин «народность» введен в русскую этнографическую литературу недавно и, как производный от «народ», может вызывать по аналогии неясность в определении самого понятия, поэтому от этого термина лучше совершенно отказаться. Термины «род» и «племя» заключают в себя оттенок общности кровного происхождения и обнимают собою весьма расплывчатые понятия. Так, например, отдельные этносы у некоторых авторов¹ именуются и племенами и родами, поэтому от термина «племя» в этнографии приходится совершенно отказаться, а термин «род» можно относить к известному социологическому явлению². Термином «раса» я буду определять чисто антропологические (соматические) понятия. Термин «нация» совершенно не введен в этнографию, но он представляет много преимуществ. Опуская вопрос о происхождении этого термина, я приведу несколько примеров. Термины «французская нация», «американская нация», «германская нация» и т.д. покрывают собою не только понятие этнографического единства, но и единства политического, государственного, так как, например, «американская нация» включает в себя людей, конечно самого различного происхождения (этнографически и антропологически, соматически, - англичан, ирландцев, евреев и т.д. - объединенных или точнее говоря, объединяющихся теперь общностью интересов, языка, ряда

¹ Профессор Васильев, профессор Ивановский, профессор Захаров и многие другие.

² Род есть группа людей, объединенных сознанием единства кровного происхождения по мужской и женской линии, нормирующих на этой основе свои брачные отношения.

обычаев и уклада жизни. Но и «французская нация», синоним – Франция – *La nation française*, - конечно, не отличаются единством происхождения, как и «германская нация». В то же самое время термины «русская нация», «еврейская нация» и т.д. могут собою определять совершенно иное понятие, а именно: группу людей, объединенных единством происхождения, обычаев (этнографическое единство) и языка, т.е. *этнос*. В этих случаях термин «нация» подразумевает и государство, если не существующее то *in spe*.

Таким образом, термин «нация» подразумевает объединение, если не в настоящем, то в будущем, политическое - государство. В случаях же французская, английская и прочие «нации» предполагается наличие общности происхождения, как условия, необходимого для формирования государства.

Итак, в сознании современных цивилизованных народов «нация» определяет собою группу людей, объединенных в государство единством обычаев, языка и происхождения.

В дальнейшем изложении я буду употреблять термин «нация» в смысле данной выше формулы без последнего члена, т.е. единства *происхождения*. Этот последний член находится в формуле, как пережиток более старых понятий (необходимость для государства быть образованным из этноса) и является перенесением старых форм на новую почву. Как будет видно далее, государство может быть функцией образования делений человека в плоскости психического и мыслительного аппаратов и не быть, следовательно, столь тесно связанным происхождением (соматически).

Наконец термин «национальность», как и термин «народность», в русскую научную литературу проник благодаря общему сознанию необходимости найти новый термин, а поэтому, как определяющий весьма туманно только *принадлежность* к нации, термин «национальность» смысла необходимого для этнографа не имеет и употребляться не должен.

Считаю необходимым также отметить, что все эти термины в научную литературу попадают из общей литературы, где они в свою очередь изменяют свой смысл под влиянием политических причин. В конце XVIII столетия, например во Франции, *la nation* противопоставлялась королю, а в XX столетии велись войны за «освобождение маленьких наций» и т. д.

Имея объектом наблюдения этнос, этнография изучает все *проявления умственной и психической деятельности человека*, т.е. 1) его материальную культуру, т.е. всю сумму знаний в области строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, т.е. организацию общества, - государства, - и его органов, как семья, род и т.под.; 3) его духовную культуру, т.е. религию, науку, философию и эстетическое искусство.

Во избежании неправильного понимания дальнейшего изложения я дам теперь определения некоторых терминов, употребляемых мною. Термином «культура» я буду определять *сумму накопленных знаний, результирующих соответствующий уклад материальной и социальной жизни и мышление данного этноса, группы этносов или всего человечества*. Термином «элемент культуры» я буду определять *составляющие отделы (материальная, социальная, духовная культуры) т.е., например, строительное искусство, одежда, институт семьи, шаманство и т.п.* Термином «явление» (культурное, этнографическое) я буду определять *составляющие элементы культуры т.е., например лук, стрелы, пуговицы костюма, похищение женщин, шаманский бубен и т.д.* Элементы и явления культуры, - внешние выявления самой культуры, могущие быть исследованными, - я буду считать материалом, объектом наблюдения.

Деление культуры на три вышеперечисленных отдела, конечно, не имеет за себя никаких соображений, кроме чисто технических, - удобства изложения предмета.

Все проявления человеческой культуры приходится рассматривать как проявление умственной и психической деятельности человека, но в различных отделах эти проявления соприкасаются с различными науками и отраслями знаний. Так например, отдел материальной культуры несомненно теснейшим образом связан с технологией, отдел социальной культуры связан преимущественно с социологией и, наконец, отдел духовной культуры связан с циклом философских наук, историей, психологией и т.д.

Этими делениями объясняется так же, в зависимости от подготовки или наклонностей исследователя, уклонение одних этнографов в одну сторону, других - в другую сторону и даже выделение некоторых отделов или части их в самостоятельные части других наук, как например, в историю религии, социологию и др., оставляя этнографии чуть не одну материальную культуру. Впрочем, и здесь некоторые авторы выделяют в области истории и технологии некоторые явления и элементы культуры¹.

Из предыдущего явствует, что термин «народописание» (и народоведение) не может быть нами принят и потому, что вторая часть его, - описание, - не покрывает задачи науки, а именно, - *исследования отдельных явлений и элементов культуры*. Поэтому, по требованиям, предъявляемым нами к этой науки наилучшим термином является именно: *этнография*.

---

¹ уже указанные ранее по истории одежды, питания и т.п.

Понимание явлений жизни так называемых диких, нецивилизованных народов возможно только путем установления и изучения происхождения самих явлений, так как объяснение их только с точки зрения рациональности совершенно недостаточно, а иногда и невозможно. Многие явления до сих пор остаются непонятыми и в науки, например, нет точного знания логики цивилизованных народов неевропейского цикла, не говоря уже о логике народов «диких». Но этого мало. Вообще приходится признать, что большинство обычаев и особенностей этносов без этнографического анализа остаются совершенно непонятыми, что особенно приходится отнести к бесчисленным явлениям, утеравшим первоначальное значение и смысл. В этом отношении весьма помогает блестяще выведенный Э.Б. Тейлором «закон пережитков»¹

Этот закон устанавливает, что действующие обычаи, учреждения и отдельные явления вообще могут быть даже в противоречии со всей культурой этноса и сохраняются только благодаря привычке, совершенно утерав прежнее свое значение и смысл. Вторая категория явлений - это явления, утеравшие свой первоначальный смысл, но получившая новое назначение. Наконец, третья категория явлений - это явления, сохраняющиеся от глубочайшей древности, в которой они были созданы, переходящие от одной культуры (по степени развития элементов) к другой и даже приспособляющая к себе по аналогии и другие явления. Весьма интересно в отношении разбора подобных явлений исследование этнографа Van Gennep «Rites de passage» («Ритуалы перехода»), где он доказывает массой анализированных явлений сохранение обычаев, ознаменовывающих некоторым ритуалом переход из одного состояния в другое (общественной, семейной, религиозной и т.д. жизни). Таким образом, идея ритуала «переходного состояния» продолжает существовать, хотя теперь, при фиксации большинства этих актов государством, прежний смысл их совершенно утерян.

Чтобы сделать более ясным значение изложенных выше положений, я приведу несколько примеров.

Поучительна в этом отношении небольшая деталь нашего костюма, - пуговицы на сюртуке, жилете или фраке сзади и галстук. Каково их практическое значение? Значение они не имеют, но отсутствие их всегда будет замечено, так как это «режет глаз». В чем же дело? Дело в том, что эти пуговицы раньше были необходимы для того, чтобы пристегивать полы сюртука, кафтана сзади, для удобства при верховой езде, который, например, по-французски называется исковерканным английским словом *redingote* - *riding coat*, т.е. костюм для верховой езды, стал платьем для

¹ Э.Б. Тейлор "Первобытная культура". 1908. СПб. Некоторые русские авторы, как мне кажется, неправильно употребляют термин "переживаний" (напр. Н. Харузин)

обычного употребления, а затем и платьем для торжественных случаев. Петли на углах его, потеряв окончательно свое значение, пропали, но пуговицы остались. Галстук - это немецкий *hals tuch* шейный платок, который носили для тепла - наш шарф. Но шарф происходит от французского *escharpe* - пояс, который перебрался с пояса француза на шею русского и плечи женщин, но уже в виде изящных тонких тканей. В то же самое время *cache-nez* французов, от *cache* - *прятать* и *nez* (*le nez*) – *нос*, переехало на верхнюю часть груди и на воротник для украшения и чистоты, главным образом. В то же время *halstuch* выродился в узенькую полоску, и даже шнурок с шариками, который иногда носили летом в русской провинции чиновники и интеллигенты.

Возьмем еще один пример. Все видели, конечно, украшение на глиняной посуде, продаваемой на базарах. Эти украшения в большей части своей имеют историю от времен каменного века. В то время, когда еще не умели делать горшков на кругу, горшки изготавливались путем обмазывания глиною плетенки из прутьев; таким образом получались необожженные горшки, которые под влиянием действия огня мало-помалу лишались плетенки, что оставляло выдавленные следы на поверхности уже обожженного горшка. Глазурь на тех же горшках имеет происхождение случайную примесь веществ, при действии огня превращающихся в твердое прозрачное соединение.

Возьмем также, например, украшения, которые носят женщины, - серьги. Каково их происхождение - точно неизвестно, но вернее всего то, что это были родовые знаки, которые носились женщинами и мужчинами для обозначения принадлежности своей к тому или иному роду. После того как родовое устройство приняло другие формы, знаки внешнего отличия потеряли свое прежнее значение и превратились в украшения в амулеты. Таким образом, ботокудские женщины до сих пор носят громадные деревяшки не только в ушах, но и в губе; негритянки подвешивают железо и ракушки весом более фунта, а европейская и китайская женщины носят драгоценные камни, меньше думая об изяществе подвесок, чем об их цене.

Пожалуй, еще более убедительным будет пример сложного учения о счастливых и несчастных днях, основанного на целой системе наблюдений и верований. Само учение уже более не существует, но связанные с ним, обычаи в случаи не выполнения которых люди испытывают едва ли не больший страх, чем прежде, еще действуют.

Интересно так же происхождение и смысл блестящих форм военных. На чем основаны яркие краски гусаров и кавалеристов вообще? В древние времена не только в Австралии или Африки, но

и в Европе для устрашения неприятеля воины раскрашивали свое тело. Отважные воины наводили ужас на врага, а иногда целый народ свое имя получал от своей военной окраски, как и получили свое название кельты. «Черные», «синие», «желтые» и «красные» гусары и драгуны есть остаток древнего времени, когда тело украшалось искусственно. Украшения и знаки отличия на плечах военных имеют также сложное происхождение. Раньше, когда носили шлемы, кирасы и латы, плечи предохранялись особыми пластинами или шарообразными наплечниками, которые нередко украшались особенно тщательно. Затем их значение, с введением огнестрельного оружия, было утеряно, но они снова были введены в некоторых армиях для отличия чинов. И вот железный или стальной наплечник превратился в пушистый эполет, иногда даже из материи, а пластина, предохраняющая плечо, превратилась в погон. Впрочем, в германской армии кавалеристы имеют снова наплечную пластину для предохранения плеча от ударов противника.

Поддержание традиции и обычаев идет так далеко, что от них не свободны университеты, где изучаются «пережитки».

Так, например, профессора обычно ведут свои занятия по определенному ритуалу, - временем установлено взаимное обращение, помещение слушателей за специальными столами, специальное платье и, наконец, самый способ изучения наук. Корни свои все это имеет в глубине средневековья, когда еще не было книг и науки приходилось изучать изустно. Мы к этому привыкли, и всякий иной способ всем показался бы странным и неудобным, хотя, быть может, он был бы более целесообразным. До сих пор в торжественных случаях в Париже профессора появляются в мантиях, а немецкий бурш должен иметь порезанную на дуэлях физиономию и русский студент еще недавнего времени должен был быть нечесан, обязательно либерален и груб в обращении. Все это и есть наша этнография, которую мы любим и понимаем и без которой мы жить не можем даже в университетах.

Количество примеров может быть увеличено почти безгранично, так как каждый этнос дает в этом отношении богатейший материал.

Понимание отдельных явлений жизни этносов возможно только после установления их происхождения и анализа современного значения. Многие явления продолжают существовать в культуре этноса, как было видно, просто по инерции, не мешая существенно жизни людей, существуя часто одновременно с другими явлениями и уступая свое место только по необходимости.

Как примеры подобных явлений можно привести удержание древних шаманистских воззрений и действий у русского населения Сибири (казаки по р. Аргуни, Заб. обл.) где по одним, так сказать

вопросам (например, скотоводство) считается более компетентным шаман, а по другим - православный священник, или увлечение грубым оккультизмом в среде высокообразованных ученых европейских столиц. Но, несомненно, и то, что явления, причиняющие вред данному этносу и находящиеся в противоречии с общим укладом жизни мало - помалу уничтожаются, иной раз даже насильственными мерами государства, причем стремление сохранить отжившее и вредное явление иногда даже вызывает потрясение. Примером этого могут служить обычай погребения по принятому обряду во время эпидемий, а также привычный и любимый примитивный способ земледелия, хотя и освященный веками, но недостаточно продуктивный в изменившихся экономических условиях.

Итак, культура этноса складывается из явлений и элементов, имеющих по времени различное происхождение и значение, причем некоторые из них уже мертвы, другие умирают, третьи находятся в состоянии расцвета и четвертые только что родились. Сложность культуры каждого этноса столь велика, что понять ее и начертить дальнейшую эволюцию ее можно только путем анализа происхождения и зависимости всех явлений от всего комплекса этнографических особенностей, связанных между собой не только генезисом, но и равновесием.

Здесь перед нами выступает *принцип равновесия культуры*, пояснения которого я приведу далее.

Культура каждого этноса или группы этносов состоит из сложного комплекса технических знаний, общественных институтов, суммы знаний научных и эстетических и религий. Между всеми явлениями и элементами этнографических комплексов существует некоторая связь, которая, вне зависимости от общего развития степени развития того или иного этноса, может быть вероятно, выражена некоторым коэффициентом равновесия, причем величины коэффициентов, в зависимости от степени развития отдельных элементов, должны различаться. Конечно, до тех пор у нас еще нет метода для определения этих коэффициентов, но мы должны надеяться, что этот шаг по пути к точному величественному определению этнографических феноменов в конце концов будет сделан и поставить этнографию на одну степень с точными науками.

Эту мысль я иллюстрирую некоторыми примерами. Если взять, например, древний народ - китайцев, то не трудно увидеть, что их общественная организация, древняя и устойчивая, т.е. признаваемая всеми китайцами, конечно, более разработана, чем общественная организация их соседей кочевников и по сложности своей весьма близка к организации европейских народов, но их материальная культура, конечно, несравнимо ниже материальной

культуры, например, американцев Соединенных Штатов. В то же самое время живопись и литература в Китае достигли такой утонченности и сложности, что степень развития этих искусств со степенью развития почти несуществующих в Америке живописи и литературы, конечно, несравнимы.

Сложные философские системы и специальные методы мышления и познания в Индии уживаются наряду с примитивной материальной культурой.

Миф о «примитивности» языков жителей Огненной Земли и других «дикарей» теперь разрушены. После более тщательного изучения языков оказалось, что языки этносов, даже самых примитивных в отношении материальной культуры, также богаты в лексическом отношении, как и языки цивилизованных народов, и в то же самое время, допустим, языки «дикарей» Сибири гораздо развитей английского языка в отношении морфологии.

Из сказанного явствует, что различные элементы этнографических комплексов развиваются неравномерно, но между ними должна существовать некоторая зависимость, или связь, нарушить которую невозможно и величина которой может изменяться лишь при условии сохранения равновесия, так сказать плавучести. Действительно, возможно, ли не разрушая США, лишить их знания моральной культуры или, не изменяя этой культуры американцев, дать им буддизм? Тогда это будут уже не те Соединенные Штаты Америки, которые мы все знаем, но это будет иной этнографический комплекс, который быть может, даже не сможет в подобной комбинации существовать, и погибнет под напором других народов. Каждый этнос во имя своего существования стремится к сохранению равновесия, которое иногда достигается слабым развитием одних элементов за счет сильно развитых других.

Только этим принципом мы можем объяснить существование сложнейших этнографических явлений наряду с примитивными или даже нулевыми другими явлениями. Например, сибирские тунгусы, обладающие высоко развитым языком и религией, полной глубокого философского смысла, и знающие обработку железа, совершенно не знают гончарного искусства. В качестве второго примера можно напомнить выше приведенный уже пример США и Китая.

ГЛАВА II

Место этнографии среди наук.

Из предыдущего изложения следует, что перед лицом этнографии все этносы, вне зависимости от их культурности, вне зависимости от развития отдельных областей их знаний, должны

быть совершенно равны. Но несмотря на это, степень изучения различных этносов далеко не одинакова. В этнографии, как и во многих других науках, есть свои любимцы и свои пасынки, есть этносы, подступ к которым ученых с ножом анализа был еще возможен, причина чего лежит в значительной степени в психологии ученых.

Этнография, как и всякая наука, в психологической основе своей имеет чистое стремление человека к познанию. Наблюдатель обращает внимание, прежде всего на то, что его «поражает», т.е. на то, на что он реагирует *эмоционально*. Поэтому внимание этнографов было направлено сначала на этносы, наиболее отличающиеся от самих наблюдателей.

В этом отношении европейский и арабский наблюдатели и мало известный еще китайский этнограф - наблюдатель ничем не отличаются друг от друга. Каждый наблюдатель подходил к неизвестному еще этносу, обращая внимание лишь на черты отличия, его поражавшие. Поэтому также показания первых наблюдателей изобилуют анекдотами и отличаются отрывочностью.

Этим объясняется и то, что исследование и памятники в нациях и этносах, отошедших в область истории, оставлены преимущественно наблюдателями, принадлежащими к другим этносам, чем объект наблюдения. Наблюдатель исходит из того, что истинная, настоящая, наилучшая жизнь есть та, которой он живет, а все отличное от нее есть не настоящее, варварское. Переход к пониманию этнографических явлений, вне зависимости от собственных привычек и вкусов, есть уже значительный шаг вперед, но наблюдателю приходится сделать много еще выводов прежде, чем он дойдет до идеи изучения своей собственной культуры, как чужой ему, - без симпатий, антипатий и удивлений.

Но и теперь иногда встречаются исследователи – этнографы, которые подходят к исследуемым ими этносам с удивлением по поводу того или иного явления, преподают рецепты каким образом необходимо этносам изменить их уклад жизни, рекомендуют им те или иные мероприятия в целях улучшения быта и т. д., опираясь преимущественно на опыт и историю своего собственного этноса. Весьма распространены также исследования, производящиеся под влиянием различной теоретической жизни европейских государств. До сих пор, например, не вывелся еще обычай вводить, если не главу, то особый параграф под заголовком «первобытный коммунизм», упуская при этом из виду, что коммунизм есть политическое учение; или вводить главу или даже целую часть под заголовком «религия», упуская из виду, что религия есть сравнительно молодое явление, явившееся результатом развития более сложной человеческой мысли и психики. Вследствие

указанных обстоятельств, изучение трудов этнографов само может подставлять объект изучения этнографии цивилизованных наций, в тех целях, чтобы знать, каким, именно, образом в сознании цивилизованного этнографа преломляются обычаи и психология этносов других культурных циклов.

Эта психология исследователя лежит в основе истории этнографии, она же определяет и беспрестанно расширяющиеся пределы этнографии, но если мы на основании предыдущего пути, уже проделанного этнографией, наметим дальнейшее развитие, то несомненно, что цивилизованные нации европейского цикла, наряду со всеми остальными этносами, должны будут также войти, как материал и объект изучения в общую этнографию.

Этот момент еще не наступил. Правда, за последние два десятилетия начали появляться небольшие исследования об европейцах, в их европейском быте, но мы не дошли еще до «этнографии парижан», «этнографии берлинцев» и т. д., между тем как по отдельным отраслям этнографии европейцев работа уже произведена и в таких обширных размерах, что оказалось возможным создать особые науки и дать им даже особые названия. Сложность предмета и трудность понимания жизни цивилизованных наций вне этнографии, привела к созданию колоссального количества исследований, совершенно изолированных в смысле метода и внутренней связи, как, например детальные описания государственных, социальных и просто бытовых институтов. По существу дела это есть подлинный этнографический материал, классификация и понимание которого без этнографического метода, конечно, невозможны.

Здесь, впрочем, необходимо оговорится. Эти науки существуют, конечно, не только потому, что наблюдатель движется любопытством, но и потому, что систематическое знание всех явлений жизни цивилизованных государств необходимо для самого государства, для управления им, т.е. чисто прикладное значение этих наук стимулирует их развитие и в то же самое время разделяет их.

Первые европейские исследования, пытающиеся заглянуть в сущность и происхождение права, общественного и государственного устройства появляются лишь в начале нового времени.¹

Институты созданные европейской цивилизацией, являлись загадкой для ученых, вынужденных искать объяснения их сущности и происхождения. Существовавшие чуть не от начала письменности своды законов, были загадкой для людей и им, приписывалось особенное, таинственное, божественное происхождение.

---

¹ Я, конечно, опускаю классическую древность.

Теологическая теория была первым, возможным и вероятным, объяснением явлений права. Вместе с изменением общего направления мысли были создаваемы в различное время теории, объясняющие сущность и основные причины происхождения права, причем здесь существенную роль играли теории позаимствованные у классических писателей. Несомненно, то, что объяснения генетически непонятных явлений всегда были в полном соответствии с господствовавшим умонастроением эпохи, а так как общественные, государственные и юридические институты покоятся прежде всего на их всеобщем признании, то всякое объяснение идущее в разрез с господствующим (этнографическим) умонастроением не может быть всеобщим достоянием и всякое преждевременное толкование их не может иметь места. В силу этих условий всякая теория, несовпадающая с духом времени, остается чуждой и непонятной и оценивается лишь впоследствии, да и то, возможно, не всегда.²

Только учитывая эти соображения, можно понять, почему существует так много отдельных наук или дисциплин, как говорят некоторые. Отдельные отрасли права, - гражданское, уголовное, государственное, торговое, международное право и т.д., отдельные науки, как социология, история и т.д., все это развивалось отдельно, почти вне связи одно с другим, шло своими путями, но все это части одной науки, - науки этнографии, которая все эти науки объединяет своим методом и, отбрасывая маловажное, берет существенное для выводов общих законов, установление которых только и дает возможность вырваться из круга привычных этнографических условий, замкнутого круга, *своего круга*, ограничивающего пределы познания и понимания самого себя и держащего в цепких лапах «этнографического», примитивного, ограниченного мышления даже ученых и государственных людей, призванных к управлению государствами. Быть может, это является неизбежным фазисом развития познания окружающей среды и, следовательно, неизбежным фазисом этнографического развития цивилизованных народов.

Это высшее состояние этнографии цивилизованных народов, которое рисуется нам сейчас, есть неизбежный шаг будущего, этнографией еще не сделанный. К этому ведет движение науки и только по достижении этнографией этого состояния произойдет отслоение наук, цивилизованных народов, превращение их в чисто практические руководства для практических надобностей, как уже

---

² Но это судьба не только теорий, касающихся указанных вопросов. История наук показывает, что многие открытия в момент их появления в свете оставались без употребления. Сколько же их погребено в старых трудах, а особенно нижеизложенным в письменной или печатной форме, это, конечно, неизвестно. В качестве примеров я приведу историю открытия, электричества, труды Менделя по изучению наследственности оцененные лишь через 50 лет

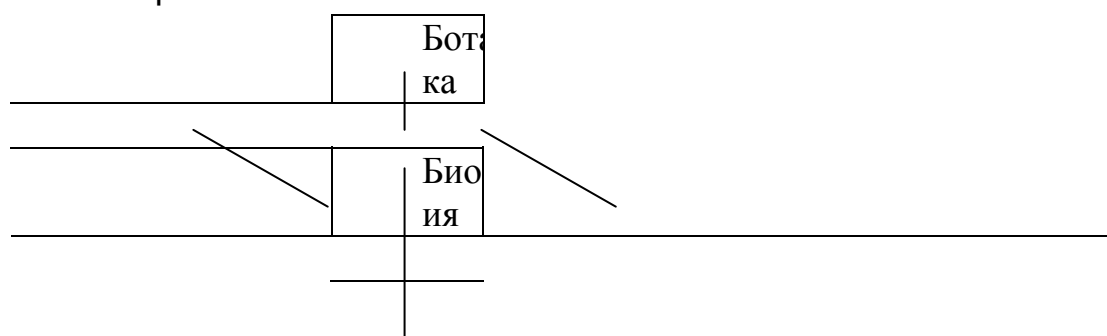
существуют логарифмы и исчисление процентов начисления на капиталы.

На подобие любопытства наблюдателя к отличному от «своего» в основе психологии ученого этнографа лежит привычное стремление делать выводы общих принципов развития этнографических явлений и их комплексов, но на этом далеко еще не кончается задача этнографа.

В основе жизни каждого народа лежат, конечно, еще более глубокие причины - причины чисто биологического свойства. По сравнению с другими видами животных человечество существует и приспосабливается в борьбе за существование, главным образом, при помощи своих особенно развитых умственных способностей и с биологической точки зрения его ум есть то же самое, что для тигра его мускулатура, зубы и когти. Действительно, если мамонт приспособился в течении тысячелетий к изменяющемуся климату и географическим условиям путем увеличения своих размеров или уменьшения их (остр. Мальта, где мамонт достигал роста только в один метр), то человека, вступившего на путь борьбы за существование при помощи своего ума, - доказательством чему служит вся история человека, - невозможно видеть под иным углом зрения и, таким образом, этнографические явления нужно рассматривать, как функцию биологическую. Форма же, в которой проявляется эта функция и, так сказать, ее единица, как мы видели, есть этнос, или, иначе: *этнос является формой, в которой происходит процесс создания, развития и смерти элементов, дающих возможность человечеству, как виду, существовать*. Рассматривая этнографию и выводы ее с такой точки зрения, мы подходим к установлению связи между физическими особенностями человека, т.е. антропологией, и его умственной и психической жизнью, что дается нам, с одной стороны, этнографией, а с другой стороны, языкознанием. Это и есть наука, венчающая знания о человеке, - *этнология*.

Чтобы отобразить более ясно отношения между науками, обслуживающими этнографию, я дам схему в нижеприведенной таблице.

ТАБЛИЦА

Антропологию же можно определить, как науку, которая изучает человека, как особый животный вид, историю и происхождение этого вида и является наукой чисто биологической.

Археология, давая материал для антрополога, связана с геологией по методу, а от части и по содержанию (в отношении ископаемых животных). Но здесь считаю необходимо установить, что археология не есть наука самостоятельная, а метод антропологии и истории. Поэтому археологию можно разделить на два

независимых отдела: археология историческая и археология доисторическая. Первая отыскивает исторические памятники исторических цивилизованных народов, вторая дает материалы для этнографии вымерших народов и антропологии ископаемого человека, а поэтому носит также название *палеэтнология*. Термин палеэтнология введен французами, *palethnology* и может быть передан как этнология ископаемого человека. Из предыдущего видно, что и палеонтологию нельзя рассматривать, как самостоятельную науку, так как она дает только материал для антропологии и этнографии. В смысле данного выше определения этнологии термин палеонтология также не может удовлетворять требованию необходимой точности передачи понятия, а поэтому я считаю более полезным от этого термина отказаться совершенно. В истории развития отдельных наук известны, так сказать, «временные науки», исчезающие с дальнейшим развитием основной науки.

Антропология в методологическом отношении связана также и с математикой, так как современный антрополог без помощи теории вероятности работать уже не может. Таким образом, антропология, *имея в основе своей анатомию (и физиологию) с одной стороны, и зоологию (и палеонтологию) с другой стороны, опирается в выводах своих на биологию, пользуясь, в качестве материала, наблюдением современного человека (антропометрия) и ископаемого (археология).*

Впервые термин «антропология» встречается у философа Канта. Кант написал книгу под таким названием, причем изложил в ней не то, что мы теперь принимаем за антропологию, а психологию человека. Далее, антропология в английской литературе, оказалась не только наукой, изучающей человека, как животный вид, но и наукой, изучающей человека в отношении культуры. Труд Б.Э. Тейлора «Антропология» имеет уже подзаголовок: «Введение в изучение человека и цивилизации». Более определенное содержание вкладывается в термин «антропология» французской наукой, где под антропологией, как мы видим, понимается изучение человека, как вида, - только с точки зрения его физического строения.

Пройдя значительный путь развития, антропология, весьма близкая по методу к зоологии, при обработке своих материалов перешла на статический метод. С развитием теории статистики приложение ее методов к массовым явлениям антропологии с некоторым запозданием следовало за ростом статистики. С переходом статистики к математике и приложению к ней теории вероятностей, антропология встала в теснейшую зависимость от успехов последней)¹.

¹ См. более подробно об этом в моих работах "Задачи антропологии в Сибири", сборник Муз. антроп. и этногр. при Имп. Акад. наук т. 111. Спб., 1915 г. и "Методы разработки

Этнография, изучающая человека в отношении его культуры, связана с иными науками. Как было уже сказано выше, культура складывается из трех отделов: материальной, социальной и духовной культуры. Соответственно этим делениям этнография оказывается связанной с технологией, социологией, психологией и историей. В части, касающейся материальной культуры, технология настолько близко соприкасается с этнографией по содержанию и изложению, - причем под термином технология мы условимся понимать и промыслы, и земледелие, и производства, - что трудно бывает различить труды по истории технологии и по этнографии по отделу материальной культуры.

В части, касающейся социальной культуры, этнография при изучении отдельных этносов и явлений не может не пользоваться выводами социологии и сопредельных наук, дающих материал социологии, т.е. экономических и юридических наук. Но при уяснении современных нам этнографических явлений сравнительный метод может быть заменен также анализом исторической последовательности фактов, а потому этнография, как материалом, пользуется и историей. Наконец, для изучения духовной культуры необходимы данные изучения существующих религий, искусств, науки, философии и психологии, а также их истории. Но ввиду того, что понимание духовной культуры народов совершенно невозможно без знания языков, этнографии приходится базироваться на языкознании вообще и в частности на изучении языка изучаемого этноса. Сознание этой необходимости привело к тому, что в последнее время исследователи обычно ведут изучение этносов в отношении этнографическом и в отношении языка параллельно.

Итак, можно принять, что этнография изучает человека в его этнических группировках со стороны проявления его духовных качеств, т.е. изучает его, как производителя материальных богатств, создателя общества и творца способов миропознания и миропонимания.

Таким образом, этнография, имея в основе своей языкознание, опирается в выводах своих на психологию, технологию, социологию, пользуясь в качестве материала наблюдением современных этносов (народоописание) и их предков (история и археология).

Понимание психологии народа возможно только при понимании его языка. Языкознание, таким образом, является связанным с этнографией по материалам наблюдения, но эта связь еще более усиливается, когда этнография изучает психологию этноса и пользуется выводами языкознания для своих целей. Итак,

языкознание изучает законы развития речи человека, как основного условия создания человеческой культуры во всех ее видах.

Таким образом, языкознание, имея в основе своей физиологию и анатомию с одной стороны, с другой стороны - психологию, пользуется, как материалом, наблюдением живых языков и литературы.

В науках, обслуживающих антропологию, этнографию и языкознание, можно видеть непрерывную связь и зависимость их от основных групп: биологических и гуманитарных наук, причем антропология находится целиком в группе естественных наук, этнография - в группе гуманитарных и отчасти технических и языкознание входит в обе группы.

Эти три науки в своих выводах, в создании общих им всем законов, объединяются молодой наукой - этнологией, которая ставит целью своей *открытие связи между различными сторонами человека, изучаемого антропологией, этнографией и языкознанием, и установление законов, каким подчиняется жизнь отдельных этносов.* Подобно тому, как биология есть наука о жизни вообще, этнология есть наука об этносах, как форма, в которой развилось и живет человечество, т.е. этнология, как и биология, открывает законы жизни человека, как вида, а следовательно, его мышления и науки, как результата мышления, и таким образом, *этнология является венцом знания человека.*

ГЛАВА III

Классификация этносов.

Сущность классификаций вообще - Антропологическая классификация. - Лингвистическая классификация. - Этнографическая классификация.

Ранее я установил, что единицею наблюдения этнографии является *этнос*, а теперь я остановлюсь на вопросе о методах классификации *этносов*, но прежде, чем приступить к этому вопросу, необходимо предпослать несколько слов о классификации вообще.

Классификация наблюдений есть первый шаг наблюдателя, помогающий ему в хаос его сознания *коротко* определить место явлений среди других, не предаваясь изучению каждого явления в отдельности. Наши классификации помогают нам *сокращенно мыслить и познавать*, а именно: достаточно иметь какойнибудь

признак, хотя бы один, но общий для целого ряда явлений, и положить этот признак в основу отличия, чтобы знать, какое место (в сознании наблюдателя) в системе классификаций по данному признаку должен занимать и данный факт.

Дальнейшее усложнение процесса наблюдения, - выделение признаков общих ряду явлений в уже имеющихся группах таковых и подбор новых основ различения, - есть история классификаций, история познания, причем осознание обобщенных явлений установление зависимости их есть следующий шаг классификации. Таким образом, комбинация классифицированных явлений дает основу гипотезам и законам науки.

Итак, классификация есть метод познания, есть наука, и мы не можем провести грани, указывающей, где началась наука и где кончилась первоначальное для каждого человека наблюдение, с точки же зрения будущей науки наша наука и знание первобытного человека между собой, вероятно, будут весьма мало различаться.

Разительный пример классификации, детально разработанной и, несомненно, вполне примиренной с общим мышлением, а следовательно логичной, как логична, допустим, геометрия Евклида, построенная на аксиоме непересекающихся в пространстве параллельных, дают тлинкиты, народ живущий в западной части С. Америки¹. Этнографы имеющие с ними дело в течении двух столетий, не были в состоянии постигнуть их системы мышления, вследствие действительно поразительной сложности и необычности его. И только при отказе этнографов от той идеи, что тлинкиты мыслят совершенно подобно самим этнографам, удалось выяснить их своеобразную классификационную систему.

Тлинкиты, будучи организованны в тотемистическую родовую систему¹, определяют ее единицы, т.е. рода названиями животных, как например, род тюленя, род орла, и т.д.. Животные это суть тотемы. Тотемы же определяют в религиозном сознании, - а у тлинкитов, кроме религии, нет пока никакой другой науки, - место каждого тлинкита на земле и его отношение к остальным тлинкитам. Мало - помалу тлинкиты перенесли в эту систему тотемов и все остальные факты, подвергаемые наблюдению. Таким образом, оказалось, что весь видимый мир у тлинкита разделен на классы, возглавляемые тотемными животными, - растения, животные, минералы, небесные светила, цвета, моральные качества и т.п. распределяются по этим классам и каждый тлинкит, чтобы уяснить себе в системе миропознания места, допустим сосны, должен знать к

¹ Не имея под рукой издания, из которого я черпаю эти сведения, я не рискую процитировать на память название книги и имя автора. Книга эта появилась в 1915 г. в Париже в издательстве F. Alcan. Автор же является одним из сотрудников A'pnee Sociologique.

¹ См. подробнее в «l'Apnee Sociologique» работы Durheim, Hubert, Mauss, освещенные этим вопросам

какому классу (тотему) она относится. Вдумываясь в эту классификацию, можно увидеть, что она также помогает тлинкиту в его рассуждении, как могла помогать несовершенная, с современной точки зрения, идея деления всего на одушевленный мир и неодушевленный как идея деления всего мира, до сих пор еще признаваемая, на мир минеральный, мир растительный и мир животный. Теперь, на наших глазах разрушается эта более старая классификация. Рост кристаллов, открытие животных и растений, лишенных характерных для них признаков и относимых к ботанике и зоологии одновременно, наконец, теория относительности, которая в последующем развитии своем заставит перестроить всю систему нашего мышления, все, это, несомненно, приведет к полной перестройке нашего знания и оно нам скоро будет казаться таким же наивным, как и средневековая схоластика.

Позволю себе привести пример из моего «Опыта исследования основ шаманства у тунгусов»² нижеследующий вывод из исследования мышления и психологии народов столь отличных от европейцев, а именно: «Как духи анимиста, так и законы науки есть лишь способы объяснения явлений, познаваемых человеком, и разница между ними сводится к количественной разнице зафиксированных сознанием звеньев познавательного процесса. Таким образом, анимизм, высшая религия и наука являются лишь стадиями развития мышления, рассматривающего мир, не как восприятие познания человека, но как объективно существующие и независимые от человека категории».

Поэтому не будем так требовательны к нашему знанию и не будем им горды, а главное - признаем право на познание также и за первобытными народами.

Что же служит основой классификации этносов? Основой классификации служат: во-первых, признаки антропологические или соматические, т.е. особенности строения тела - скелета и мягких частей - и окраска, признаки, бессознательно признаваемые самим этносом, во-вторых, признаки этнографические, т.е. комплексы обычаев и вообще уклад жизни и, наконец, в третьих, признаки лингвистические, т.е. язык этноса.

Физические различия людей, конечно, бросались в глаза наблюдателю уже со времен классической древности, но первые попытки классифицировать человека появляются лишь в XVII столетии. В то время насчитывали две расы, различая их по цвету

² С.М. Широкогоров. «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов» «Учен. Зап. Ист.-фил. фак.» Т. 1 1919 г. Владивосток, стр. 9 примеч.

кожи, - раса белая и раса черная, причем к последней отнесена была и, так называемая впоследствии, желтая раса.

Следующий значительный шаг вперед делает ученый Линней, который находит уже большее количество рас и вместе с тем различает три особых вида, а именно: 1) дикий человек - *homo ferus*, к которому были отнесены преимущественно баснословные случаи одичания и превращения в животное состояние оставленных без человеческого воспитания детей; 2) уродливый человек - *homo monstruosus*, к которому были отнесены микроцефалы и другие патологические явления и 3) *homo diurnus*, в который входят четыре расы, а именно: американская, европейская, азиатская и африканская, различаемая рядом физических особенностей. Линней указывает также и на признаки этнографические. По его мнению, между прочим, американцы управляются обычаями, европейцы - законами, азиаты - мнениями, а африканцы - произволом.

В конце XVIII столетия Блюменбах построил совершенно самостоятельную классификацию, основывая ее на цвете волос, кожи и форме черепа. Блюменбах насчитывает пять рас, а именно: 1) Кавказская раса, - белая с круглой головой, - живет в Северной Америке, Европе и в Азии до пустыни Гоби, 2) Монгольская раса, - имеет квадратные формы головы, черные волосы, желтый цвет лица, косые глаза и живет в Азии, кроме Малайского архипелага, 3) Эфиопская раса, - черная, со сплюсненной головой, - живет в Африке, 4) Американская раса, - с кожей медного цвета и деформированной головой - и, наконец, 5) Малайская раса, - имеет каштановые волосы и умеренно круглую голову. Эту классификацию следует рассматривать как чисто антропологическую, соматическую.

Французский классификатор, палеонтолог и зоолог Кювье, считает уже, что существует, пять рас и восемь подрас.

В 1870 году Гексли дал еще более разработанную классификацию, разделяя все человечество на 5 главных типов и 14 второстепенных. В качестве отличия он принял форму черепа и размеры головы, причем он установил для австралоидов, живущих в Австралии и в Индии, головной указатель 71-72 и 73 для негроидов, живущих в Африке, для монголов, живущих в Азии и в Америке, он поднимает головной указатель до 85.

Топинар создал классификацию, основанную на чисто антропологических признаках, а именно, основании формы и величины черепа, частей тела, цвета волос и кожи. По Топинару имеются три расы: белая, черная и желтая и 19 подрас. Белую расу он подразделяет на несколько типов, различаемых по головному указателю и цветности.

Не могу не упомянуть так же об одной теории развиваемой некоторыми антропологами, считающими, что мы, в Европе, от вертикального деления человечества переходим уже к горизонтальному, а именно: образование новых антропологических типов происходит по «социальным классам», т.е., например, английский ткач с антропологической точки зрения гораздо ближе начинает подходить к немецкому ткачу, чем английский ткач к английскому профессору и т.д. Насколько это правильно, сказать трудно, но бросается в глаза то, что эта теория построена на основе признания устойчивости и длительной фиксации принадлежности к «классу», «профессии», что, в свою очередь, далеко еще не доказано¹.

Лингвистический признак этноса, как мы увидим далее, не может быть признаком, точно устанавливающим происхождение народов, но несомненно то, что язык тесно связан с остальными проявлениями духовной и социальной культуры и даже культуры материальной, заимствуемых одним этносом от другого этноса обычно одновременно. В силу этого лингвистическая классификация весьма упрощает понимание происхождения и связи

¹ Эта теория носит на себе значительные следы влияния политических идей, что особенно ярко выступает в предисловии к русскому изданию и переводу "Антропологии" Э. Тейлора 1908 г. СПб., написанном небезизвестным русским политическим деятелем революционного направления П. Лавровым.

этнографических явлений, а следовательно и их классификацию. Поэтому первый вопрос, который задает себе исследователь, таков: на каком языке говорит данный народ? Установление этого одного факта иногда бывает достаточно для определения культурного места этноса.

Генетическая классификация языков еще далека от совершенства и в этом смысле остается еще немало загадок, разрешение которых, может быть, и невозможно. С морфологической же точки зрения можно различать следующие группы языков: языки флективные, агглютинирующие, синтетические и полисинтетические. К первым относятся арийские языки Европы и Индостана, а также языки семитические; ко вторым относятся, например, языки Азии, кроме китайского, сиамского, бирманского и тибетского, а также языки Африки; к третьим относятся китайский язык и примыкающие к нему; к четвертым - преимущественно языки Америки.

Родственные отношения различных языков можно приблизительно выразить следующей упрощенной группировкой², а именно: а) индо-европейское семейство, состоящее из ветвей германской, славянской, армянской, итальянской, кельтской, балтийской, греческой, албанской, иранской и индийской; б) урало-алтайское семейство, состоящее из ветвей финно-угрской и самоедской, турецко-татарской (и якутского языка), монгольской, тунгусской; в) юго-восточно-азиатское, состоящее из китайского, сиамского, бирманского и тибетского, г) хамитско-семитическое семейство, состоящее из арабского, арамейского, хананского, еврейского и хамитического; д) малайско-полинезийское семейство, состоящее из малайского языка, на котором говорит и часть жителей Мадагаскара, полинезийского языка и языка народов Меланезии; е) семейство языков Америки и ж) отдельные языки, как например, банту, готтентотский, бушменский (в Африке), дравидийские (в Индии), австралийский, чукотский, гиляцкий, айнский (в Азии) и др.

Гиляцкий язык по структуре своей, весьма сходен с американскими языками, но генетически он, видимо, ничего общего с ними не имеет. Также самостоятельно стоят языки айнов и енисейцев, по структуре своей приближаясь к языкам Северной Азии. Такими чуждыми пятнами являются: в Европе баскский язык (в Пиренеях) и на Кавказе грузинский и другие языки. Но язык венгерский генетически связан с языками Азии, что вполне установлено лингвистами. Семейство языков Африки распадается на несколько, вероятно, чуждых одна другой групп.

² Заимствую из профессора Томсон "Общее языковедение". 1906 г. Одесса. Профессор Богородицкий "Введение в языковедение" Казань. 1902.

По мнению академика В.В. Радлова, группы языков: монгольская, турецко-татарская (тюркская) и тунгусская являются группами совершенно самостоятельными, общность же слов в этих языках ими рассматривается, как простое культурное заимствование. Что это, действительно, возможно, доказывает пример заимствования из этих языков в русском языке, где слова: лошадь, кремль, боярин и многие другие, - по подсчету проф. П.П. Шмидта¹ свыше 400 слов, выбранных только из маньчжурского языка, - заимствованы вместе с понятиями и феноменами из татарского, монгольского и маньчжурского языков.

В силу этих соображений лингвистическая классификация в смысле генезиса этносов, является далеко не всегда методом, в доказательство чего я приведу один пример. В 40-х годах прошлого столетия путешественник и исследователь Кастрен был командирован в Сибирь для изучения языков, в том числе и тунгусских. Кастрену удалось в Забайкальской области начать изучение языка тунгусов в селении Урульга. Болезнь прервала исследования неутомимого Кастрена, и возобновить его работы удалось только почти через 70 лет. На этот раз очередь исследования тунгусских языков выпала на мою долю, но по прибытии в селение Урульга я уже не нашел там тунгусского языка: - урульгинские тунгусы свой язык забыли и перешли на бурятский язык. В этой группе тунгусов мне удалось найти только одного старика, который очень плохо помнил отдельные тунгусские слова. Таким образом, для полной утери этого тунгусского диалекта потребовалось всего только 70 лет, а вместе с этим тунгусы, говорившие на этом диалекте, забыли даже свое собственное название - вместо эвенки они стали называть себя хамнаган.

Третьим способом классификации этносов является классификация этнографическая. Здесь можно различать два метода: во-первых, классификация по культурным циклам объединяющим этнос единой культурой, в разной или одинаковой мере воспринятой ими, и во-вторых, классификация по степени культурности.

Культурный циклы в свою очередь можно рассматривать исторически и статически. С исторической точки зрения можно различать, например, циклы: ассири-вавилонский, греко-римский, среднеамериканский, европейский, китайский и т. д., а с точки зрения статической можно наметить, например, современный европейский, китайский, гиперборейский, полинезийский,

---

¹ Проф. П.П. Шмидт в 1920 готовил к печати работу, специально посвященную этому вопросу. Была - ли напечатана, мне неизвестно.

среднеафриканский и другие¹. Культурные заимствования одним этносом от других, расширение влияния одного цикла за счет другого непрерывно изменяют карту культурных влияний, вследствие чего дать постоянную карту культур, конечно, оказывается невозможным.

Классификация по степени культурности основана на теории эволюции. Эта теория, этот метод, с появлением знаменитого труда Ч. Дарвина «Происхождение видов», завоевавшего умы Европы во второй половине XIX ст., в применение к истории человечества дал также схему развития всего человечества и отдельных этнографических явлений по некоторому predetermined плану. В области этнографии этот метод одно время господствовал почти монополично. Французский ученый Ш. Летурно, со свойственным ему упрямством, применил эволюционную теорию и метод ко всем этнографическим явлениям и этносам и его отдельные труды даже носили наименование «*Эволюций*», - «*Evolution de la Morale*», «*Evolution de la Propriete*», «*Evolution du Mariage et de la Famille*» и т.д.

В основе своей безусловно правильная мысль постепенного развития в вульгаризованном применении к этнографической классификации не могла не породить *подавления анализа*. Эволюционная теория исходит из положения об определенной последовательности явлений, как в отдельности, так и в комплексе, и считает, что одному состоянию развития некоторого явления должно быть в параллели соответствующее состояние другого явления. Например, экономическое состояние народов рассматривается, как движение от охотничьего состояния через скотоводство и земледелие к современному состоянию, причем в этой схеме каждое явление прodelывает свой определенный схематический путь.

Доведенная до предела теория эволюции дала возможность Л. Моргану создать классификацию культурного состояния и развития человечества. Им было установлено три состояния, - состояние дикости, варварства и цивилизации, - и в каждом различались три ступени: низшая, средняя и высшая. Каждое из состояний и ступеней характеризовалось появлением новых открытий человечества, как например, керамика, железо, письмо

¹ См. классификации Фр. Ратнелъ "Народоведение" т.1

Чтобы показать, несколько, действительно, несостоятельна эта схема для классификации этносов, позволю себе привести для примера. В период древнего каменного века¹, т.е. когда еще не было керамики и был неизвестен способ полировки камня, в солютрейский и последующие ориньякский и мадленский периоды, развилось искусство резьбы (камень, кость и, вероятно, материалы легко разрушающиеся) и живописи. Можно проследить эволюцию этого искусства, начиная с зачатков его и до полного вырождения. Различные методы передачи художественных впечатлений и различные «школы» оставили свои следы. После этого искусство ваяния и живописи погибло совершенно и конец древнего каменного века и начало нового характеризуются отсутствием памятников, а в последующее время то же искусство начинает проделывать снова уже раз проделанную им историю, только на этот раз более сокращенными путями, на подобие того, как высшие животные в эмбриональном состоянии проделывают историю развития вида. Эта аналогия, между прочим, находит себе применение при характеристике развития и гибели многих этнографических явлений.

В качестве второго примера я приведу развитие техники в Северной Америке, где оказалось возможным применить технику в колоссальных размерах. Это поставило Северную Америку вне конкуренции по отношению к другим странам, но вместе с тем там другие этнографические явления находятся в совершенно эмбриональном состоянии, а иногда даже в состоянии упрощения по сравнению с состоянием явлений, известных ранее европейцам. Соединенные Штаты не знают искусств живописи, музыки, литературы и т.д.

Таким образом, классификация по состоянию культуры оказывается неудовлетворительной: путь развития, как отдельных явлений, так и их комплексов, оказался гораздо сложнее. Чтобы подтвердить эту мысль я приведу в качестве примера историю знаменитых вопросов: история развития семьи и теория анимизма. Были созданы теория патриархата и теория матриархата, сущность которых сводилась к тому, что первая признавала преимущественное влияние мужчины на образование семьи и других форм социальной организации при их возникновении, а вторая придерживалась мнения, что ферментом социальной

¹ См. Обермайер "Доисторический человек". СПб. 1919.

организации была женщина, а мужчина играл роль подчиненного. Для доказательства правильности той или другой схемы, появилась значительная литература¹, после чего этот вопрос в значительной мере неразрешенным отошел на второй план, уступив место более детальному изучению тех же явлений у различных этносов. Таким образом, столетия дискуссий не дали ничего кроме убеждения в том, что этот вопрос намеченными путями разрешить нельзя (Максимов).

Едва ли лучше судьба второго кардинального вопроса этнографии, - теории анимизма, - одно время владевшего умами этнографов почти монополично. По изучении отдельных не этносов оказалось, что схематизация мышления «первобытных народов» не служит к освещению проблемы, а к ее затемнению. Более детальное исследование мышления этносов неевропейского цикла убедили многих этнографов в необходимости дальнейшего углубления исследований отдельных этнографических явлений у отдельных этносов. После этого оказалось, что анимистическая теория есть не более как схема, созданная европейской мыслью¹.

Попытки соединить классификацию антропологическую и лингвистическую, лингвистическую и этнографическую дали весьма несовершенные результаты. При наложении признаков антропологических, этнографических и лингвистических оказывалось, что один и тот же комплекс признаков антропологических оказывается характерным для различных лингвистических и этнографических комплексов. Например, единый в этнографическом отношении Китай в антропологическом отношении оказывается сложнейшей смесью.

Итак, классификации с антропологической, лингвистической и этнографической точки зрения до настоящего времени еще не дали возможности построить согласованную схему. Быть может ввиду неустойчивости всех признаков и легкой заимственности их, этого и невозможно сделать вообще.

Но, несмотря на то, что хотя в настоящее время единой и признанной схемы этнической классификации нет, *наблюдатель, все-таки, может пользоваться существующими несовершенными классификациями условно*. Можно предположить, что дальнейшее изучение антропологии, языков и этнографии позволит установить

¹ Из наиболее ярких авторов приведу следующие имена: Maine, Mac-Lennan, Bachofen, L. Morgan, Post, Starke, Letourneau, Westermarck, Giraud-Teulon, Максимов, Макс. Ковалевский. Кроме этих имен можно было бы привести еще ряд других авторов, пытавшихся построить свои выводы на основании этих теорий, как например, Ф. Энгельс и П. Лавров, построившие свои политические теории на основании незаконченных исследований явлений этнографии

¹ Из этих схематизаторов можно указать на имена Спенсера, Тейлора, Липперта и др., а в числе русских В. Харузиной, Н. Харузиной и др., которые, конечно, сыграли свою роль в деле изыскания путей для дальнейшего изучения этнографических явлений.

физическое происхождение (по родству), происхождение этнографических циклов (по содержанию комплексов) и этнографических зон (по географическому распространению). Причем вполне возможно также, что антропологическая, лингвистическая и этнографическая схемы впоследствии не совпадут совершенно, но для целей этнографических и этнологических, интересующих нас в настоящее время, они будут необходимы вне зависимости от совпадения их.

Итак, классификации, которые мы имеем, имеют значение провизорных классификаций «рабочих гипотез».

ГЛАВА IV

Первичная среда и этнос.

Человек как вид. - Географические и климатические условия. - Условия фауны. -

Существование человека на земле с точностью, документально, установлено лишь для последнего геологического периода, т.е. четвертичного. В третичных пластах были найдены некоторые сомнительные намеки, а поэтому вернее было бы воздержаться от предположения третичной древности человека¹.

Таковыми документами являются скелеты или части их, принадлежность которых человеку установлена с несомненностью, и следы культуры человека в виде орудий, кухонных остатков, жилищ и т. под.

Первая половина четвертичного периода, характеризуемого в Европе совершенно иными климатическими и географическими условиями, чем это мы видим теперь, оставила следы человека только в виде одной челюсти весьма звероподобного вида², но до сих пор ни скелетов, ни следов культуры, относимых к этому времени не обнаружено. Наоборот, вторая половина четвертичного периода весьма богата документами и происходившие культурные изменения можно наблюдать в строгой последовательности на протяжении всего этого времени, причем с приближением к нашим

---

¹ Некоторые авторы, как например, Gabriel et Andrien de Mortillet и некоторые американские археологи, как например, Ameghino являются сторонниками достоверности третичного человека, другие же, особенно, в последние годы, склоняются к мысли о меньшей древности человека.

² Известная челюсть из Мауер (в Германии)

дням количество документов непрерывно возрастает, деловая возможность для последних эпох до начала исторического периода восстановить картину изменений чуть не по тысячелетиям³.

Изменение человека в Европе, которые успели произойти за это время, настолько значительны, что сказать с уверенностью о существовании тогда и теперь единого вида человека, безусловно нельзя. Физические различия между человеком середины четвертичного периода, когда человек обладал совершенно иным черепом и лицом, несомненным умением легкого лазанья по деревьям, при слабости вооружения вынужденный к этому многочисленными опасными хищниками, как, например, вымершие виды льва, тигра, медведя, гиены, махайрода и др., и человеком конца четвертичного периода, когда он был достаточно многочислен, хорошо вооружен, имел жилище, довольно высоко развитое искусство и домашнее животное, (собаку),- не дают безусловно таких оснований. Степень изменения психики и интеллекта человека, вероятно, были еще значительнее, чем изменения скелета, а как мы видели, образование новых рас, а быть может и видов, человека могло происходить и по этой линии.

Нет, пожалуй, вполне точных данных, устанавливающих непрерывность физического развития человека и не исключена возможность того, что в Европе происходила смена культур (по эпохам) вместе со сменой носителей культуры. На это имеются некоторые указания, а именно: во-первых, человек «канстатской расы», связанный с культурой первого межледникового периода, физически совершенно отличен от человека последующего времени, - мадленской эпохи; во-вторых, в середине человеческой истории был период расцвета некоторых духовных особенностей человека, угасших после этого, быть может, вместе с носителем культуры; в третьих, не исключенная возможность создания новых видов, особенно при том условии, что большая часть животных современников древнейшего человека успела вымереть и сменится другими вилами. Правда, у нас нет достаточного количества документов из других стран и, быть может, впоследствии выяснится, что Южная Европа была только берегом, о который ударились волны человечества, формировавшегося в глубине материка.

К этому необходимо еще прибавить, что смена видов более развитых животных протекает быстрее, чем менее развитых², а более развитые формы животных труднее приспосабливаются к

³ Грубо определяя, можно предположить, что человек оставил документы о своей деятельности за последние 250.000 лет (Обермайер), последние же 12-15 тысяч лет дают еще большие детали. Конечно, нужно иметь в виду, что определения времени в годах может быть только весьма приблизительным.

² Определяю термином «развитых» усложненность и специализированность органов и особенностей всего организма преимущественно.

расселению, хотя не так еще давно острова Полинезии были лишены человека, - расселение полинезийцев есть факт сравнительно недавнего прошлого. Но в современном расселении человека по сравнению с истекшими временами есть существенная разница. Если раньше Земля была распределена между отдельными расами и этносами, то теперь народы Европы заселили собою всю Землю, а народы Азии, особенно китайцы, быстро заселяют все, кроме Африки. И те и другие этим доказывают полную пригодность любых климатов и стран для человека, жившего даже на ограниченной территории, каковыми являются Европа и Китай. Действительно, китайцы встречаются и за полярным кругом и на экваторе, как и европейцы, - англичанина можно встретить на любой широте и долготе географической сети. Но несомненно и то, что далеко не всюду одинаково благоприятны условия существования для отдельных этносов.

История человечества до открытия шарообразности Земли создала три центра цивилизации - Среднеземноморский, Китайско-Индийский и Американский. Эти центры знали преимущественно свои моря, дальше которых они не пускались в плавание. Препятствовать этому служили океаны воды и океаны суши, отделявшие восточный и западный центры. Но еще больше было ограничение возможностей для сношений в более ранний период, когда и море тоже было препятствием. За время активной истории человека изменений контуров суши произошло довольно много, - произошел разрыв соединительного моста Европы и Америки, Северное море отошло, очистив Северную Европу, сократился водный Каспийско-Аральский бассейн, но при сравнительно слабой подвижности человека в эти отдаленные времена эти изменения чувствовать себя почти не давали, - человек следовал отступанию и наступанию моря и ледников, не изменяя резко образа жизни и своих отношений. Не имел, очевидно, большего значения и разрыв соединительного моста между Европой и Америкой, так как в Америке и Европе, несмотря на разъединение, оказался все - таки, единый вид человека и связь между американским и азиатским человеком продолжала сохраняться.

В последние же 7-8 тысяч лет, за время наиболее активной истории человека, контуры континентов почти не изменились, если не считать незначительных колебаний береговой линии, освобождающейся от воды или заливаемой ею на протяжении более нескольких километров¹. Немного изменились и очертания внутренних водных бассейнов.

---

¹ Погибшая вместе с цивилизацией атлантида является скорее красивой легендой мистиков, чем фактом. За время жизни человека на Земле не произошло не одной крупной катастрофы и опустившаяся, вероятно, в третичном периоде Атлантида, конечно, не имела свидетелем своего

Вследствие этого изменение отношений суши и моря совершенно можно исключить, как фактор влиявший на историю человека, и признать, что история человека протекала в не изменяющихся условиях суши и моря и на современного человека и его единицы - этносы - эти изменения влияния иметь не могли.

Можно различать три типа географических положений, в которых живут этносы, а именно: 1) моря с прибрежной полосой, 2) острова и 3) континенты, из которых каждый создает особый род условий для развития человека.

Температурные разницы, зависящие в конечном итоге от наклонного положения земной оси и вращения Земли вокруг солнца, дают вариации этих основных трех географических условий и ограничивают зоны, более и менее благоприятные для развития человека.

В зависимости от географических условий температура играет решительную роль в развитии человека. Как уже установлено большинством антропологов, областью наиболее благоприятной для развития этносов являются зоны, находящиеся между тропиками и полярным кругом.

Действительно, большая часть активных этносов Старого Света развилась и продолжает быть активной именно в этих пределах. Нельзя того же сказать про Америку, где часть центра цивилизации оказывается в тропических поясах, но и здесь температурные условия корректируются высокой горной цепью Андов. Очевидно, что эти условия являются наилучшими для развития человека, своего рода *optimum'om* для человека, как есть свой *optimum* для каждого животного и растения.

Действительно, за полярным кругом теперь мы видим только реликтовые культуры, оттесненные в менее благоприятные условия этносов, как например, эскимосы, чукчи, самоеды, лопари и др., а под тропиками, не считая оттесненных туда малайцев и арийцев Индии, обитают преимущественно в отношении культуры наименее развитые этносы: полинезийцы, папуасы, негритосы, австралийцы и др., в то время как Европа и активная часть Азии находится в зоне умеренной температуры.

медленного опускания человека. Более близкое к современному человеку надвигание и отодвигание ледника не оставило в воспоминании человека никакого следа, так как оно не было создано человеком. Основой же этой легенды об Атлантиде послужить могли случающаяся и теперь катастрофы поднятия и опускания островов или части материка в район бурной вулканической деятельности, как например, Курильские, Зондские, Канарские и др. острова. Не менее красивой легендой является, конечно, потом, по исследованиям ученых, имевших некоторое основание, а именно: периодическое затопление громадной площади бассейна рр. Тайга и Евфрата. Эта легенда получала большое распространение, чем легенда об Атлантиде, что можно объяснить поздним происхождением последней под влиянием неправильно усвоенных положений теологии, проникающих в невежественные слои населения.

Наличие больших пространств воды значительно умеряет климатические условия и делает их более благоприятными для человека. Так например, жизнь в бассейне реки Амазонки, вследствие чрезмерно бурного развития растительности и влажности, для человека почти невозможна, точно так же как жизнь в пустыне Сахаре и экваториальной зоне Африки, но районы, прилегающие к указанным, и вообще все районы, находящиеся под непосредственным влиянием моря, оказываются даже достаточно благоприятными для развития этносов. Поэтому берега Африки, как и берег Америки, прилегающий к бассейну р. Амазонки, оказываются заселенными более интенсивно. В то же самое время прибрежные полосы при наличии моря дают благоприятные условия для развития человека, создавая более инициативный характер и открывая новые пути возможного расселения по морю. Примером такого расселения может служить Средиземное море, на берегах которого формировался один из трех центров мировой цивилизации. Вторым примером может служить интенсивная колонизация Полинезии выходцами из Малайского Архипелага¹ и расселение этносов из юго-восточной окраины Азии, происходившее также по морю в направлении на юго-восток и на северо-восток по островам современной Японии. В таких же условиях находился и центр американской цивилизации, выросшей по берегам своего Средиземного моря, - берега его: Мексика, Юкатан, Северные берега Южной Америки и острова, соединяющие Южную Америку с Флоридой. Но в то же самое время и глубины континента представляют благоприятные условия для формирования новых этносов, у которых развивается большой консерватизм, а при условии медлительности развития создается и большая прочность общественных и государственных учреждений. Так, например, прибрежные государства, как Греция, Португалия, Голландия и др. оказываются, при наличии в характере их населения большей инициативы и решительности, менее устойчивыми, чем Персия, Китай, Монголия и др., которым связь с землей, видимо, сообщает большую устойчивость.

Наконец, несколько особо стоят условия островного существования и условия, создающиеся наличием благоприятного для развития моря, при отсутствии территории одновременно с этим. На островах населения, будучи изолировано и не получая подкрепления культурных влияний извне, вырабатывает нередко замкнутый, своеобразный характер, лишаящий население

^{1 1} См. de Quatrefages « l'Homme fossil et l'homme sauvage ». Сборник статей, среди которых есть интересная статья посвященная миграции полинезийцев.

возможности входить в более тесное общение с другими этносами. Но, если сами острова не изолированы географически, они часто превращаются вместе с населением в передаточный пункт расселения. Например, жители Тасмании и Мадагаскара представляют собою консервированные остатки исчезнувших народов, а острова Японского Архипелага и Британии оказались промежуточным пунктом расселения прибрежных этносов Азии и Европы.

Третьим элементом, формирующим среду, являются условия формы поверхности и распространения лесов, флоры и фауны. Высокие горы оказываются совершенно непригодными для обитания и высоты свыше 8.000 футов почти совершенно лишены населения. Горы нередко служат и естественным барьером для проникновения за их пределы этносов. Наиболее благоприятными условиями для развития этносов являются плодородные степи, перемежающиеся

□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□

отных, добываемых без особых усилий, обеспечивают существование человека, но зато не стимулируют инициативы в деле технических открытий, развития общественных форм и т.д., в то время как наличие диких хищных животных, конкурирующих с человеком, отсутствие полезных злаков и т. под. служат препятствием для развития человека.

Итак, вариации климата и естественные условия, - топография местности, почва, отношение суши и моря, флора и фауна, - создают различные по характеру своему районы в различной степени влияющие на формирование, развитие истории отдельных этносов и, вероятно, рас. Таких географических областей существует в зависимости от комбинаций указанных элементов весьма много. К характеристике некоторых из них мы теперь и перейдем.

Как уже было установлено выше, температурным optimum'om для человека, очевидно, является умеренный пояс от тропиков до полярного круга, или еще уже: от 30 градусов ширины до 60 градусов ширины. Не рискуя впасть в неосновательное объяснение причин того, что наибольшее развитие культурных народов происходило именно в этих поясах, приходится пока констатировать только самый факт. Действительно, средиземноморская культура, Римская империя, германские народы, наконец, Россия, Китай и Монголия, а с другой стороны Древняя Мексика, Юкатан, Флорида

и страна Пуэбло находятся в этих поясах. Быть может это происходит вследствие того, что эти страны при усилии человека дают хорошие плоды трудов, а страны, где для обеспечения жизни человека требуется от него меньше усилий, не дают народам импульса для борьбы за существование путем развития ума и психики, но возможно также и то, что причины этого лежат и в расовых особенностях. Что касается южного полушария, то там в умеренном поясе не создались высшие культуры, что зависит, может быть, главным образом от ограниченности территории, - только незначительные части Южной Америки и Африки лежат в этом поясе. Австралия же со своей вообще обособленной флорой и фауной стоит на совершенно особом положении.

Приморские районы, дающие этносу импульс передвижения (рыбный и звериный промыслы), развивают подвижность и общительность с другими этносами. Передвижение народов по островам и берегам приводило к общению, созданию отношений с соседями и делало, таким образом, культуру общей целому району. Так, например, за финикиянами следовали греки, за греками - римляне и т.д., а в Азии расселение малайцев привело их к столь тесному объединению с китайцами и другими народами, что произошло не только культурное слияние, но и физическое (Япония). В то же самое время на континенте этносы стремились к заселению определенной территории, цепко держались за нее, ограждая себя от соседей даже стенами и укреплениями, о чем свидетельствуют остатки таковых от времени даже неолитического периода, и уступали только физическому вытеснению другими этносами. Здесь же, на континенте, вследствие различий, создаваемых горными кряжами и условиями почвы, растительности и фауны, создавались географические районы, не подходящие для различных, в отношении культуры, этносов. Так например, Альпы, Кавказ и Гималаи отделяли от континента изолированные области: Италию, Малую Азию и Индию. Изолированным оказался также Тибет, значительная высота над уровнем моря которого создала специфические условия жизни, совершенно не подходящие для непривыкших к горным странам земледельцам - китайцам и северным скотоводам. Еще более показательную картину являют этносы, изолированные в горных странах, как например, жители Альп, народы Кавказа, наконец, Скалистых гор Северной Америки, где этносы по сравнению с этносами того же корня, но живущими на равнине поражали путешественников создавшимися у них не только психическими, но и физическими различиями, - горные этносы были более тощи, ниже ростом, еще более замкнуты и менее способны к общению, чем их сородичи на равнине.

Южно-Европейские степи (в России) и полоса беспредельных степей Азии, лишенных лесов, но богатых травой, были исключительно благоприятными районами для развития культуры кочевых скотоводов. Германцы и славяне прошли этот фазис и, став сначала господами положения в Европе, принесли свою деятельность за ее пределы. В Азии монголы и тюрки, подвижные, и стремительные и богатые широкими идеями и планами, могущие родиться только в широких степях, сумели создать по своей величине и культурному значению второе после Рима объединение, подчинившее себе не только мирных китайцев и разрозненные этносы славян, финнов, но и этносы уединенные в изолированных областях Кавказа, отчасти Малой Азии, Северного района Западной Приуральской Азии и т.д. Их передвижение по этой территории создало культурное общение Запада и Востока и своеобразную форму государства, определенную представителем приморской культуры ученым Линнеем, как «управление мнением». Беспредельные пространства степей и скотоводство совершенно не вынуждали их к созданию таких форм, которые пережила Европа, как например, феодализм, не создали большой простор созерцания и индивидуальной свободы.

Совершенно иную картину представляют этносы, обитающие лесные районы того же пояса. В этих районах образуются изолированные этносы, тесно связанные зависимостью от того, что им дает лес. Эти условия формируют более осторожный и настойчивый характер, создавая две крайности, - бродячих охотников и оседлых землевладельцев, великим трудом осваивающих почву у леса¹. В Северной Азии многочисленные этносы с их разнообразными языками и культурами, занимающиеся преимущественно охотой и рыбным промыслом, - остяки, тунгусы, тюркские племена, палеоазиаты и др., - являются контрастом с русским населением тех же районов.

Интересен также пример якутов, прорвавшихся через линию лесов южного степного примонгольского района в северный степной район. Хотя якуты по пути и потеряли рогатый скот² и, быть может, даже лошадь, частью перешли на оленеводство, охоту и земледелие, но они, все таки, поспешили восстановить при первой же возможности привычный образ жизни.

Борьба с лесом вообще возможна только для более культурного этноса, обладающего необходимыми орудиями и умением не допускать восстановления леса. Интересный пример в этом отношении дают русские, пришедшие из южных степных

¹ Блестящий анализ происхождения характера русских, созданного условиями территории, дает профессор Ключевского "История России" т.1.

² Этого взгляда придерживался академик Радлов.

губерний в Сибири. Где появляются эти поселенцы, они устраивают прежде всего «степушку», истребляя начисто леса, вырубая на дрова и выжигая даже мачтовый лес. Так же поступают в таежных местах по реке Амур и китайцы. Но там же можно видеть и богатые пашни, покрытые теперь пушистым лесом, под которым только раскопками можно обнаружить эти пашни и установить, что некогда и здесь жили земледельцы, отвоевавшие пашни у леса¹.

Совершенно отличные условия существования и развития этносов дает пояс полярного круга и мест подобных им в других поясах (высокие горные страны), характерными для которых являются чрезвычайно низкая температура зимой, когда минимум падает ниже - 72 градусов (гор. Верхоянск, Якутской области. - полюс холода) и вся жизнь замирает, и летние месяцы с их непрерывным солнцем, заставляющим всю растительность за более короткий срок, чем в южных областях, успеть вырасти настолько, чтобы быть готовыми к новому периоду с холодом².

В то же самое время лес и тундра этого пояса значительно беднее питательными растениями и менее разнообразны в отношении акклиматизированной фауны. Эти условия являются еще более трудными, чем условия лесной полосы умеренного пояса, а поэтому черты характера и образа жизни этносов этих районов создаются в менее благоприятных условиях и в этом поясе не встречаются ни одного большого этноса, живущего более или менее сложной государственной жизнью. Их можно рассматривать, как группы, оттеснение от других поясов, но не менее вероятно предположение и о том, что эти этносы отошли вместе с северным оленем по окончании ледникового периода в Сибири и Европе. Подобие многих орудий, произведений искусства и образа жизни этих этносов с культурой обитателей Европы в мадленскую эпоху невольно наталкивают на эту мысль. Но если даже это и так, то с точки зрения истории расселения народов они, все - таки, уступили свое место другим, населяя теперь места, подобные тем, какие они находили ранее в более южных районах. Места, лишенные лесов и покрытые тундрой, как и места гористые (Гренландия) в этом поясе делаются почти необитаемыми.

Также неблагоприятны для развития этносов условия существования в тропическом поясе. Тропические леса с их бурным разрастанием ползучих растений, укрывающих великое множество опасных хищников и ядовитых змей и насекомых, в лучшем случае

¹ Это время относится приблизительно к 12-13 веку, а также к 16-17. Археологические разведки были проведены под моим руководством в 1916 году.

² Опыт акклиматизации хлебных злаков в этом поясе дают положительные результаты. Благодаря громадному количеству непрерывно излучаемого тепла и света, период для вызревания хлебов весьма сокращается и, таким образом, со временем не исключена возможность превращения тайги и тундры Сибири в хлеботородную страну.

могут служить защитой для оттесненных, остаточных реликтовых этносов в полярных лесах и тундре.

Борьба с тропическим лесом оказывается даже не по плечу европейцам, несмотря на их технику, и этносы, населяющие тропические леса для снискания себе средств к существованию, хотя и не вынуждены делать столько усилий, как вынуждены, делать это этносы живущие в умеренных поясах, но в то же самое время они лишены стимула быть активными и избирательными и не имеют возможности создать большое по количеству членов общественное образование. Этносы этих поясов не выдерживают столкновение с более культурными, энергичными представителями умеренных поясов.

Немного более благоприятны условия существования этносов на степных пространствах этого пояса. Австралийская, африканская, аравийская, персидская и пр. лишенные леса пространства быстро превращаются в безводные пустыни, совершенно необитаемые для человека и даже служащие препятствием для этнического развития. Несколько лучше в этом отношении условия для развития этносов в Южной Америке, где травяные степи субтропического пояса не столь неблагоприятны, как соседний бассейн сырой и жаркой амазонки и безводные пустыни Старого Света.

Своеобразные и чрезвычайно разнообразны условия создаются в обособленных районах: на материках, - изолированные места горами, лесами и пустынями, - и на островах. В этих обособленных районах, являющихся часто для этноса последним пристанищем при передвижениях, создаются условия искусственного консервирования этносов, приспособляющихся к ограниченным местным данным. Такими районами являются, например, оконечности выдающихся в море частей Африки, Южной Америки, а также Новая Зеландия, отчасти Испания, Скандинавия и др. Вне зависимости от степени культурности этноса он, попав в условия изоляции, приостанавливает развитие своей культуры. В настоящее время эти обособленные области в большинстве случаев населены остаточными этносами, продолжающими влачить свое существование в ожидании своего истребления другими быстро размножающимися этносами.

Кроме физических условий, с которыми приходится считаться человеку в борьбе за существование, в местах населенных ему приходится сталкиваться с живым населением мест обитания, а именно, - с местной фауной. Если в тропическом поясе основой питания человека является, несомненно, растительная пища, в громадном количестве имеющаяся в диком виде, то в умеренном

поясе этот вид питания оказывается недостаточным, а в поясе холодном он может играть только вспомогательную роль, как корректив к питанию мясом животных и рыб.

Первое препятствие, которое встречает человек при своем расселении, это - дикие животные. При занятии места охоты в Сибири человеку приходится, прежде всего, отвоевывать себе место у медведей и волков, а в южной части, - в Уссурийском крае и в Манчжурии, - и от тигров, где тайга небольшими участками, по речкам, покрывающим сеть эту страну, бывает поделена между этими хищниками. Заселению этих районов человеком с их стороны иногда оказывается почти непреодолимое сопротивление. Если и теперь, когда человек обладает огнестрельным оружием, он бывает иногда вынужден оставлять занятые им участки, в виду систематических нападений со стороны тигров и медведей на скот, оленей и лошадей, а иногда и жилища, то можно легко представить, какую опасность являли эти же животные в те времена, когда человек был защищен менее совершенным оружием, - каменными копьями, стрелами и луком. Еще труднее человеку бороться с дикими животными в жарком поясе, где количество крупных хищников, врагов человека, еще больше и к ним еще приходится присоединить ядовитых змей и различных насекомых. В Южной Африке голландские колонизаторы вынуждены были покидать иногда свои фермы из-за систематических нападений на пашни и огороды больших обезьян. Напряженная же борьба, которую ведет иногда землевладелец с различными вредителями часто делает земледелие совершенно невыгодным и вынуждает землевладельца переходить на иные виды снискания средств существования. Таким образом, человеку с большим трудом приходится отвоевывать себе место и среди других видов животных. В период древнекаменного века человеку приходилось защищаться от диких животных в пещерах, где человек и пещерные виды других животных оспаривали друг у друга право на спокойную жизнь в этих прикритиях. Раскопки пещер дают большое количество документов этой непрестанной борьбы человека и животных. Итак, помимо того, что человек был конкурентом в изловлении съедобных животных, он и сам был питанием для хищников, что далеко не для всех этносов есть их прошлое, но для многих из них и их настоящее.

ГЛАВА V

Вторичная среда и этнос.

Домашние животные - Материальная культура - Социальная культура.

В предыдущей главе мы разбирали влияние на этнос первичной среды, под которой, как было видно, я разумею сумму условий созданных без участия человека, теперь же обратимся к

влиянию на этнос вторичной среды, под которой я буду понимать те условия, которые являются созданием человека, условиями производными. От термина «искусственная среда» я предпочитаю отказаться, ввиду того, что вторичная среда так же естественна, как и географические условия, так как она сама является продуктом деятельности человека, могущего быть рассматриваемым только, как часть географических условий, как это будет видно в конце настоящей главы.

Усовершенствование оружия и способов защиты мало помалу начало делать человека среди животных господином положения и только неосторожность его могла быть для него опасной и губительной. Мясо диких животных, являвшихся основой питания человека, и шкуры их, употреблявшиеся для изготовления платья, могли его обеспечить только при условии сохранения определенной плотности населения, превышение которой было невозможно. На берегах морей человек оставил следы своего пребывания в виде иногда колоссальных куч отбросов, - костей рыб, каменных и костяных орудий, ракушек и т.п. В пещерах же он оставил кости убитых животных, орудия и другие отбросы. Но по истечении некоторого времени кучи отбросов перестают накапливаться, - человек переходит к другим формам эксплуатации животных. Более усовершенствованные способы ловли рыб и животных открывают ему возможность уничтожить добычу не на месте, но приносить ее на места временной или постоянной стоянки, а затем человек переходит к эксплуатации приручаемых и разводимых искусственно домашних животных.

Таким образом, мало помалу создается сожительство человека с животными при условии их взаимной полезности и взаимной помощи. Первым животным, кооперирующим с человеком, оказалась собака, принимавшая участие в охотничьих предприятиях человека, делившегося с ней своей добычей. Это произошло в период полированного камня, а вскоре после этого человек, пытается приручить ряд других животных: быка, барана, кабана, козу, оленя, лошадь, осла, верблюда, слона, ламу, тапира, кроликов, наконец некоторых из пород кошачьих; птиц: уток, лебедей, а также и менее значительных животных, включительно до ежей, ужей, мангунов, морских свинок, и др., несущих у человека различные службы. Смысл, этих отношений сводится к тому, что человек, гарантируя поддержание того или иного животного, одомашненного вида, от него получает некоторые выгоды, - либо мясо и шкуру, либо моторную силу, либо помощь в охоте или просто уничтожение мелких вредных животных. Таким образом, здесь создаются разнообразные отношения кооперации, комменсализма и паразитизма.

Отношение человека к собаке и обратно - собаки к человеку, можно определить, как чистую кооперацию: человек кормит собаку или делится с ней добычей на охоте, а собака помогает ему на охоте, стережет его имущество и его самого или развлекает его и без него жить не может; отношение кошки к человеку можно определить как комменсализм: человек кошку мало кормит, а она ловит мышей и крыс, оставаясь в сильной степени от человека независимой; но отношение человека к рогатому скоту можно, пожалуй, рассматривать, как отношение паразита к паразитируемому. Впрочем, и эти животные настолько теперь связаны с человеком, что без него жить и плодиться они едва ли могут.

Под влиянием нового фактора у животных и человека происходят некоторые изменения. Так, например, некоторые виды домашних животных настолько изменились и привыкли к новому укладу жизни, созданному человеком, что без помощи человека они безусловно обречены на гибель. В таком положении оказывается наиболее прирученное человеком животное - собака. Такие разновидности ее, как, например, мопсы, китайская или японская собаки, левретки и т.п. несомненно, были бы обречены на гибель, будучи предоставлены сами себе. То же самое ожидало бы, вероятно, и многих лошадей, воспитанных на заводах в Европе. Не лучше было бы положение и рогатого скота, а также баранов и коз, поставленных человеком в условия, поддерживаемые им искусственно. Теперь эти животные распространены почти также, как и человек - повсеместно и, конечно, существование для многих из них в условиях несвойственных им, как видам, совершенно невозможно без помощи человека. Путем воспитания лошадей, тунгусы приучают их, например, к питанию даже сырым мясом и лошадь прирученная к мясу может безболезненно переносить с охотником трудности походов по тайге, где зимою никакого питания свойственного этому травоядному нет. Без защиты со стороны человека невозможно было бы существование и прирученных домашних птиц.

Но далеко не все виды домашних животных так тесно связаны с человеком и некоторые из них могут вести самостоятельную борьбу за существование. Олень, например, может почти безопасно для себя покидать человека, что и случается, действительно, часто и после чего он превращается весьма легко в дикое состояние. Ограниченная территория распространения этого животного питание его кормом, необходимым исключительно им самим, связывает оленя с человеком только соображением защиты от хищников, солью и тому подобными незначительными преимуществами. То же самое приходится сказать о слонах и отчасти о верблюдах. Но кошки, - еще в большей мере это относится

к ежам, ужам и мангу, - играющая роль при человеке скорее коменсалистов, без помощи человека могут обходиться вполне свободно.

Этот совершенно новый фактор в жизни человека его самого настолько связал, что для него жизнь без домашних животных стала совершенно невозможной. Эти животные дают человеку питание, защиту, передвижение, одежду, развлечение, что заставило значительно измениться и характер человека, сделав его более мягким, расчетливым, бережливым, уверенным в себе и более независимым в тоже самое время. Этим облегчилась борьба за существование и свободное время для человека оказалось возможным посвящать другим заботам. Вместе с тем на всю природу в целом сотрудничество человека с животными приобрело громадное влияние, увеличив для человека необходимость новых отвоеваний почвы и леса и заселения необитаемых земель.

Приспособление человеком к своим нуждам сил и данных природы, - течение воды, движение воздуха, скопление солнечной энергии в виде дерева, а позже каменного угля, различных минералов, начиная с глины и кончая рудами редких металлов, наконец, качеств почвы, - в различных местах и в различное время имело также свое влияние на формирование этносов.

Каждый этнос использует, конечно, то, что у него имеется под рукою. Если человек древнего каменного периода использовал, в качестве теплого и защищающего от хищников жилища, пещеру, то его потомок стал прибегать к искусственным сооружениям, не брезгуя, однако, и старыми пещерами. Если под рукою для построек жилища у него не было дерева, то он использовал камень, смесь соломы с глиною, сырой или обожженной, наконец, древесную кору, кожи и даже лед. Точно также и почва вынуждала человека приспособлять к ней свою деятельность, служа иногда безусловным препятствием к развитию этноса. Болотистые районы без искусственной осушки и уничтожения окружающих лесов своим неудобством ставили естественные границы распространения и развитию этносов с низкой культурой. В местах опасных от диких животных и пресмыкающихся человек покидал сушу и бывал вынужден жить в искусственно поднятых над водою сооружениях (свайные постройки каменного века и современные на восточной окраине Азии).

Из приведенных примеров не трудно убедиться, что человек сначала подчиняется окружающим его условиям и только по прошествии длинного промежутка времени начинает овладевать

природою в своих видовых интересах, к чему возможность открылась только с развитием путей сообщения, взаимного знакомства и взаимной помощи этносов, а главное, конечно, с развитием материальной культуры вообще.

Очень удачно было подмечено этнографами, что в среднем поясе человечество распространяется по Земле наподобие жидкости, занимая сначала наиболее низкие места, что обусловлено, конечно, двумя факторами: поиском температурного optimum'a и необходимостью воды. Если взглянуть с птичьего полета на поселения, допустим, корейцев, то на далеком расстоянии они производят впечатление лишайника, могущего удерживаться в тех или иных местах только благодаря наличию благоприятных условий. Действительно, в долине, окруженной красными скатами гор, орошенной небольшой речкой и в сильной степени заболоченной, естественно и искусственно для разведения риса, не видно жилищ, но сторона гор, обращенная к солнцу, покрыта, как пятнами лишайника, почти сливающимися с общей краской местности, жилищами корейцев, скопленными в деревни. Если проследить, как расселяются люди по речным долинам, поднимаясь все выше и выше по притокам реки и устраивая свои жилища близ воды, то нетрудно видеть, что такое расселение весьма напоминает продвижение бактерий и бацилл в благоприятной среде.

Наличие необходимых материалов и географические условия диктуют человеку выбор потребного для его различных нужд материалов и в каждом районе этнос создает для себя наилучшее при меньшей затрате энергии. Отсутствие дерева не вынуждает эскимоса покинуть обитаемую им страну и он прибегает к постройке жилища даже из льда, в то время как необходимость быстрых и частых передвижений вынуждают тунгуса и североамериканского индейца к созданию конического шалаша, так как в Сибири и Северной Америке имеются в достаточном количестве тонкие жерди и шкуры животных. Но недостаток постоянно имеющихся под рукою жердей приводит киргиза и монгола, а иногда и тунгуса, чукчу и негра Африки к постройке ульеобразных и сферических жилищ. Более или менее оседлая жизнь в местах богатых лесом открывает возможность постройки более постоянных жилищ из леса, неизменно вынуждающая человека создавать четырехугольные жилища. Из этих основных форм развиваются и все архитектурные формы, - одно- и двухскатные крыши, купол, коническая крыша, квадратные жилища, длинные четырехугольные и имеющие в основании своем круг. Поучительна в этом отношении история дорической колонны. Как известно, в Греции первоначально колонны делались из дерева и служили основанием для поддержания фронтона. За недостатком бревен колонну иногда

делали из прутьев плотно связанных кольцами внизу и на верху. Само собою разумеется, что для выдержания нагрузки колонну из жердей приходилось делать толще, чем колонны из цельных стволов деревьев. Под влиянием давления фронтона на колонну на высоте одной трети высоты колонны образовался изгиб жердей, дававший колонне в этом месте утолщение. Затем колонны стали делать из камня, воспроизводя те же формы. Поэтому дорическая колонна толще всех остальных, имеет утолщение на высоте одной трети всей высоты, а внизу и вверху снабжена кольцами.

Употребление более прочных материалов дало возможность возводить большие по размерам постройки. Здесь очень показательно мировое увлечение, так называемыми циклопическими постройками из колоссальных камней, подвоз которых к месту постройки в виду развития к этому времени техники передвижения стал, очевидно, возможен. Циклопические постройки встречаются, как в Греции и Европе вообще, так и в Азии, и даже в Средней Америке и относить их приходится приблизительно к периоду предшествующему железному веку.

Дальнейшее развитие строительного искусства следует за открытием новых строительных материалов. Камень и кирпич сменяют дерево, за ними следует железо, наконец, бетон и железо с примесью других металлов (вольфрама, молибдена и др.), придающих большую твердость и упругость стали, что открывает возможность применения новых технических и архитектурных форм.

Подобные параллели можно привести и из области техники одежды, пищи и т.д., включительно до техники войны.

Из рассмотренных нами фактов и соображений явствует, что *формы обуславливаются материалом, разнообразие и распределение которого с развитием транспорта и общения этносов все более и более расширяется и позволяет человеку по мере развития культуры вводить все новые и новые, им самим уже создаваемые, материалы. Осознание форм и их формулирование, выливающиеся теперь в технологию вообще и технологию строительного дела в частности, базирующихся на математику, физику и химию, явилось неизбежным следствием появления новых материалов.*

Если же мы прибегнем к аналогии, как это мы делали ранее, то формы создаваемые человеком и обусловленные материалом можно совершенно уподобить формам сот, удовлетворяющих требованию максимальной прочности с расходом наименьшего количества материала, постройкам бобров, муравьев и т.д. Принято считать, что у животных и насекомых строитель руководствуется «инстинктом», а у человека «сознанием». Это различие при незнании мышления и

психологии человека, вероятно, совершенно пропало бы, особенно, если обратиться за материалами для сравнения ко временам не так еще отдаленным от наших дней.

У каждого этноса в зависимости от материалов и почвы есть, конечно, свои обычаи нахождения мест для поселения, но в конечном итоге выбор подчиняется внешним условиям от воли и вкусов человека независящих. То обстоятельство, что человек не может жить без воды и начал пользоваться ею, как первым способом передвижения, известным, между прочим, и животным, реки послужили во многих случаях связующим элементом для людей и на реках создавались первые центры культуры. Долины Нила, Тигра и Евфрата, Рейна, Дуная, Волги, Желтой и Янцзыцзяна, Миссисипи и Рио Гранде, Ганга, наконец, Конго, Амура и реки Сибири были такими центрами, причем жизнь протекала главным образом на основном стволе речной системы, в местах наиболее благоприятных для человека. Так например, Верховья Нила, находящиеся в тропическом лесу оказывались необитаемыми, низовья реки Сибири, находящиеся за полярным кругом также почти необитаемы. Так создавались *культуры больших рек*.

По ознакомлении человека с преимуществами моря центры цивилизации переносились на берег моря, а затем по побережью распространялись и далее за пределы данного моря. Это - второй период, период *культур морей*, центры которых были указаны мною ранее.

Если в период речных культур способы передвижения при условии спокойствия даже самых больших рек были просты и на худой конец человек мог обходиться несколькими сколоченными бревнами, то с переходом в море человек был принужден создать более устойчивые суда. Трудность открытия законов постройки прочных и устойчивых судов прежде, чем человек почувствовал себя более уверенно в морской стихии, потребовала тысячелетних опытов. Открытие известных сравнительно маленьких двойных судов Полинезии и Зондских островов обеспечил миграцию полинезийцев, не вынуждая их к дальнейшему усовершенствованию судов.

Рассказы древних о тех трудностях, которые они испытывали от гнева Посейдона, есть рассказы о технических несовершенствах древнего судостроения. Завоевание моря и использование его, как путей сообщения, оказалось возможным не ранее создания хороших кораблей, которые и передали в распоряжение их владельцев моря.

Наконец, развитие судостроения и необходимости расширения сношений приводят человека к созданию культуры океанов, ставшей возможной только при ускоренном передвижении больших судов. В соответствии с изменением путей сообщения на воде происходили

изменения техники путей сообщения и на суше. В то время, когда люди передвигались по рекам на примитивных лодках и плотам, на суше человек переносил тяжести на себе; с переходом к более совершенным судам, на суше появились колесные платформы, влекомые домашними животными, что дало возможность позже создать систему настоящего гужевого и почтового сообщения по специально построенным дорогам (Римская империя). Переходу к океаническим культурам в деле передвижения на суше предшествовал переход на железные дороги паровой тяги.

Насколько этот созданный человеком новый фактор влиял на развитие этносов может показать вся история Европы за последнее тысячелетие, где можно проследить преобладающее влияние той или иной нации в зависимости от изменения техники путей сообщения.

Из рассмотрения влияния первичной и вторичной сред видно также, что ослабление влияния первого и поднятия второго вызывает у этноса необходимость создания некоторой внутренней организации, которая принимает различные формы в зависимости не только от условий первичной и вторичной сред, но и вследствие спонтанного развития самих форм, приобретающих самодовлеющее значение.

Общественная организация свойственна не только одному человеку, но и многим животным, образующим временные или постоянные соединения индивидумов, и достигает иногда сложнейшей формы, как это мы видим у некоторых видов муравьев, пчел и т.д.

Одним из труднейших для наблюдения явлений, несомненно, является общество, - социальная культура. Трудность наблюдения и даже определения его заключается прежде всего в том, что в развитом виде общество наблюдается у этносов высшей культуры, которая в свою очередь создает и науку, изучающую природу общества и его организацию, как явление.

Как мы видели и ранее, познание своей собственной этнографии до сих пор представляло несомненные трудности, что вполне понятно, так как изучающий сам является частью изучаемого. Кроме того, факты относящиеся к этим явлениям далеко не всегда точно протоколируются и сами нуждаются в тщательной регистрации, проверке и анализе. Этим объясняется витиеватый путь развития науки, изучающей общество. Начав с теологического объяснения явлений социальной культуры, перейдя затем к мистическому объяснению их, как создания «человеческого гения», социология не сможет встать на твердые ноги до тех пор, пока не обратится в этнографию и даже части ее, - этнографию «диких» и

этнографию «цивилизованных» народов. Если понимание явлений социальной культуры этносов стоящих вне цикла европейской цивилизации вынуждало неоднократно ученых апеллировать к тенденциозным гипотезам, то социальная культура наций цикла европейской цивилизации оказалась даже ареною политической борьбы, а социология неоднократно превращалась сама в орудие борьбы.

Первым признаком общества является его *организованность, т.е. дифференциация по деятельности элементов составляющих его*. Без дифференциации нет и общества, - ни люди, ни животные таких примеров не дают и самое элементарное общество делится на самцов, самок, молодых индивидумов и т.д. Половые и возрастные деления индивидумов являются первою основой дифференциации, *т.е. основа общества лежит в пределах биологии*, а не в пределах элементов производных, созданных животными видами.

Вторым признаком общества является *постоянство его состава, т.е. связанность составляющих его индивидуумов с целым*. Временные соединения индивидуумов, как например, брачные соединения хищников из кошачьих, рыб и т. под. еще не порождают общества, как явления могущего самостоятельно развиваться, усложнять свою форму. Таким образом, постоянство состава является признаком общества, рассматриваемого, как явление изменяющееся.

Третьим признаком общества является *субъективное сознание связи с целым у каждого индивидуума в отдельности*, что дает основу традиции и фиксации форм.

Как известно, каждый индивидуум имеет тяготение к своему виду, хотя бы для воспроизведения самого вида. Это *тяготение связывает индивидуума с территорией, на которой данный вид существует*. Наконец, тяготение к виду происходит и потому, что борьба за существование ведется всегда целым видом. Вместе с этим и между видами может создаться род взаимоотношений, но группа животных видов на известной территории, даже связанных между собою некоторыми отношениями, еще представляют собою общества, хотя функции отдельных видов на данной территории могут быть различными, состав их будет постоянен и будет даже наличность осознания этих отношений. Такая связь видов будет первичной средой для каждого вида, которая заставляет виды принимать тот или иной *modus vivendi*, - форму сотрудничества (кооперации), комменсализма и паразитизма.

Для иллюстрации я приведу один пример вынужденных отношений, как их рисуют жители тайги - тунгусы. В Северной Маньчжурии существуют два вида медведя, большой медведь темно-бурый и маленький бурый, - там же существует тигр и,

наконец, люди. В зависимости от времени года, как медведь и тигр, так и человек меняют свои места, к чему их вынуждает передвижение дичи, которой они питаются. Большой медведь идет впереди и занимает лучшие места, за ним идет, оспаривая иногда у него территорию, тигр, на худших местах в отношении дичи, но достаточно хороших в других отношениях, поселяется малый бурый медведь и, наконец, охотники-тунгусы. Такое передвижение с одного места на другое и в том же постоянном порядке происходит ежегодно. Но иногда происходят столкновения между молодыми особями тигра и медведя из-за территории (каждый из них занимает для себя небольшую речку). Тогда дело решается дуэлью, в результате которой слабейший уступает место сильнейшему. Эти дуэли иногда ведутся в течение трех лет, причем для соревнования медведь надгрызывает одно дерево, а тигр его нацарапывает и если ему удастся нацарапать выше места надгрызенного медведем, то либо медведь уходит, либо вопрос разрешается на будущий год тем же порядком. Если же ни тот ни другой не уступают, то происходит ожесточенный бой. Местные охотники тунгусы, изучив хорошо этот порядок деления территории между молодыми индивидуумами, охотно принимают участие в боях, зная их дату (это бывает ежегодно в конце апреля) и место (обгрызенное и нацарапанное дерево в предыдущем году). Охотник обычно убивает обоих бойцов.

Известны случаи, когда человеку приходится уступить занятое место, если оно им отнято у тигра или медведя, вследствие яростных и систематических нападений этих животных на домашних животных и даже на жилище человека. Вполне понятно поэтому, что многие тунгусы считают некоторые речки для себя недоступными (для охоты), так как они заняты тиграми или большими медведями¹.

Таким образом, в силу того, что медведь *не может не кочевать*, так как он приспособлен к существованию именно таким образом, но приспособлен точно так же и другой вид медведя, и тигр, и человек, между ними всеми создается соревнование и, наконец, они входят в некоторые отношения, становятся в зависимость друг от друга и создают своеобразную организацию - «таежное общество», управляющееся своими нормами, обычаями и т.д., позволяющее человеку жить рядом с медведем, когда медведь не трогает человека, если не видит с его стороны признаков

---

¹ В книге В.К. Арсеньева «По Уссурийскому Краю» приводятся несколько фактов указывающих на то, что гольды (или по крайней мере гольд, сопровождавший автора) признают эти деления тайги, которые являются вынужденной, тяжелой необходимостью для человека. В этих отношениях нельзя, конечно, видеть религиозных или философских представлений «диких» гольдов, как делает автор, но подлинную будничную жизнь тайги и борьбы за существование, где человек есть член общества других видов, но не царь природы, мыслимый только в кабинете поэтически настроенных ученых.

нападения, и когда люди с медведем одновременно собирают ягоды, не причиняя друг другу вреда.

Итак, отношения создающиеся на основе приспособления в среде еще не порождают общества и в дальнейшем под этим я буду разумеать *организацию общества внутри данного вида*.

Сложная общественная организация, которую можно наблюдать, например, у муравьев и пчел, где существует несколько видов работы и работников, специальные индивидуумы для воспроизводства и т.д., уже не позволяют существовать отдельному индивидууму, так как он, оказавшись вне общества, гибнет или не может воспроизвести себя, что равносильно гибели. В данном случае общество обеспечивает ему существование, как обеспечивает существование общество и монголам, организация которых теперь едва ли много сложнее организации муравьев. Таков же смысл и более сложной организации наций цикла европейской цивилизации. Итак, *общество есть выражение биологических отношений созидающихся вне воли и сознания его членов*.

Как уже было сказано выше, основой организации общества является дифференциация по признаку половому и возрастному. Поэтому мы не знаем человека, не имеющего той или иной организации на основании половых и возрастных отношений, как не знаем человека живущего вне общества, - *ξῶν πολιτῶν* Платона, - человек - общественное животное. Самые примитивные этносы имеют ту или иную общественную организацию и естественно, конечно, то, что *чем сложнее вторичная среда и чем упорнее сопротивляемость человека физическому приспособлению себя к первичной среде, тем сложнее форма общества*.

Строгий порядок развития общества установленным считать нельзя и схема развития отдельных учреждений, которые давались учеными, едва ли в действительности имеют место. Знаменитый спор о том, был ли сначала матриархат или патриархат теперь теряют свою остроту, если признать, что все общественные формы развиваются в соответствии со всеми комплексами явлений с соблюдением только *условия сохранения равновесия*. Сторонникам одной и другой теории было приведено достаточное количество фактов, подтверждающих правильность той и другой теорий, чтобы признать, как факт, существование у самых первобытных этносов любых известных форм, но вопрос об отсутствии парной семьи и групповом браке, как исходных формах, остался открытым. Доказательства по аналогии с животными в этом отношении ничего не дает, так как организация животных дает примеры всех форм, - группового брака, моногамии, полиандрии и т.д., - это объясняется, вероятно, условиями среды, позволяющими существование той или иной формы для успешного и достаточного воспроизведения рода.

Так например, львы Аравии моногамны, но львы Египта, где имеется больше питания, нередко имеют по две самки. Антилопы Маньчжурии полигамичны, но живущие там же благородные олени - нередко моногамичны. Вопрос о формах семьи особенно резко выступает в тех случаях, когда нарушается соотношение полов. У этносов теряющих в борьбе за существование большое количество мужчин полигамия является неизбежным следствием, точно так же как в обществах, где разделение труда лишило женщину права на некоторые виды труда, как например, в Китае и Турции, полигамия оказывается также неизбежной. С развитием же духовной культуры, фиксирующей теоретически те или иные факты и положения, могут сохраняться формы случайно появившиеся или сохранившиеся от более древнего времени. Такими формами, вероятно, следует считать полиандрию в Тибете и полиандрию в Индии и т.д. Таким образом, любые возможные отношения комбинаций можно найти у этносов одной культурной ступени, как можно найти и этносы разных культурных ступеней, обладающих одною формою семьи, - пример Германии в XVII столетии признавшей после тридцатилетней войны полигамию законным институтом, весьма доказателен, - какой же нибудь определенной и единой для всех этносов эволюции форм семьи, вероятно, не существует.

Не так безнадежно обстоит вопрос о восстановлении первичных форм социальных единиц, образующих этнос. Наличие у всех этносов, - если не в настоящем, то в прошлом, - рода, основанного на кровном (по материнской или отцовской линиям) родстве указывает на то, что эта форма общественной организации имеет универсальное распространение и, видимо, является типичной для современного (данных относящихся к ископаемому человеку у нас нет) человека.

Точно также нет единой схемы развития других социальных институтов, как например, право собственности, форма государства (управления) и структура внутренней организации, основанной на разделении труда. Так например, отсутствие права собственности на некоторые категории богатств можно встретить на самых различных ступенях культуры. Сравнение с миром животных в этом случае так же мало приносит пользы, как в случае установления единообразия развития форм семьи. Различные этносы дают в этом отношении примеры всех возможных форм и наряду с высокоразвитой частной собственностью в Италии в XVI столетии тогда же существовало государство Инков в Америке, где была организована государственная обработка земли и земля принадлежала не только *de jure*, но и *de facto* государству, которое по культуре своей не было так низко, как государство фанатических собственников негров Африки.

средам, вынуждены бывают создавать объяснение этих изменений преимущественно *post factum*, так как для этноса важно бывает только найти пути и объяснения причин происходящего изменения. Это - период *бессознательного социального творчества*, которому, можно предположить теоретически, рано или поздно, если человечество будет существовать и далее, должно последовать *сознательное социальное творчество*. На основании самого характера познания социальной структуры можно сделать также следующее заключение, *чем медленнее изменение социальной структуры тем меньше привлекается внимание к ней*. Поэтому этносу находящемуся в состоянии медленных изменений существующие формы кажутся извечными и данными ему свыше, а этносы быстро изменяющие свою структуру, находят иные объяснения существованию социальной структуры, доходя в таких случаях даже до полного отрицания необходимости давать какие-либо объяснения, кроме своей собственной воли. Таким образом, развитие желания *познания социальной структуры и осознание ее становится в зависимости от темпа изменений самой структуры*, в случае медленного и равномерного изменения сред равняясь нулю, а в случае резкого движения процесса приводя к утере имевшегося ранее объяснения и отрицанию даже необходимости какого-либо объяснения. Соответственно этому, между прочим, развитие этого желания у отдельных общественных групп варьируется в зависимости от степени участия их в процессе изменения. Группы подвергающиеся изменениям, более резко реагируют и получают больший импульс интереса к осознанию процесса¹.

Итак, осознание процесса изменения социальной структуры и ее самой есть явление, связанное с самой социальной культурой и является ее составной.

ГЛАВА VI.

Этническая среда и этнос.

ЗНАЧЕНИЕ СРЕДЫ ДЛЯ ЭТНОСА. - ЭТНИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ И

КОНСТАНТА ω . - ИМПУЛЬСЫ ИЗМЕНЕНИЯ. - ОБОБЩЕНИЕ ИЗ

СОПОСТАВЛЕНИЯ ИМПУЛЬСОВ ИЗМЕНЕНИЯ -

---

¹ История политических движений и партий, а также наук: политики, социологии, этики, и др. Может дать не мало примеров такой зависимости явлений от темпа изменений социальной структуры и его осознания и объяснения. Развитие политических и социальных систем, начавшееся со времени резких изменений сред в Европе, совершенно покрывается и объясняется указанной зависимостью.

В предыдущем изложении отношений этноса и среды мы рассматривали этнос изолированно, не принимая во внимание его отношений к другим этносам, теперь мы перейдем к исследованию отношений, создающихся для этноса этнической средою. Как мы видим, не только географические условия, но и производные, - создаваемые культурою, - сами формируют среду для этноса, каковыми являются, например, домашние животные, новые материалы и т.д. В отношении неизоллированного этноса среда образуется не только указанными элементами, но и другими этносами, от которых ему приходится заимствовать многое, с которыми ему приходится вступать в сношения, - дружественные, нейтральные или враждебные, - с которыми ему приходится в одном случае смешиваться, а в другом случае вести борьбу до полного уничтожения одного другим. Это и есть этническая среда.

Не нужно особых усилий анализа создающихся отношений, чтобы ощутить разницу положений этноса, допустим, среди этносов монгольской культуры и суданской (в Африке), среди южно-американских этносов и, допустим, славян Центральной Европы. Степень давления соседей и степень влияния, наконец, возможность смешения различны в обоих случаях.

Таким образом, для каждого этноса другие этносы являются также средою, которая в свою очередь может изменяться под влиянием наблюдаемого нами этноса, а поэтому изучение этих отношений, - среды этносов, - представляется необходимым для уяснения положения, культуры и происхождения этноса. Это обстоятельство заставляет рассматривать этносы в цепи их отношений с другими этносами, без чего их изучение оказывается безусловно невозможным и это применимо не только к цивилизованным нациям, но и к народам, стоящим на более низких ступенях развития. Если изучение истории и целого государства цикла европейской цивилизации без рассмотрения всей этнической среды приводит к ошибкам, то по отношению к этносам более низкой культуры приходится признать тоже самое. Общественные институты, верования и даже материальная культура, допустим, бурят совершенно непонятны без изучения монголов, их соседей, - русских и китайцев, - как невозможно уяснение русских институтов и истории России без изучения истории монголов, Китая и т.д.¹

¹ Если опустить период регистрации фактов летописцами, изучение истории России началось лишь с развитием наук в России вообще, принесенных в нее с Запада не только первыми учеными иностранцами, но и русскими учеными, воспитывавшимися в Европе. Кроме того, со времен Петра Великого Россия приняла общее культурное направление на Запад и, отвергая все восточное, имитировала Европу, - «Свет цивилизации с Запада», - а поэтому для поддержания своего значения на Западе русским волей-неволей приходилось доказывать западно-европейское происхождение своей культуры. Вследствие этих обстоятельств история России в изложении ее русскими историками оказалась совершенной только с одной стороны, - со стороны влияния на Россию Европы, а культурному влиянию (среда этническая) со стороны

Если мы устанавливаем таким образом, что фактор этнической среды имеет первостепенное значение при изучении этносов, то возможные степени влияния одного этноса на другой составляют различные комбинации между этнических отношений и условий существования изучаемого этноса, а сила и мощь этносов, окружающих изучаемый этнос, определяют условия взаимных отношений соседних этносов и интенсивность влияния этнической среды.

Каждый этнос ведет борьбу за свое существование и если он может противостоять другим этносам, то он выходит победителем и может *продолжать свое распространение по территории*, что является внешним выражением его роста. Таким образом, перед каждым этносом стоят задачи: приспособление к первичной среде, создание вторичной среды и приспособление к ней, порождающих некоторую внутреннюю организацию (социальную культуру,), если таковая требуется необходимостью приспособления к первичной и вторичной средам. Внешним выражением приспособления служит численный состав этноса, который может быть растущим, неподвижным и падающим. Наконец, этническая среда ставит этносу еще одну задачу: создание отношений с другими этносами, причем эти отношения могут принять самые различные формы, - форму сотрудничества, форму взаимных выгод, форму паразитизма и форму поглощения или слияния, если не происходит полного уничтожения или вытеснения одного этноса другим, что зависит, конечно, прежде всего от мощи этноса.

В чем же заключается мощь этноса? Как и вид, этнос задачей своей имеет отстаивание своего положения среди других видов и этносов, отстаивание права на жизнь; путями же к этому служат *прежде всего приспособление к среде* (первичной или вторичной) *и далее, умение противостоять натиску других этносов и использовать их в своих интересах*. Формы приспособления к среде первичной дают, как мы видели, большое количество вариантов, но не меньше получается комбинаций и при приспособлении к этнической среде. Для этноса признаками,

---

Востока было уделено скромное место «татарского ига». Несмотря на то, что как по происхождению (антропологически), так и по культуре русские связаны едва ли не больше с народами и историей Азии, - монголов, тюрков и Китая, - чем с народами и историей Западной Европы, истории азиатских стран у нас совершенно не уделяется место, между тем как с точки зрения истории Азии образование Московского государства, т.е. первого русского государства, быть может правильнее было бы рассматривать, как результат распада величайшего государства Азии, созданного под главенством монголов (Юаньская Династия) в Китае, культурные влияния которых, быть может, сыграли и роль фермента единения для мелких, враждующих между собой этнических единиц, образовавших позже Московское государство. Вот почему в изложении истории России и ее культуры у большинства историков чувствуется тенденциозность. Этот пример может служить хорошей иллюстрацией того, как трудно уяснить себе этнографию (и историю, конечно) народа, изучая ее вне полного освещения со стороны влияния всей этнической среды.

указывающими на умелую приспособляемость в отстаивании своего права на жизнь является прежде всего *его численный состав по отношению к другим этносам* (при условии подобию культуры) *и сохранения численного состава на определенном уровне*. Численное превосходство этноса при различии культур двух этносов может терять свое значение. Так, например, многочисленный этнос, лишенный высокоразвитой материальной культуры не может противостоять немногочисленному этносу, обладающему высокой культурой, которому эта культура дает возможность подчинения и даже уничтожения первого. Примеров подавления более культурными этносами менее культурных можно привести бесчисленное множество, особенно же много таких примеров дает колониционная деятельность высококультурных государств. Поглощение китайцами аборигенов Южного Китая почти уже закончено, культурная ассимиляция немногочисленными римлянами галлов была проведена с быстротой двух-трех столетий, культурная ассимиляция населения современной Забайкальской области протекла в два столетия, причем русские были, конечно, в значительном меньшинстве. Но этот процесс усиливается, конечно, при колонизации, ставящей своей целью уничтожение аборигенов, как и других «вредителей» вновь занятой территории, - немногочисленные

англ

зачатия, к чему некоторые народы, как например, древние евреи, относились как к преступлению и греху, наконец, убийство престарелых и т.п. обычаи, возмущающие этносы непрактикующие их, но у этих последних регулятором является фантастическая смертность детей, запрещение ранних браков, воздержание от браков в разных формах (в том числе и монашество) и т.д. Все эти обычаи и нормы вне зависимости от их объяснения, каждого в отдельности, позволяют вынести за скобку одно, а именно: *сокращение прироста населения*. Если взять, например, легализацию убийства девочек, - обычай приводивший в уныние европейцев, - то действие это было актом добродетели со стороны родителей, подчинявшихся принципу общего блага, - сохранению ограниченного населения. Убийство престарелых, доведенное до сложной обрядности на о. Борнео, было актом полурелигиозного значения. На о. Борнео батаки приводили долженствующего умереть старика к высокому дереву и помогали ему зацепиться руками за ветвь, на которой он и повисал, а в это время собравшиеся для обряда начинали с соответствующими песнями танцевать вокруг висящего старика, пока тот обессиленный не падал на землю и не съедался танцующими. Убийство стариков у народов Америки было обязанностью сына, в Китае обычай оставления стариков, достигших 60 лет, без пищи, как это практикуется у чукчей и эскимосов, оставил воспоминание в виде сказаний и особого почета к этому возрасту. Возмущающиеся этими «дикими» обычаями европейцы изобрели десятки способов выкидывания плода, неизвестных другим этносам, как например, папуасами и др., что еще так недавно каралось законом; в России, где смертность детей колоссальна, действует закон, воспрещающий аборт и остаются малоизвестными способы предохранения от зачатия, но зато сильно развито возмущение обычаями перечисленными выше, как вызывают они возмущение и у английской женщины, выходящей замуж в среднем на 6 лет позже русской женщины, т.е. когда она начинает уже в значительной степени увядать.¹

Таким образом, каждый этнос, избирая тот или иной способ урегулирования прироста населения (или движения его по легко поднимающейся прогрессии), не осознавая конечной цели и причин, применяет этот способ в какой-нибудь для себя приемлемой и понятной форме. Так например, детоубийство часто принимает форму религиозного жертвоприношения, а борьба с зачатием и практика аборта рационалистическими европейцами объясняется, как забота о наилучшем воспитании других (настоящих или будущих) детей; поздние браки объясняются необходимостью

¹ Средний возраст английской невесты в первом десятилетии настоящего столетия был около 30 лет, а русской невесты - около 24 лет.

«подготовки к жизни»; отказ от брака принимает либо религиозную форму, либо моральную, наконец, политика русского крестьянина по отношению к детской смертности находит свою успокаивающую формулу в воле Божьей: «Господь прибрал». Итак, *как и большинство биологических функций этноса, эта функция принимает некоторую вуалированную форму, подчиняющуюся общему культурному состоянию этноса.*

Из приведенных выше примеров и анализа их следует, что количество населения регулируется ограниченностью территории, находящейся в распоряжении этноса и ограниченным же ростом культурности (вторичная среда). Территория, которая необходима для прокормления некоторого количества населения при помощи охоты, всегда должна быть больше, чем территория необходимая для прокормления того же количества населения, занимающегося скотоводством и далее, для земледельца требуется меньше земли, чем для скотовода кочевника, а для этноса, занимающегося промышленностью, - еще меньше, чем для земледельца, т.е. *чем интенсивнее эксплуатация территории, тем большее количество населения оно может прокормить.*

Рассмотрение распределения плотности населения на Земном шаре дает иллюстрацию этого положения, хотя при этом не следует упускать из виду, что территория пригодная для заселения не всюду распределена равномерно и на картах плотности населения не учтено соотношение действительно заселенной территории и территории не могущей быть заселенной, - болота, пустыни, скалистые горы и т.д. Итак, *плотность населения зависит от степени культурности этноса и таким образом при неизменяющейся территории и культурности избыток рождаемости над смертностью есть величина постоянная и равен 0*; что можно выразить также иначе, а именно: *отношение плотности населения P , которая в свою очередь есть отношение количества населения q к территории T , т.е. $P = \frac{q}{T}$, к культурности S*

есть величина постоянная, т.е. $\frac{q}{ST} = \frac{P_1}{S_1} = \frac{P_2}{S_2} = \dots = \frac{P}{S} = \omega$ и $\frac{q}{ST} = \omega$

Отсюда явствует, что этнос *невымирающий* не может увеличивать своего состава без изменения величины S (культурности) и T (территории) и выражение $\frac{q_1}{ST} = \omega$ где: $q_1 \geq q$, а q_1 и q есть количество населения в разные годы, *невозможно*, так как с уменьшением плотности должна измениться величина S и T или одна из двух, что есть *состояние нарушенного равновесия*. Итак, формулу $\frac{q}{ST} = \omega$ можно также определить, как формулу

этнического равновесия, а ω как коэффициент этнического равновесия.

Из сказанного явствует, что выражение «вымирающий народ» в этнологическом смысле приходится употреблять только при учете моментов, - культуры, территории и количества населения, - на протяжении некоторого времени, определить которое не всегда также возможно. Если, допустим, происходит увеличение территории и культурности, но количество населения сохраняется прежним или увеличивается непропорционально росту S и T, то это будет уже состояние вымирания, хотя биологически его, быть может, и нет и в то же самое время уменьшение территории и утеря культурности при сохранении прежнего количества населения дает право заключить об этническом росте этноса.

В виду того, что при дальнейшем изложении мне придется вернуться к этому вопросу, пока я не буду приводить иллюстрации к этим положениям.

Итак, положение: *сохранение уровня численного состава*, следует понимать не абсолютно, а относительно, принимая во внимание сделанные пояснения.

Эти внешние признаки, однако, не исчерпывают всех признаков, так как даже при условии поддержания желаемого состава и уровня, может происходить замещение антропологических типов одного другим и, таким образом, по истечении времени может произойти полное замещение одного типа другим со всеми последствиями вытекающими отсюда, как например, несомненная связь некоторых психических и умственных качеств с антропологическими типами. Таким образом, этнос в смысле принятого нами определения может совершенно погибнуть без проявления видимых резких признаков происходящего процесса, по признакам наибольшей мощности этно□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□
 □□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□□

Исходя из *принципа равновесия культуры*¹, слагающейся из культуры материальной, социальной и духовной, можно установить, что нарушение *равновесия* приводит в состояние неустойчивости всю культуру, а вместе с тем и этнос. Таким образом, потеря этносом культурных особенностей без замещения их эквивалентом той же культуры, сохраняющим равновесие, знаменует собою для этноса потерю им этнического облика и его *этническое вырождение*, вне зависимости от того «выше» или «ниже» замещающая культура теряемых особенностей. С этой точки зрения ирокезы, ставшие американскими фермерами, так и тунгусы в Забайкалье, перешедшие на скотоводство, суть вырождающиеся этносы.

Выше была приведена константа ω , которая характеризует постоянство отношения плотности населения и культурности, теперь я перейду к более подробному разбору этого отношения и следствий вытекающих из него.

¹ См. ранее, главу II, стр.21

отношению прежнего количества населения к разнице двух наблюдений, т.е. $\frac{q}{\Delta q}$; таким образом импульс изменения

$$\pm i_{st} = \frac{q}{ST} \cdot \frac{q}{\Delta q} = \omega \frac{q}{\Delta q}$$

Это может происходить при большой биологической мощи населения и достаточной его гибкости в смысле приспособляемости. В том случае, если резерв территории исчерпан, этим процессом импульсируется либо дальнейшее развитие культуры, либо завоевательная политика этноса, что, как будет видно дальше, возможно только при избытке биологической мощи этноса. Этноты большого консерватизма и мощи, конечно, легче идут на завоевание территории, менее консервативные и слабые - на развитие культуры. С этой точки зрения, вероятно, культурное развитие Европы и прижатых между океанами и горами государств Южной Америки стимулировалось именно ростом населения при отсутствии свободных земель. Но в случае, если q_1 (второе наблюдение), меньше q (первое наблюдение), может быть произведено либо сокращение территории, либо падение культурности. Такое явление бывает связано с физическим вырождением, вследствие естественной дряхлости этноса, болезней или уничтожения, причем сокращение территории может происходить путем занятия ее другим этносом, играющим иногда и подчиненную роль. В таком положении находились римляне, привлекавшие варваров к работам и уступавшие им земли в провинциях, предпочитая приятное времяпровождение в Риме. В том же положении находятся и ирландцы, за XIX столетие потерявшие свыше 30 % населения. Таково положение и многих «диких» этносов, как тасманийцы, юкагиры и др., погибающие от болезней и пьянства, теряющих одновременно и культурность свою и территорию.

Что же происходит при изменении величины T ? Причиной изменения ее могут быть: отвоевание территории у природы, - осушение, уничтожение лесов и т.п., - и у других этносов или же уменьшение ее по причине захвата лесом, пожарами (охотничьи территории пушного и красного зверя), заболеванием и другими этносами. В этом случае может произойти или увеличение S или же понижение q , либо то и другое вместе, т.е. *при изменении территории появляется импульс изменения культуры и количества населения*, причем рост территории может даже вызвать понижение культурности, если этнос не в состоянии сохранить свою прежнюю плотность¹, каковая зависимость, по аналогии с предыдущим,

¹ Здесь, конечно, необходимо оговорить, что далеко не всякая территория эквивалентна. Само

$$\begin{array}{ccccccc} \text{определяется} & & \text{импульсом} & & \text{изменения} & & \pm i_{sq} \\ = & \frac{q}{S T} \cdot \frac{T}{\Delta T} = \omega & \frac{T}{\Delta T} \end{array}$$

Такова судьба многих этносов, вынужденных по соображениям самозащиты занимать большие, свободные или заселенные другими этносами, территории. Но вместе с тем, если этнос обладает достаточной биологической мощностью, то он может сохранить свою культуру в прежнем виде.

Сокращение территории вызывает или рост культурности или же падение количества населения. При консервативном этносе неизбежным является падение количества населения, при способности же изменять культуру - возможно сохранение прежнего населения (уплотнение его). Этим различаются этносы, находящиеся на низких ступенях развития (а таковые обладают большим консерватизмом, как это будет видно далее), как например, в Сибири и Америке, где они вынуждены были пойти на сокращение своей численности, - занятии территории Сибири русскими, а Америки европейцами, - от народов, стоящих на высших ступенях культуры, как например, французы после войны 1870-1871 года.

Если допустить, что культура сама в себе несет элементы развития, то при изменении культуры *появляются импульсы изменения территории и количества населения*. Зависимость этих изменений, по аналогии с другими можно выразить импульсом изменения

$$\pm i_{sq} = \frac{q}{S T} \cdot \frac{S}{\Delta S} = \omega \frac{S}{\Delta S}$$

Из сопоставления всех трех формул и примеров видно также, что импульсы с отрицательным знаком, при $q_1 < q$, $S_1 < S$, $T_1 < T$, нарушением этнического равновесия вызывают либо гибель этноса, либо замедление его развития и во всяком случае *напряжение его биологической мощи* в отношении размножения или дальнейшего развития культуры.

Этнос, у которого преобладают импульсы отрицательные, является обычно *гибнущим этносом*, если только не переходит во временное так сказать анабиотическое состояние, в состояние сокращенных функций во имя сохранения существования, самозащиты. Таким образом, возможно допустить, что некоторые этносы, оказавшиеся в таком положении по истечении тяжелого

собою очевидно, что тысячи квадратных километров пустыни не будут эквивалентны, в смысле возможного заселения, сотни километров культурной земли. Здесь необходимо в величину T ввести поправку, выражающую *пригодность территории для данного культурного состояния этноса*.

периода снова поднимаются и восстанавливаются. Таким примером могут послужить предки маньчжуров, отступившие в состоянии анабиоза на время господства монголов в период Юаньской династии и китайцев в период Минской династии. Вторым примером быть может послужат чехи, если их государство выдержит предстоящие испытания. Впрочем, факт гибели этносов слишком обычен, а восстановление этноса более редкое явление, чем окончательная гибель после действия ряда отрицательных импульсов.

Без сопоставления этих же формул и примеров видно также, что импульсы с положительным знаком, при $q_1 > q$, $S_1 > S$, $T_1 > T$, вызывают рост этноса, - если не во всех отношениях, то в некоторых, - с соблюдением *этнического равновесия*. Это будут *растущие этносы*, которые иногда, в неблагоприятные времена, дают приостановку роста населения, культуры и территории, переходя в стационарное состояние. Но даже и уменьшение роста населения, особенно во время войны и народных восстаний, являющихся иногда проявлением нормальных биологических функций, не всегда есть признак гибели этноса, для последующего роста которого могут быть необходимы такие действия, которые лишают его части населения. Поэтому для определения подлинного состояния этноса необходимо некоторый промежуток времени.

Теперь сделаем сводку: при изменении одной составной формулы отрицательный импульс для восстановления константы ω вызывает отрицательный знак импульса одной или двух составных формулы, нулевой и положительный импульсы оставляют знаки импульсов других составных без изменения.

Общая формула $\frac{P}{S} = \frac{q}{ST} = \omega$ дает отношение плотности к культурности населения, отношение которое является величиной постоянной, т.е. *плотность p зависит от культурности этносов*. И далее, чем благоприятнее среда, тем больше может быть плотность, так как благоприятная среда облегчает рост культурности, а избыток продуктов питания открывает возможность дальнейшего увеличения населения. Вместе с тем этот избыток получается не только вследствие непосредственного приспособления к среде, но и путем создания внутренней организации этноса, разделения труда внутри его и т.д., обеспечивающих более совершенное использование человеческой энергии. То же самое нужно отнести и к духовной культуре, являющейся результатом наблюдения и осознания этносом фактов и выводов сделанных им. Таким образом, все элементы

культуры между собой взаимно связаны и входят в составную S приведенной выше формулы.

Выше были приведены частные формулы импульсов по отдельным моментам, тогда общий вид будет: $\frac{q^1 - q}{(S1 - S) - (T1 - T)}$.

Если этнос изменяется допустим в отношении территории, то при условии неподвижности культуры создается некоторая зависимость между изменением территории и населения. Эту зависимость можно определить следующим образом: $\pm i_{st} = {}_{(1)} \frac{q}{\Delta q}$, но в силу необходимости сохранения равновесия, должно произойти изменение и величины T, а так как $-\pm i_{sq} = {}_{(1)} \frac{T}{\Delta T}$, импульсы должны быть однозначны и равны, то при равенстве импульсов $-\pm i_{sq}$ и $\pm i_{st}$

получится: $\omega \frac{q}{\Delta q} = \omega \frac{T}{\Delta T}$ или $\frac{q}{\Delta q} = \frac{T}{\Delta T}$, откуда: $\Delta q = \Delta T \frac{q}{T}$ и $\Delta T = \Delta q \frac{T}{q}$.

Соответственно этому, если остается без изменений T, между величинами q и S получается следующая зависимость $\Delta q = \Delta S \frac{q}{S}$ и $\Delta S = \Delta q \frac{S}{q}$ и наконец, при неизменяющемся q зависимость между S и T будет: $\Delta S = \Delta T \frac{S}{T}$ и $\Delta T = \Delta S \frac{T}{S}$ ¹

Таким образом зависимость между этими моментами выражается прямолинейной функцией, если этнос находится в состоянии непрерывного сохранения равновесия, если же этого нет и импульсы по различным признакам не равны и даже имеют разные знаки, то это знаменует собою задержку в развитии этноса и даже гибель его.

Вышеприведенная зависимость изменения моментов изменения одного из них позволяет сделать ряд обобщений, к которым я теперь и перейду с предупреждением, что в настоящей работе я ограничусь лишь некоторыми выводами, преследуя цель дать только иллюстрации положений, сформулированных в предыдущем изложении.

---

¹ Тот же результат получается, если продифференцировать $\frac{q}{TS} = \omega$

1. Формула зависимости культурности и территории при постоянном количестве населения $\Delta S = \Delta T \frac{S}{T}$ и $\Delta T = \Delta S \frac{T}{S}$ дает возможность сделать следующие выводы:

- 1) чем выше исходная культура, тем менее интенсивно меняется территория при изменении культуры и обратно;
- 2) чем ниже исходная культура, тем интенсивнее изменяется территория;
- 3) чем больше исходная территория, тем интенсивнее изменяется она при изменении культуры и обратно;
- 4) чем меньше исходная территория, тем менее интенсивнее меняется она при изменении культуры.

Этим объясняется, например, медленное распространение по территории, пригодной для населения, высококультурных народов слабо изменявших количество населения. Таким примером может служить Китай, где с 685 года (до Р.Х.) до II столетия (до Р.Х.) население почти не изменялось, а со 2 года (по Р.Х.) до XVII столетия (по Р.Х.) оно осталось почти без изменения¹.

Но вместе с тем для культурных народов (конечно, относительно) этим же можно объяснить и медленное сокращение их территории при падении культуры. Таким примером могут служить кельты, сумевшие до сих пор сохранить часть своей территории при количестве населения, вероятно, близком к количеству в исходный момент наблюдения. Этим же объясняется быстрое распространение малокультурных народов при росте культуры. Примером последнего явления может служить рост территории тунгусов, воспринявших высшую культуру. Но вместе с тем малокультурные народы и легче теряют свою территорию, примером чего могут служить те же тунгусы.

Здесь я считаю необходимым отметить, что приведенные примеры при углубленном анализе должны, конечно, выявить действие тех или иных причин, усиливающих или замедляющих процессы, но в настоящее время за неимением детально изученных, - с цифровыми данными, - материалов возможно найти примеры только приближенно. Вообще же говоря, в чистом виде в этносах едва ли возможно наблюдать такую точную зависимость между *двумя моментами*, так как процессы, происходящие в этносе, не могут не затрагивать и третьего момента, связанного с остальными двумя моментами.

II. Формула зависимости территории и количества населения при постоянной культуре (стационарное состояние в культурном

¹ Проф. Кюнерь. «Лекции по истории развития главных основ китайской мат. и дух. культуры». Владивосток, 1921.

отношении) - $\Delta T = \Delta q \frac{T}{q}$ и $\Delta q = \Delta T \frac{q}{T}$ дает возможность сделать следующие выводы:

- 1) чем больше исходная территория, тем интенсивнее изменения ее при изменении населения и обратно;
- 2) чем меньше исходная территория, тем менее интенсивно изменение ее при изменении населения;
- 3) чем больше исходная территория, тем менее интенсивно изменение населения при изменении территории и обратно;
- 4) чем меньше исходная территория, тем интенсивнее изменение населения при изменении территории.

Таким образом, например, этносы (и государства), имеющие большую территорию реагируют интенсивнее на изменение количества населения, т.е. прирост населения вызывает необходимость более значительной территории. Поэтому большие государства имеют большую интенсивность изменения, а так как интенсивность вообще есть признак жизненности, то стремление (потребность) увеличения территории свойственно растущему этносу, стремящемуся таким образом к заселению собою всей территории, всей земли. Итак, *стремление вытеснить всех лежит в основе развивающегося и имеющего большую территорию этноса*. В качестве примера можно взять растущие государства при экстенсивной культуре. Из этого также следует, что *чем больше государство, тем оно интенсивнее растет при наличии импульса*.

III. Формула зависимости культурности и количества населения подобна предыдущей $\Delta S = \Delta q \frac{S}{q}$ и $\Delta q = \Delta S \frac{q}{S}$ и позволяет сделать следующие выводы:

- 1) чем выше исходная культура, тем менее интенсивно изменение количества населения при изменении культуры и обратно;
- 2) чем ниже исходная культура, тем интенсивнее изменение количества населения при изменении культуры;
- 3) чем выше исходная культура, тем интенсивнее изменение культуры при изменении количества населения и обратно;
- 4) чем ниже исходная культура, тем менее интенсивно изменение культуры при изменении населения.

Таким образом, с ростом культуры создается более сильная реакция на изменение населения. Закон Мальтуса: *население растет в геометрической прогрессии, а пищевые продукты в арифметической*, - был выведен в момент значительного культурного роста Англии, последовавшего после применения паровой машины и вызвавшего чрезмерный рост населения. Это было замечено, вызвало опасение политиков и мальтузианство, как

реакцию на чрезмерный рост населения, что между прочим, как известно, совпало с частичною утерей территории.

Поэтому также высококультурные государства сказываются менее устойчивыми при изменении культуры (рост ее и падение) или населения.

В то же самое время, так как интенсивность реакции свойственна жизненному организму вообще, то каждому этносу свойственно увеличивать свою культуру толчками.

На основании 1 и 4 положения 1 группы, 2 положения 2 группы и 1 положения 3 группы можно заключить, что наибольшей устойчивостью (слабой интенсивностью изменения) обладают этносы, имеющие большую культуру при малой территории.

Из этих же положений можно сделать еще ряд выводов. Из первой формулы $\Delta S = \Delta T \frac{S}{T}$ можно видеть, что при неизменяющемся количестве населения приостановка культурного развития наступает при $\Delta T = 0$ и так как территория вообще имеет предел, то и культура имеет свои пределы и далее, так как территория имеет пределы, то и при изменяющейся культуре и прирост населения имеет пределы, а поэтому стремление увеличивать территорию до предела есть естественное явление при развитии этноса (культуры и населения).

Отсюда явствует, что война есть естественное стремление (психически) растущего этноса, проявляющего таким образом свою биологическую мощь, - *война есть чисто биологическая функция этноса, облекаемая им в различные идеологические формы, в зависимости от общего культурного состояния.*

Наконец, так как территория имеет свой абсолютный предел, как и плотность¹ населения, *безграницный рост культуры возможен только за счет территории* и, таким образом, рост культуры за предел, когда достигнута абсолютная плотность населения и использована вся территория, неминуемо должен привести человечество к гибели путем утери территории и, вероятно, занятия ее другим животным видом.

---

¹ Абсолютная плотность населения наступит тогда, когда человек не может даже искусственно снабжать свой организм необходимыми химическими веществами имеющимися вообще в ограниченном количестве на Земле. Предел этого, конечно, теоретический, так как человек, как животный вид, подчиняется общим биологическим законам. Об этом я скажу далее более подробно.

ГЛАВА VII. Междуэтнические отношения.

ФОРМУЛА МЕЖДУЭТНИЧЕСКОЙ ВАЛЕНТНОСТИ.
ФОРМЫ МЕЖДУЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ. - ФОРМЫ
МЕЖДУЭТНИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ. - СМЕНА РАС И ЭТНОСОВ. -
ФОРМЫ СМЕНЫ РАС И ЭТНОСОВ.

В предыдущей главе было разобрано отношение моментов при изменениях происходящих в этносе и формула импульсов была отнесена к различным моментам по времени, где q , S и T были взяты для одного момента, а q_1 , S_1 и T_1 для другого. Та же формула в общем и частных видах может быть применена для установления зависимости между этносами, причем, как это было уже ранее разобрано, разные этносы могут быть сравнимы, будучи приведены к одной шкале, и именно, количеству населения.

Но в виду того, что только при равной культурности количество населения может быть шкалою, необходимо ввести и культурность, как поправку, и тогда $q S$ выразит необходимую величину для каждого этноса; и далее, для приведения к единой шкале приходится ввести и элементы территории и тогда получится величина, характеризующая этносы $f=qST$, которую можно изобразить иначе, а именно: так как $ST = \frac{q}{\omega}$, то $f = \frac{q^2}{\omega}$ т.е. *квадрату населения деленному на константу ω* .

Эти величины могут характеризовать отношение двух соседних этносов, из которых каждый стремится, как это мы видели, к распространению по территории, но на своем пути встречает препятствие со стороны других этносов оказывающих на него давление. Таким образом, со стороны соседнего этноса он может испытывать давление, величина которого определяется формулами импульсов изменения. Если, допустим, два этноса соприкасаются и один из них нуждается в территории, то другой вынужден сделать ему уступку, компенсируя ее ростом культуры или уменьшением количества населения, если же компенсация невозможна, то получается давление, которому должно быть оказано сопротивление равное инерции второго этноса и выражающего его валентность. Итак, если изменение происходит по населению, без изменения культурности, - $\Delta T = \Delta q \frac{T}{q}$, - то другой этнос, не уступая естественному движению по территории соседа, должен соответственно увеличить население, которое и может быть принесено в жертву на защиту территории (война). Выражением этого давления будет импульс изменения территории,

$\pm i_{sq} = \omega \frac{T}{\Delta T}$, что при сопротивлении этноса повысит его мощность $\frac{q^2}{\omega}$, на соответствующую величину импульса и она обратится в $\frac{q^2}{\omega} \cdot \omega \frac{T}{\Delta T}$

Далее, если имеется несколько соседей, из которых одни оказывают давление в отношении территории, другие в отношении культурности и третьи в отношении количества населения (может быть случай военного превосходства), то сумма импульсов изменения $\sum i = \omega \frac{T}{\Delta T} + \omega \frac{S}{\Delta S} + \omega \frac{q}{\Delta q}$, но при условии, что этнос может испытывать давление импульсов многих этносов по одним и тем же основаниям:

$$\begin{aligned} \sum i = & (\omega \frac{T1}{\Delta T1} + \omega \frac{T2}{\Delta T2} + \dots + \omega \frac{Tn}{\Delta Tn}) + (\omega \frac{S1}{\Delta S1} + \omega \frac{S2}{\Delta S2} + \dots + \frac{Sm}{\Delta Sm}) + (\omega \frac{q1}{\Delta q1} + \omega \frac{q2}{\Delta q2} + \dots \\ & + \frac{qp}{\Delta qp}) = \sum_1^n isq + \sum_1^m itq + \sum_1^p ist \end{aligned}$$

Этому давлению оказывается этносом сопротивление, оно будет необходимой поправкой к истинной валентности данного этноса и тогда его мощность $\varepsilon = \frac{q^2}{\omega} \sum i$. Этой формулой определяется *междуэтническая валентность этноса*.

Не входя в разбор возможных комбинаций, часть которых мною уже была рассмотрена в предыдущей главе по отношению к одному этносу во времени, я укажу, что в зависимости от знака + или - может происходить поступательное или отступательное движение этноса по количеству населения, территории и культурности и может принимать ряд форм известных в биологии под название комменсализма, кооперации и паразитизма и форм: истребления, замещения и смешения.

К разбору этих форм я и перейду, причем в виду того, что целью моей является не исчерпание всех выводов, но только намечение общего направления изолирования, я ограничусь лишь некоторыми общими выводами.

Если мы признали, что стремление к захвату большей территории и развитию культурности и количества населения есть основа движения каждого этноса, *то в борьбе за существование каждый этнос приспособляется к окружающей этнической среде, как он умеет. Поэтому любая форма существования для*

него, так сказать, приемлема, если она обеспечивает ему существование, - цель его жизни, как вида.

В те давнопрошедшие времена, когда Земля была заселена гораздо меньше, чем теперь, могли существовать этносы одинаковой культуры более или менее изолированно один от другого.

Будучи в изолированном положении, каждый этнос подчиняется тем принципам изменения, которые были разобраны выше, но с появлением междуэтнических отношений, с образованием взаимного давления этносов, появились новые факторы борьбы за существование. В какие же формы вылилась эта борьба?

Видовое сознание человека толкало его, конечно, прежде всего на взаимное содействие в борьбе с другими видами животных, но при столкновении различных этносов они не могли не входить в более сложные отношения, где переплетались интересы этносов, как животного единого вида и естественная враждебность конкурентов в борьбе за существование.

Все формы существования животных видов можно наблюдать и у человеческих обществ, - этносов. Если существуют рядом два этноса, причем оба имеют одинаковые способы существования, то между ними при росте их населения не может быть иных отношений, кроме борьбы за территорию. Так например, если живут рядом два этноса занимающиеся охотой, то оба они могут быть только конкурентами и стремиться вытеснить друг друга. Небольшое культурное или численное превосходство одного предопределяет исход столкновения, - слабейший уступает территорию, - но если происходит столкновение двух этносов различной культуры, то здесь требуется уже создание некоторого *modus vivendi*, не предопределяющего обязательного уничтожения одного этноса другим или утерю территории одним за счет другого.

Наиболее слабою связью двух этносов является форма комменсализма, т.е. когда один и другой этнос могут жить на одной территории, не мешая друг другу и будучи так или иначе друг другу полезны, и когда отсутствие одного нисколько не мешает благополучной жизни другого. Так например, существование земледельца, занимающего ограниченный район незаселенный дикими животными, с охотником, питающимся продуктами охоты, вполне возможно. Хотя каждый из комменсалистов может быть независим один от другого, но они могут видеть и взаимную выгоду, - охотник может быть обеспечен продуктами земледелия в случае временной голодовки, а земледelec может иметь некоторые продукты охоты, - мясо, меха, кожи и т.д. Примером таких отношений могут быть русские поселенцы Сибири и местные

аборигены, а также этносы Южной Америки, уживающиеся на одной территории, - земледельцы и охотники Бразилии.

При дальнейшем развитии связи двух этносов, живущих на одной территории, комменсалистические отношения могут легко развиваться в отношения сотрудничества на основе разделения труда и принять форму кооперации. Такая форма отношений двух этносов предполагает, что один этнос без другого жить не могут и оба одинаково заинтересованы в существовании друг друга. Такие отношения существуют, например, между индийскими кастами, между завоевателями, выделившимися в сословие (например германцы) дворянства или рыцарства и местным населением (галлы, славяне). В случае подобной кооперации этносов они избирают такую форму общественной организации, которая оказывается одинаково удобной для обеих сторон. В зависимости от этнической устойчивости далее может произойти биологическое или культурное поглощение одного этноса другим, причем социальная организация продолжает существовать, как это можно наблюдать, например, в некоторых кастах Индии и др., но с переходом к другой форме общественной организации путем слияния или поглощения может произойти полная утеря этнических особенностей. Примером такого явления может служить Франция, отчасти Маньчжурия, где маньчжуры с разрушением их военной организации, утратившей свое первоначальное значение, этнически оказались поглощенными китайцами.¹

Но как и всякое явление и сословные отношения и кастовое устройство могут приобрести самодоволевлюющее значение и развиваться, как развиваются вообще отдельные явления, причиняя иногда даже вред всей системе их породившей.²

Те же этнические отношения могут принять и третью форму междуетнических отношений на одной территории, а именно, - форму паразитизма. В этой форме отношений страдательным элементом является одна сторона, а другая остается в выигрыше, причем паразитируемый этнос без всякого для себя ущерба, но даже с большой выгодой, может освободиться от паразитирующего этноса, но паразитирующий после этого рискует погибнуть

¹ Наблюдение подобных фактов некоторых социологов и особенно политиков привело, между прочим, к заключению о том, что вообще сословное и даже «классовое» давление в основе своей имеет столкновение двух этносов и победу одного над другим, что, конечно, неверно, так как усложнение социального аппарата на основе разделения труда есть естественная функция развивающегося этноса.

² Так например, развитие феодализма в Европе в конце концов настолько было зафиксировано, что послужило препятствием для дальнейшего развития государств и привело к социальному катаклизму в форме революций, прокатившихся почти по всем странам Европы. Форма так называемого «феодализма» в Китае, Монголии и России, конечно, есть совершенно иное явление и социологически и этнически, а наименование «феодализм» есть только неудачное перенесение термина, затемняющего понимание смысла самого явления.

совершенно. Примеров паразитирования можно привести много. Так например, паразитируют испанцы на населении Южной Америки, где около каждого селения местных этносов живет несколько испанцев, наподобие того, как паразитируют русские на гиляках Сахалина, как паразитируют евреи в Польше и на юге России, китайцы на охотничьих тунгусах и т.д.³

В Монголии наблюдаются также паразитирующие на скотоводах пришельцы из России, но это явление там не принимает таких больших размеров, как в других местах.

Приведенные факты говорят, что это явление отнюдь не связано с определенной какой-нибудь расой или этносом, но при столкновении двух этносов разных культур и приспособляемости один из них, и обычно меньший по численности, может сделаться паразитирующим. При фиксации этих отношений в течении времени, несомненно, может выработаться особая способность к паразитарному состоянию, а вместе с тем целым этносом может быть утеряна способность к самостоятельному существованию, как это может быть и в случае кооперативных отношений, а иногда даже и комменсалистических (цыгане).²

Все разобранные выше формы отношений, однако, не представляют каких-либо особо приятных и полезных преимуществ одному этносу перед другим, но они являются *формой приспособления к этнической среде на одной территории*, имея целью самосохранение при наличии тех или иных данных культурных и биологических вообще. Это делается особенно очевидным тогда, когда паразитирующему этносу за невозможностью существования от паразитируемого этноса приходится сокращать свою численность.

Те же три формы отношений можно наблюдать и при разделенной территории этносов разной культуры. Случай комменсализма при разделенной территории есть обычная форма невраждебных междуетнических отношений, как например, отношения соседних бурят и оленных тунгусов Забайкалья, оленных тунгусов и гиляков рыболовов ос. Сахалина, наконец, допустим, Италии и России. Во всех этих случаях может быть связь, но она без особого ущерба может быть и порвана.

Совершенно иные отношения создаются у этносов кооперирующих, т.е. вошедших в отношения в равной мере выгодные обеим сторонам. Так например, на этом принципе установились отношения русских к большинству аборигенов

³ Юмористический рассказ о том, как хохол перевозил на возу со своим семейством и скарбом еврея, чрезвычайно характерен.

² Кажется, в настоящее время евреи уже лишены возможности самостоятельного существования без объекта паразитации. Намеком на это служит безуспешность их в создании самостоятельного государства в Палестине, что, видимо, мы и наблюдаем теперь.

Сибири, - русские через своих торговцев доставляют продукты фабричной промышленности, - порох, свинец, оружие, а иногда и продукты питания, в обмен на продукты охоты, - меха, кожи, мясо и т.д. Конечно, эти отношения можно создать в форме более или менее выгодной для одной или другой стороны, но это уже является частностью, обусловленной степенью культурности этносов. Такие отношения в смысле сохранения культурной самостоятельности, конечно, всегда выгоднее для этноса высшей культуры. В качестве примера междуетнической кооперации народов цикла европейской цивилизации можно привести, хотя бы отношения России и Германии, из которых одна доставляет преимущественно сырье и полуфабрикаты, а другая предоставляла фабрикаты, транспорт и т.д., при почти отсутствующем импульсе изменения территории.

Наконец, можно наблюдать форму паразитарную междуетнических отношений при разделенной территории. В качестве такого примера, пожалуй, можно привести отношения Франции и России. Франция, снабжая Россию капиталом, в виде процентов по займу, получила возможность постоянного питания на счет России, а Россия со своей стороны от Франции не могла ничего получить взамен.¹ Последствия этих отношений Франции к России и некоторым другим странам для Франции были подобны последствиям паразитарного существования вообще, - мало-помалу Франция начала терять свою индустриальную активность, лишилась возможности увеличивать в равной мере с другими государствами количество населения и уронила, вследствие этого, свое политическое значение.²

Итак, разобранные выше три формы отношений, как и в случае общей территории, есть лишь *формы приспособления к этнической среде*, причем приятная (субъективно) форма отношений для одного этноса и неприятная для другого иногда может быть вредоносной для первого.

Указанные нормы могут переходить одна в другую и не представляют той устойчивости, какую можно наблюдать у животных видов, причина чего лежит в меньшей устойчивости признаков характеризующих этнос по сравнению с устойчивостью признаков, характеризующих животный вид. В этносе эти процессы протекают несравненно быстрее.

¹ Ничтожный вывоз в Россию предметов роскоши, вина, шелка и т.п. превышал ввоз русских продуктов во Францию.

² Настоящий пример, как и многие другие примеры приведенные выше, при более тщательном анализе их, быть может не вполне точно будет соответствовать своему назначению, но целью моей является дать только иллюстрацию принципа. Кроме того, этносы, без детального изучения с цифровыми данными всех этносов, пока не дают еще достоверного материала для выводов, на основе массового наблюдения.

Выше мною были разобраны отношения, возникающие между этносами в раздельно-культурных плоскостях. Отношения этносов одной культуры укладываются несколько иначе, о чем попутно мною будет сказано далее, здесь же я отмечу только еще одну форму, а именно, - форму отношений этносов связанных единым культурным циклом, в котором роли отдельных этносов могут быть распределены с большим или меньшим постоянством кооперативных отношений. С этой точки зрения, быть может, отношения России и Франции должны быть рассматриваемы, как отношения кооперативные. С расширением связанного культурного цикла в него вовлекаются все новые и новые этносы, роли которых уже могут укладываться скорее в форму кооперации вообще.

Вне рассмотрения причин того, почему именно в каждом частном случае этнос уступает свое место другому приходится только констатировать, что этносы имеют свою историю развития: одни из них погибают, так сказать, в молодости, другие - в среднем возрасте, третьи, достигнув высшей ступени развития, отмирают тем или иным путем.

Необходимо однако, заметить, что стадии развития, или точнее еще, шкалы стадий, в каждый данный момент (по времени) различны, так как положение и состояние этноса определяется относительно изменяющейся *этнической среды*. Точнее так же необходимо отметить и то, что темп развития этносов также различен и иногда этнос может находиться в стационарном состоянии в течении долгого времени.

При изменениях отношений элементов, протекающих внутри этноса, происходит также изменение и всей этнической среды для данного этноса, что ставит его в различное положение по отношению соседей, определяемое коэффициентом $\mathcal{E}$.

Как было сказано, каждый растущий этнос стремится к безграничному распространению по территории и это биологическое стремление находит свое выражение в идее гегемонии. Осуществление этого желания этноса, однако, невозможно, так как это означало бы уничтожение в конечном итоге остальных этносов и превращение их в материал и орудие гегемона, что лишило бы их самого импульса к изменению, сообщаемому этнической средой.¹

¹ Зарождение идеи мировой гегемонии и этнической унификации человека, принимающих в различные времена формы военного господства и интернационализма, духовного и морального, и т.д. может появляться, как у гибнущих этносов, утомленных борьбою за место среди других этносов, так и у бурно растущих этносов, подбадривающих себя этой идеологией, этносы же равномерно развивающиеся (изменяющиеся) не бывают падки на эти идеи. История мировых религий, - буддизма, христианства, - история политической идеологии Рима, отчасти монголов XIII столетия, а также история социалистических идей могут иллюстрировать это

Таким образом, *сохранение тех или иных делений в человечестве*, - а пока нам известна только одна форма: форма этнической дифференциации - *есть естественное явление человечества, без чего его существование в состоянии развивающемся, вероятно, невозможно.*

Процесс междуетнической борьбы, как это мы видели уже ранее, всегда протекает закономерным путем, причем отношение взаимных давлений определяется импульсом изменения. Так например, если существуют рядом два этноса, из коих один имеет положительный импульс изменения S и T , т.е. $+i_{ts} = \omega \frac{q}{\Delta q}$ (в направлении расширения их), то этому движению должны быть противопоставлены либо уступки территории, либо рост населения, импульсирующего соответствующее развитие культуры у того и у другого этноса. Таким образом, в данном случае для сохранения константы ω должны приспособиться друг к другу выравниванием культуры и плотности населения до доведения до нуля разности импульсов. Если же этот результат не достигается, то у испытывающего давление происходит уменьшение территории со всеми вытекающими отсюда последствиями, как это уже было рассмотрено в предыдущей главе.

Подобные же положения создаются при импульсе изменения T и q , а также и при импульсе изменения S и q . Если, например, существуют рядом два этноса, из которых один имеет положительный импульс изменения T и q , т.е. $+i_{tq} = \omega \frac{S}{\Delta S}$, то этому другой этнос должен противопоставить изменение культуры или же увеличение территории за счет импульсирующего или же наконец, уменьшение населения. Но не всегда этнос имеет необходимую мощь для положительных изменений, а поэтому эти отношения в *случае меньшей мощности этноса, неминуемо приводят к ослаблению слабейшего, принимающему форму истребления, замещения и смещения по культурному, территориальному и антропологическому основаниям.*

Истребление культуры одного этноса культурой другого в жизни этносов слишком обычное явление, чтобы на нем долго останавливаться. Утеря языка, религий, социального устройства и т.д. явления обычные при истреблении одного этноса другим и создании той или иной зависимости. Замещение культуры это процесс более медленный, чем чувствительный для теряющего культуру и напоминает собою одностороннюю диффузию, сопровождающуюся химическим процессом замещения с утерей в

воздух вытесняемой составной. Наконец культурное смешение - процесс почти незаметный - напоминает собою осмос.

Территориальное истребление, выражающееся в уничтожении населения, ergo сокращении территории и истреблении населения различными путями, характерно для борьбы двух близких по образу жизни и нуждающихся в территории этносов.

Без импульса изменения культурности столкновение двух таких этносов обычно приводит к истреблению одного этноса другим, а так как, согласно ранее выведенному положению, культура с ростом ее развивается интенсивнее, то жестокость народов стоящих на низких ступенях развития не только убивающих своих врагов, но и даже съедающих их вполне понятна. Точно также столкновение высококультурных этносов с малокультурными на ограниченной территории приводит последних к истреблению.

Классическую форму истребления такого вида дали в своих колониях англичане, отравлявшие, ловившие капканами, спаивавшие и просто расстреливавшие, как дичь аборигенов, несумевших быстро приспособиться в смысле изменения культурности.¹ Наконец формой истребления является также и война, о чем более подробно будет сказано далее.

Процесс замещения территории протекает конечно, менее резко и проходит для обоих этносов без значительных потрясений. Такое движение процесса можно наблюдать, например, в Маньчжурии, где китайцы мало-помалу оттесняют маньчжуров и тунгусов, занимая их земли уже после их отхода.

В более мягкой степени протекает этот процесс в Сибири, где новые отношения и численное уменьшение аборигенов редко сопровождается видимым и резким ущербом для вытесняемых. Примером такого вытеснения может служить также современная Чехия, где немецкая иммиграция оттеснила в горы чехов, а также пример Кавказа, где русские заняли низины, заместив черкесов, часть которых была вынуждена даже эмигрировать в Турцию. Взаимное вытеснение этносов путем замещения территории в Индии привело к фиксации каст, за некоторыми из которых закреплена и территория. Но два этноса одновременно потеснившись могут сократить территорию, не вытесняя друг друга, примером чего могут служить этносы занимающие неохотничьи районы в странах, где живет в охотничьем районе другой этнос. Между этносами, из коих один замещает другого, но они не входят в отношения кооперации или комменсализма, могут создаться глухо-враждебные отношения,

---

¹ Фр. Ратцель, между прочим, говорит: «охотнику (стоящему, конечно, на низкой ступени культурности С. III) всякий мешает» («Народовластие» т. I, стр. 497.), что очень хорошо выражает это отношение.

принимающие особо интенсивную форму «зоологического национализма».¹

Наконец форма смешения по территории является наиболее мягкой и особенно возможной в случаях, когда один из этносов самопроизвольно сокращается численностью, оставаясь равномерно распределенным по территории.

В процессах вытеснения по территории, конечно, значительную роль играет биологическая мощь этноса. Так как изменение территории происходит в зависимости от количества населения, то сопротивляемость этноса и обуславливает перечисленные формы. Чем сильнее сопротивляемость (мощь), тем резче процесс. Поэтому этносы уменьшающиеся численно и не растущие одновременно и равномерно с культурным ростом, т.е. дающие отрицательные импульсы по территории, уступают ее добровольно соседям, импульсируя у них рост культуры и населения. Этим объясняется более мягкое вытеснение этносов высокой культуры, так как в случае нарушения равновесия и отрицательного импульса процесс утери культуры, а вместе с тем и населения, протекает скорее. Таким образом, *биологически ослабевающий этнос привлекает к себе, видимо, внимание более сильных этносов, стремящихся его вытеснить окончательно, что понятно, так как у такого этноса постоянно отсутствует равновесие.*

Теперь предстоит разобрать форму вытеснения по антропологической основе. Эти наблюдения значительно труднее, чем наблюдение культурного и материального вытеснения, так как они требуют при современном методов антропологии массовых наблюдений. Здесь приходится принять во внимание также и те соображения о видах и расах человека, которые были приведены в главе III-ей настоящего исследования. Не пытаясь дать точной картины, а главное ее видимого и поддающегося регистрации выражения, можно отметить, что антропологическое вытеснение есть факт, так как в противном случае не пришлось бы говорить о преобладании той или иной крови при смешениях.

Случаев истребления при столкновении двух различных рас, конечно быть не может, так как этот процесс длительный. Процесс замещения одной расы другой наблюдается там, где при перекрестных браках, хотя бы похищаемых женщин, происходит замещение не оставляющее резких преобладающих признаков одной из рас. В качестве примера можно привести осетин, о которых я имел случай говорить ранее¹; подобный результат весьма

---

¹ Этот вид национализма существует, конечно, и при других формах отношений, особенно же при отношениях паразитарных.

¹ см. стр. 88.

напоминает также происходящее теперь смещение тунгусов с монголами, дающее явное преобладание более высокорослым, круглоголовым и т.д. монголам над более низкорослыми, длинноголовыми тунгусами.

Рядом авторов и наблюдателей было замечено, что «желтая кровь сильнее», что конкретно выражается в том, что при смешении «желтых» с «белыми» получается больший уклон в сторону «желтых». Впрочем, этот вопрос еще ждет своих исследователей, как в отношении сбора материала, так особенно в отношении определения, какие именно материалы необходимо для антрополога, чтобы сделать правильные выводы.

Наконец, смешение этносов разных рас приводит к образованию новой расы, - смешанной, - в которой теряются обе основные расы. Наличие на Земле смешанных рас указывает, видимо, на действительность этого процесса. Весьма интересно отметить указание многих исследователей на большую физическую устойчивость этих новых рас в Америке. Это весьма напоминает большую устойчивость смешанных культур при столкновении с изолированными культурами.

Выше мною были разобраны случаи вытеснения этносов одного другим при комбинировании двух элементов или разниц одного во времени. Эти процессы, конечно, чаще затрагивают все элементы устойчивости этноса, а нередко даже и физический тип этноса. Здесь можно видеть, что получаются более сложные комбинации отношений. С этой точки зрения интересны случаи окитаивания маньчжуров, огалливания франков (германцев) и т.д. Действительно, вероятно, нарушение равновесия в Китае в период Минской Династии вызвало движение бурно растущих маньчжуров, отличавшихся крепостью своей социальной организации, сознанием единства и ростом населения после периода предыдущих войн. Маньчжуры, несомненно, менее культурные, осели в Китае, как в свое время осели франки в Галлии, и, приняв китайскую культуру, быстро начали растворяться среди китайцев. То же самое произошло и с «дикими франками», захватившими более культурных галлов, - франки быстро романизировались и слились с галлами.

Таким образом, видимо, столкновение на одной территории двух этносов дает преимущество более культурному, приводящему к полному поглощению менее культурного этноса, если этнос принял высшую культуру и было даже более крепкое физически и в отношении размножения. Таким образом, с точки зрения сохранения этноса положение менее культурного в более культурной среде напоминает процесс осмоса, при котором одна жидкость диффундирует, а другая не диффундирует через изолирующую

перегородку и по достижении ее слишком высокого напряжения разрывает ее или растворяет.

В предыдущем изложении мною уже было указано на то, что расы и народности сменяются, как сменяются и руководящие государства (и нации) в зависимости от того технического завоевания, особенно в путях сообщения, которое дало им возможность выдвинуться. Помимо расовой борьбы, которая, несомненно, существовала на протяжении всего времени доступного нашему наблюдению, в то же самое время шла и борьба культур, вытеснявших одна другую, причем смена культур сопровождалась и сменой этносов. Каковы, именно, причины в каждом данном случае смены этносов вместе с культурами не представляет в настоящее время для нас интереса, но существенно то, что такая смена существует. Действительно, например, в Европе можно наблюдать чередование возвышающихся государств вместе с этапами технического развития, в частности путей сообщения.

В период средних веков и нового времени, которые являются самостоятельной группой изменяющихся феноменов, так как произошло перенесение культурного центра из Рима и Греции в Европу с германским населением, переход от каботажного плавания к морскому открытому выдвинул новые и малозначительные государства, - Испанию и Португалию, - достигшие величайшего могущества и политического преобладания в Европе и сведших с первых ступеней Францию и Германию. Эти государства могли даже создать большие колонии, эксплуатация которых носила полуразбойнический характер.

Следующий шаг вперед мануфактурной промышленности и торговли дает возможность маленькой стране Голландии усилить свое политическое и экономическое влияние, в результате чего Испания оказалась вынужденною уступить свое место голландцам. Вместе с этим значительная часть испанских колоний попадает в руки голландцев. На это время руководящим государством становится Голландия и ее колониальная политика носит менее хищнический характер.

Необходимость захвата морей большим флотом и дальнейшее развитие промышленности дало возможность Англии усилиться до размеров, позволивших ей встать на место Голландии, а переход на паровые двигатели закрепил это положение. Колониальная политика Англии также значительно отличается от предшественников ее, - Англия выделяет часть своего населения для образования колоний с английским населением, уничтожившим мало-помалу аборигенов.

Дальнейшее развитие железнодорожной сети, преодолевшей океан суши, и применение нового вида двигателей при помощи

электричества потребовало выдвижения нового государства, которое могло бы создать не приморский или сухопутный европейский центр, а центр океанический.

Чередование этносов (наций, государств), здесь выступает со всею очевидностью, но возможность такой смены этносов открывается только с военными успехами, вследствие чего этот процесс можно также рассматривать, как функцию военной техники, связанной в свою очередь с техникой вообще. Набросанный выше процесс смены руководящих этносов весьма напоминает смену видов и подобие этих процессов как бы лишний раз подтверждает то, что этнос следует рассматривать, как отдельный вид. Действительно, если рассматривать историю Земли, как непрерывный процесс изменения животных видов, то оказывается, что каждый геологический период и даже часть его, - горизонты и ярусы, - имеют свои руководящие формы и каждому подразделению соответствует максимальное развитие какого-нибудь вида. Вид, игравший роль руководящего, в следующем фазисе, уступая место другим, деградирует, иногда даже не оставляя наследника. Вместе с тем, как замечено, долженствующий погибнуть вид перед гибелью своей дает много разновидностей, отклонений от среднего типа и т.д. и вообще проявляет интенсивную жизненность и изменяемость. Одновременно с этим животный вид, дав место чрезмерному развитию приспособления качеств или органов, не может их приспособить далее и погибает, когда энергия затрачиваемая на поддержание организма или состояния, дававших ему возможность бороться за существование, начинает пропадать безрезультатно, в виду отпадения необходимости в орган или состояние при изменившихся условиях. Я обращаюсь к примерам, которые могут лучше иллюстрировать изложенную мысль.

В начале четвертичного периода была целая группа весьма крупных животных, защищенных от хищников толстою броней и своими размерами. Вместе с тем появился и новый вид *felis-machairodus*, - который имел два верхних клыка развитых до колоссальных размеров в виде кинжалов, которыми этот хищник мог разорвать толстую броню крупных животных.

Махайрод, питавшийся этими животными, погибает одновременно с ними.

В то же самое время появляется новый вид слона - мамонт. Это животное приспособляется к среде (и наличию крупных хищников) достижением колоссальных размеров тела и бивней, развитие и поддержание которых требовало от этого животного энергии и территории столь много, что с изменением среды, - движение ледника и гибель многих врагов, - оно дает много разновидностей, по размерам бивней и роста, и погибает.

Колоссальные рога *megaceros*, достигавшие 4 метров и защищавшие его хорошо от хищников, требовали так много энергии от животного, что оно сделалось скорее придатком к этим рогам. Современные, например, благородные олени, теряющие ежегодно свои рога, затрачивают энергию совершенно непропорциональную пользе приносимой этими рогами в боях за обладание самками, так как в течении половины года эти рога остаются негодными для самозащиты от хищников, но выращивание их отнимает у животного энергию, могущую быть использованной в иных видах, хотя бы для усиленного воспроизводства.

Предположительно также можно сказать, что чем сложнее организация животного, тем менее долговечно существование последнего, как вида. Так например, одноклеточное животное - амеба и другие низшие животные могли существовать в течении всей истории организмов, - моллюски без изменения сохраняются на протяжении целых периодов, но чем выше животное по своей организации или чем оно более специализировалось для борьбы за существование, тем короче его существование или иначе: тем интенсивнее его изменяемость и сильнее его зависимость от изменения общих условий.

Можно также заметить, что господствующий класс (млекопитающие четвертичного и третичного периодов и пресмыкающиеся юрские и меловые) животных создает виды приспособленные ко всем условиям, даваемым Землею, как в отношении температуры, так и в отношении среды, - вода, земля, воздух, - что и знаменует собою его господство. Так например, в период расцвета пресмыкающихся большое число видов ушло в воду, были виды наземные и летающие, давшие впоследствии птиц. Что касается млекопитающих, то они дали также виды, живущие в воде, - китов, тюленей и т.д., - виды наземные и виды летающие, - летяга, летучая мышь, летучая собака и т.д.

Виды, сошедшие с арены борьбы и уступившие место другим, далеко не всегда оставляют после себя потомка. Так например, белемниты, некогда хорошо развитые, не оставили потомка; аммониты, летающие ящеры, - также; но змеи, происходящие от ящеров до сих пор еще значительно распространены. Всеядные третичные, от которых, вероятно, происходит человек, по пути своего движения к настоящему времени оставили некоторое количество потомков-видов, но они не являются широко распространенными, мало осталось также и боковых отростков родоначального дерева человека, - всего только четыре вида человекообразных обезьян.¹

¹ Высказанные выше соображения позволяют сделать предположение о том, что человек не есть вид, а есть как будто бы более объемная единица классификации, видовые различия которой

Все это указывает, как будто бы, на то, что изменение и смена видов происходит не по прямой, а по кривой, т.е. виды, продолжающие развитие (первый момент) основную свою особенность при изменении условий (второй момент) часто отмирают и боковые отростки со временем (третий момент) заступают их места.

Если, таким образом, принять во внимание общую намеченную схему развития видов в приложении к развитию этносов, то смена руководящих этносов не будет нисколько в противоречии с общими принципами, так как момент постоянно изменяющейся культуры (S) есть именно то, что соответствует изменению общих геологических условий, - изменение климата всей Земли, изменение в связи с этим растительного покрова и распространение пустынь, наступание и отступление моря, поднятие и опускание суши и т.д., в конечном итоге обуславливающих изменение видов.

Таким образом, каждому культурному состоянию, наблюдаемому в человечестве, соответствуют руководящие этносы, но и каждому значительному изменению также соответствует появление новых *руководящих этносов*, причем ввиду того, что ранее существовало, быть может, несколько культурных центров одновременно, могло быть и несколько руководящих этносов. С переходом же культуры в *океанический период* или, как считают некоторые авторы, в период всечеловеческой культуры, теллурический, который можно было назвать также активным теллурическим, вероятно, будет существовать какой-нибудь один *руководящий этнос*.

Итак, смена руководящих этносов есть естественный процесс, указывающий на жизненность человека. Состояние спокойствия и равномерного движения со всем человечеством, когда отдельный этнос может лишь незначительно разниться от других, дает этносу возможность бесшумно окончить свои дни, оставив потомство, но состояние руководства сопровождается быстрым упадком с оставлением потомков или без них. Поэтому также состояние постоянной гегемонии одного этноса невозможно и *борьба между этносами есть естественная функция человечества*.

Смена этносов, - наций и государств также, - происходит по такой же схеме, как было изложено выше, но протекает она в различных видах и формах. В истории Европы и передней Азии можно наблюдать последовательность смен не только государств,

---

создаются в плоскости его психологической и умственной деятельности, не дающих резких различий физического строения.

но, видимо, и более крупных единиц, каковыми являются племена, расы и народы наших историков. Семитический период Передней Азии, кельтский период, греческий период, римский период, период латинских народов, германских народов, в Азии, - тюркских монгольских, тунгусских и т.д. весьма известны. Некоторые из руководящих этносов этих периодов продолжают существовать, как например, латинские народы (итальянцы, испанцы); другие, - греки, римляне, ассииро-вавилоняне - вымерли; третьи вымирают у нас на глазах, как например, кельты; четвертые находятся в расцвете, как например, - германцы; пятые стоят на очереди; наконец, шестые находятся еще в состоянии сделаться руководящими этносами лишь потенциально и являются, так сказать, резервом человечества, как третичное всеядное было резервом, давшим только в четвертичном периоде современного человека.

Из предыдущего изложения отношений рождающихся между этносами было видно, что даже в более простых отношениях двух этносов сложность их велика, но она еще более увеличивается при столкновении двух более крупных единиц, каковыми, например, допустим, будут группа этносов латинской культуры и группа этносов германской культуры.

Процесс смены одного этноса другим и одной группы другою чрезвычайно сложен и мало изучен, а поэтому здесь я попытаюсь дать лишь некоторые общие черты путей, которыми идет этот процесс.

Смена враждующих культур, и их носителей, происходит при ослаблении одной из них, обусловленном, вероятно, нарушением этнического равновесия. Если вытесняющий этнос находится в состоянии низшей культуры, то он как бы высылает из себя передовой эшелон, воспринимающий всю культуру вытесняемого целиком, включительно до языка, а иногда даже становится руководящим этносом тех, на смену которых он пришел. Такова была роль романизированных кельтов Галлии, франков в Галлии, создавших последнее по силе и значению латинское государство, и отчасти германцев, осевших в Италии и ожививших ее на некоторое время. Но германские племена, занявшие кельтскую страну современной Великобритании, сохранили в более сильной степени свою германскую культуру, основная же масса германцев заняла побережье Немецкого моря и Среднюю Европу. Таким образом, германскою группой в последнее время в Европе были французы (франки сделали кельтов и галлов материалом своего творчества), англичане и южные немцы. На смену им в том же порядке приходит движение славян и более близких им по культуре этносов, из которых первый эшелон даже потерял свой язык (пруссы) и стал руководящим этносом германской группы. Последовавшие за ними

этноты в большей или меньшей мере оказались в тисках нападающих славян подкрепленных германской массой и ее культурой. Такого положение чехов, словаков и отчасти поляков, обреченных на передаточную роль. Интересно отметить, что между основной массой движущегося этноса и его первыми эшелонами обычно происходит столкновение и создается сильная вражда, как между конкурирующими видами, и первый эшелон всегда бывает обречен на гибель. Вражда и бесконечные войны Франции и Англии, войны Франции и Германии (XVI-XVIII ст. ст.) наконец война России с Германией (Пруссией) и Австрией, населенной преимущественно славянами и руководимой перед войной поляками, и другие примеры могут иллюстрировать это положение. Но движение Германии в XIX ст. на Францию, - войны 1870 г. и 1914, - можно рассматривать, как движение славян против германцев, причем пруссы (родственные славянам) используют германскую культуру в целях борьбы с самими германцами (Англия и Франция). Характерно то, что баварцы и вообще южные немцы были менее воинственны в этом столкновении. Как интересную деталь в этом отношении можно отметить также то, что *обычно выживают менее культурные*, т.е. этноты менее усложненные и менее нуждающиеся в фиксированной среде, что имеет свою аналогию и в истории видов. Даже в том случае, если столкновение происходит на уничтожение, то сохраняются менее культурные этноты, что было уже замечено¹, в случае же столкновения этносов приблизительно равной культуры победителем обычно бывает более молодой этнос и нередко менее культурный.

Наконец, это положение будет более понятно, если по аналогии с развитием вида, мы вспомним, что *чем сложнее организация и выше форма специального приспособления, тем короче бытие вида*.

Таким образом, процесс культурного развития, носителями которого являются этноты, выдвигает тот или иной этнос в руководящие, что при движении его и столкновении с высшими по культуре этносами приводит к созданию новых этносов, вследствие изменения среды, т.е. той новой среды, в которую попадает первый эшелон этноса.

В этой борьбе этносов решающую роль играет военное столкновение, которое и отмечает даты в истории этносов (Грюнвальд, битва при Калке, Католаунская битва) и наций и государств (Куликовская битва, Полтавский бой, Марафонское сражение и др.)

---

¹ см. Ратпель op. cit. стр. 496.

Как уже было сформулировано в предыдущей главе *война является биологической функцией этноса и, как мы видели, это есть один из способов регулирования количества населения*, величина которого для сохранения этнического равновесия не может не изменяться. Если мы считаем это положение установленным, то естественен и следующий вывод: *каждый жизнеспособный этнос должен иметь специальный орган самозащиты и нападения и этим органом в дифференцированном этносе является армия, в недифференцированном же все население, способное носить оружие*. Поэтому война во все времена и у всех этносов (наций и государств) была одной из важнейших функций, воинам было предоставлено достойное место, а воинская отвага была всегда одним из лучших качеств.

Итак, каждый этнос должен создавать такой орган и он создает, если имеет достаточно физических сил для этого. Если же он их не имеет, то соседние этносы его подавляют или он теряет свою самостоятельность в принятии решений и в борьбе за существование. Поэтому также, на общем основании принципа отношение количества населения и культурности при изменениях, можно считать, что более культурный этнос имеет возможность содержать меньшую количественно армию. Вследствие той же причины после войн *нормально развивающийся этнос* обычно усиливает рождаемость мальчиков, как это уже было неоднократно замечено, таким путем стремясь восстановить количество людей, способных носить оружие и защищать этнос от соседей.

С развитием дифференциации внутри этноса, - что является признаком развитого этноса, - создается особая группа людей, единственным назначением которых является война. С увеличением относительных размеров ее - возрастает необходимость войны, что вполне естественно, так как рост этого элемента этноса идет параллельно с ростом населения вообще, а следовательно и необходимостью новой территории, если таковую нельзя увеличить иными путями. Приходится при этом иметь в виду, что для консервативного этноса легче перенести войну и оттеснить соседний этнос, чем изменить степень своей культурности.

В то же самое время этнос, направляющий свою энергию на развитие культуры, при отсутствии военного упражнения неминуемо должен терять умение воевать, а в случае давления со стороны соседей и защищать свою территорию, что в конечном итоге приводит к приостановке роста населения, как это мы уже видели ранее.

В то же самое время, как иногда случается и с животными видами, у некоторых этносов происходит гипертрофическое развитие способности самозащиты и нападения и тогда создается

также нарушение равновесия, приводящее или к внутреннему кризису этноса или к превращению его в паразитирующий этнос, со всеми вытекающими отсюда последствиями, т.е. узкой специализацией и гибелью при незначительном изменении среды. В виду этих условий существования этносов и создания у жизнеспособных этносов специальных защитительных аппаратов, сокращение таковых путем войн, возникающих периодически, является совершенно необходимым, но идея сокращения вооружений по соглашению, что неоднократно пытались провести в жизнь, есть одна из теорий, не могущих быть осуществленными здоровыми, жизнеспособными этносами.

В заключение еще добавлю, что развитие антимилитаристических идей порождается обычно гибнущими этносами, не могущими уже создать такой защитительный аппарат. Впрочем, могут они появиться также у этноса, не имеющего конкретной возможности и необходимости вести большую войну и испытывающего чрезмерное давление от перепроизводства военного элемента.

Как нетрудно видеть, развитие и рост противовоенных теорий оказывается тесно связанным с психологическими и умственными течениями, которых мы коснулись в предыдущей главе.

ГЛАВА VIII.

Заключение.

Частные выводы. – Общие выводы

При рассмотрении отношений этноса к первичной, вторичной и этническим средам мною были сделаны некоторые выводы и предположения, общие значения которых не могли быть выявлены при изложении частных вопросов. Кроме того мною были опущены также некоторые выводы, не необходимые при изложении. В настоящей заключительной главе я приведу систематически главнейшие выводы и предположения в надежде более полное исследование вытекающих из предложенной системы выводов дать впоследствии.

В изложенной системе я принимаю, что единицею, в которой протекают процессы культурного и соматического изменения человечества, как вида, является этнос, осознаваемый им самим,

как группа людей, объединенных единством происхождения, обычаев, языка и уклада жизни.

- 1) Для этноса географические условия, - отношение суши и моря, климат, топография местности, флора и фауна, - есть среда, к которой этнос приспосабливается и которой подчиняется, становясь частью этой среды, ее производной. В том случае, если эти условия изменяются, но у этноса не выработалось умения быстрого приспособления, то он или следует за движением изменения или же погибает. Примером этого могут служить этносы, отошедшие вместе с оленем на север после отступления ледника, и некоторые этносы Европейской России по уничтожении лесов перешедшие на земледелие и воспринявшие материальную культуру русских.
- 2) Для создания предметов материальной культуры, - жилищ, одежды, пищи и т.д. - этнос пользуется окружающими его материалами, подчиняя форму и технику производства материалу, по исчерпанию которого человек может перейти к другому материалу, иногда сохраняя старую форму. Примером этого могут служить созданные различными этносами жилища одинаковой формы в различных местах, но из одного материала, как это было приведено ранее; затем, формы бронзовых топоров и других орудий ранней эпохи, воспроизводящих формы тех же орудий каменного века, но затем создавших новые формы типичные для материала (бронзы); наконец, варьирующие в зависимости от материала. Отсюда явствует, что этнографическая конвергенция является вполне возможной и более частной, чем это может казаться. Формы ячеек сот пчел и ос, подземных построек выдр в Европе и Азии подобны, хотя о «заимствовании» в этих случаях было бы говорить трудно.
- 3) В районе обитания этнос приспосабливается к условиям, созданным наличием прирученных им животных, причем он либо следует за животным, либо обслуживает его, оставаясь в зависимости от него, что зависит от степени их связанности и характера отношений. Примером могут служить оленеводы, переходящие вместе со стадом с места на место в поисках за мохом, и скотоводы, заготавливающие впрок сено и другой корм для скота. Но переход к господству над домашними животными происходит лишь с устройством фермерского хозяйства и содержание скота на стойле, что влечет за собою изменение образа жизни. Таким образом, и здесь можно видеть подчинение человека созданным им новым факторам существования.
- 4) При дальнейшем развитии материальной культуры этнос

создает искусственно новые материалы, - для построек предметов обихода, одежды, пищи и т.д., - которым подчиняется форма производимых им предметов и сооружений, на подобие того, как пчела изготовляя искусственно воск, подчиняется материалу, как подчиняется ласточка при устройстве гнезда изготовленной ею массе для него. Иллюстрацией к этому может послужить вся история архитектуры, история огнестрельного оружия и т.д. Научная разработка технологии является следствием создания нового материала и, так сказать, частью нового материала.

- 5) Преимущества этноса, создавшего новые отношения к первичной среде, - эксплуатация скрытой энергии в движении воды, воздуха, в горючих материалах и т.д., - а в частности к животным и материалам, вызывающие у него сознание своей власти над природою и проявления свободной воли есть лишь субъективное восприятие новой функции природы, каковою является творчество человека. Этот фактор в сознании этноса облекается в таинственную форму, как и другие проявления природы и на низких стадиях развития получает мистическое толкование, - передача различными богами искусства керамики, скотоводства, обработки железа, постройки больших сооружений и т.д. - которому заступает мистика «человеческого гения», науки и т.д., находившие свое отражение в философии этносов всех культурных состояний и ступеней.
- 6) При усложнении отношений этноса к вторичной среде на основе биологической сущности человека, как вида, рождается новая форма приспособления - социальная организация. В зависимости от темпа изменения вторичной среды может изменяться по принципу сохранения равновесия и социальная структура, нарушение же равновесия может даже грозить этносу гибелью. Этот процесс изменения структуры находит свое отражение в сознании этноса, подбирающего то или иное объяснение, согласованное с общим мирозерцанием. Если процесс изменения происходит слишком интенсивно или возможно объяснение не может быть связано с общим мирозерцанием и степенью развития мышления, то этнос отказывается от объяснения явления, что лишает устойчивости существующую социальную структуру. Вследствие этого самосознание социальной структуры должно находиться в равновесии и соответствии со степенью ее сложности и темпа изменений, что ставит с одной стороны пределы познания истинной природы социальной структуры, а с другой стороны нарушение указанных равновесия и соответствия грозит

гибелью самому явлению, - социальной структуре и осознанию ее, - а вместе с тем и этносу. Этим объясняется появляющееся у гибнущих этносов чрезмерное, занимающее целиком сознание этноса, развитие этических, социальных и политических проблем.

- 7) Можно предположить, что органом борьбы за существование у человека является тот орган или группа их, которые рожают его интеллектуальную и психическую деятельность и процессы дифференциации человека происходят в плоскости этих органов, проявлением деятельности которых является культура человека, позволяющая ему дальнейшее размножение. Соматическая дифференциация, таким образом, уступила место дифференциации по названным признакам, на подобие того, как у некоторых животных видов дифференциация происходит по признаку физиологическому, не вызывающему соответственного соматического изменения, как это наблюдается например, у гессенской мухи.
- 8) Культура человека есть сложный комплекс, который у каждого этноса обладает некоторой конструктивной устойчивостью, - равновесие культуры. Изменение конструкции культуры возможно лишь при условии соблюдения конструктивной устойчивости, в противном же случае оно приводит к гибели носителя этой культуры, т.е. при изменении одной составной этой культуры происходит изменение и остальных составных всех или части их, но возможно и сохранение некоторых явлений, если они не нарушают равновесия культуры. Изменение экономической структуры порождает изменения в устройстве поселений и внутренней организации общества, изменение религиозных систем порождает изменение экономической и социальной активности этноса и т.д. Различные формы проявления принципа равновесия культуры привели к созданию многочисленных теорий «взаимоотношения духа и материи», «роли экономического фактора» и т.д.
- 9) Этническая устойчивость основана на постоянстве отношения количества населения культурности его и территории им занимаемой, изменение каковых без соблюдения устойчивости приводит этнос к гибели.
- 10) *Формирование этноса зависит не только от первичной, вторичной среды, но и от этнической среды*, т.е. окружающих его других этнических единиц. Этнос получает импульсы изменений от своих соседей, поднимающих, так сказать, удельный вес его и сообщающих ему свойства

сопротивляемости. Таким образом, *этнос вне этнической среды обречен на утерю внешних импульсов и в смысле упрощения своих отношений с внешней средой опускается до первобытного состояния*. Как иллюстрацию этого положения, можно привести этносы, уклонившиеся от соприкосновения с этнической средой и остановившиеся в своем культурном и даже физическом развитии. Такая судьба постигает, между прочим, и отдельных людей, ищущих изоляции и уклоняющихся от реакции на внешнее давление. Поэтому психика этносов и отдельных людей изолированных от внешних давлений приводит к созданию теорий, применение к жизни которых невозможно (жизненный абсентеизм отшельников, йогов, отчасти, некоторых мыслителей-философов и т. под.), и гибели индивидуумов и целых этносов при столкновении с внешней средой (этнической).

- 11) Междуетническая устойчивость определяется мощностью этносов и суммой получаемых им импульсов изменений, для каждого этноса создавая соответствующую этому междуетническую валентность. Эта устойчивость создается и для всего человечества и является выражением степени связанности его, а следовательно, и сопротивляемости другим видам, что могло произойти только в момент господствующего положения на Земле человека, как вида. Таким образом, деление человека на этносы есть естественная функция импульсирующая развитие всего человечества в целом.
-

Из рассмотрения положений сформулированных выше и предыдущего изложения следует также общие выводы, приведенные ниже.

I. *Развитие этноса происходит не по пути усложнения каждого явления, но по пути приспособления всего комплекса явлений*, - этнографических, психических (физиологических) и т.д. в целях сохранения этноса и, таким образом, наряду с развитием(усложнением) некоторых явлений может происходить редукция (упрощение) других, что с точки зрения движения процесса будет явлением одного значения. В приложении к этносу понятие развитие не включает в себя также идеи изменения *благоприятного* для будущего данного этноса, как принимается часто этот термин по отношению к другим понятиям: развитие государства, развитие вида и т. под. Этим термином я определяю только изменение, происходящее в этносе, но имеет ли оно для него «положительное» (обеспечивающее существование) или «отрицательное» (обеспечивающее гибель) в каждом частном случае определить весьма трудно, как трудно определить иногда значение

изменений целых этносов по отношению ко всему человечеству, - смерть одного этноса по отношению ко всему человечеству может быть фактом, обеспечивающим человечеству существование и наоборот, - усиление одного этноса может быть фактом, обеспечивающим гибель человечеству. Поэтому субъективное содержание термина «развитие» в приложении к этническим понятиям приходится устранить, а процессы изменения оценивать или анализировать вне конечного влияния их, и социальную группу, целый этнос, или же все человечество.

II. Этносы приспосабливаются к среде двояким образом, во-первых: изменением своих потребностей или изменением своих органов и особенностей, во-вторых: изменением самой среды. Так например, этносы знавшие употребление железа при отсутствии его могут от него отказаться совершенно, как это произошло с тунгусами, ушедшими в глубокую тайгу¹ из более культурных южных районов или же могут обратиться к изысканию руд на месте и изучению металлоплавильного искусства, как поступают часто народы при миграциях. В первом случае наблюдатели склонны бывают говорить о деградации, упуская из виду, что могло произойти замещение одного явления другим, без утери в конечном, так сказать, балансе.

Возьмем для иллюстрации примеры. На крайнем севере ряд этносов создал теплую удобную одежду, как например, чукчи, коряки и пр., но пришедшие с юга тунгусы сохраняют свой старый костюм, - открытый приспособленный для более теплого климата - и приспосабливают свой организм к новой среде, страдая от холода и погибая, несомненно, в большем количестве, чем аборигены. То же самое, вероятно, произошло с жителями холодной, суровой Огненной Земли, ограничивающимися одной шкуркой набрасываемой на подверженную ветру сторону тела. Наконец, русские колонизаторы Якутской области, придя в страну, где не может расти хлеб, путем долгих опытов добились переработки почвы и зерна (среда), дающих теперь урожай, но русские же хлебопашцы в Монголии перешли на питание преимущественно мясом, забыв земледелие. Таким образом, здесь может быть бесчисленное количество комбинаций у одного и того же этноса в различных местах, при перемене их и во времени при изменении среды вне воли этноса.

В зависимости от степени развития культуры, физических особенностей и характера этноса у него приобретает большая устойчивость и сопротивляемость и энергия направляется на изменение самой среды. Переход из тайги в города тунгусов и

---

¹ С прекращением регулярной доставки железных изделий в 1917-1918 году в Амурскую тайгу, тунгусы обратились к изделиям из камня и кости.

якутов, ввиду развития у них туберкулеза, представляет несомненную опасность, в то время как негры Америки настолько приспособились к новой среде, что легко размножаются в чуждом их родине климате и условиях, европейские же колонизаторы Индии настолько трудно приспосабливаются к новой среде, что вынуждены периодически покидать страну.

К сказанному, во избежание недоразумений, необходимо сделать добавление. Нельзя сказать, как это делают некоторые авторы истории культуры, что с развитием культуры физическая приспособляемость человека к изменяющейся среде может понижаться, так как сама культура этноса есть биологическая функция, а наблюдение физических изменений на протяжении небольшого промежутка времени, за который мы имеем точный проверенный антропологический и этнографический материал, слишком незначительно по сравнению с историей человека вообще.

III. *Движение этноса при расселении и бытии его всегда протекает по линии наименьшего сопротивления*, причем одною из сил является сам этнос, который при принятии решений (а это каждый раз бывает факт осознанный им в части или в целом) связан: внешними условиями (среда), суммой знаний (культура) и характером (биологическая мощьность).

В силу этого в одном случае этнос будет допустим, приспособляться к долине реки, поднимаясь все выше и выше по склонам горы и усовершенствуя способы земледелия, в другом случае он, предпочитая сохранить старые формы, перейдет выше по течению реки и в третьем случае он откажется от увеличения своего численного состава. Этот момент, - сила этноса в движении его по линии наименьшего сопротивления, - может объяснить многие явления в жизни народов. С этой точки зрения даже упорное сохранение границ занятой территории жертвою или усиленного труда (интенсификацией хозяйства) или защитой военной силой есть лишь формы проявления силы этноса, движущегося по линии наименьшего сопротивления. Таким образом, с ростом культуры и биологической мощьности (характера) этноса составные его силы изменяются, но в движении (при расселении и развитии) у этноса, находящегося в состоянии усиления (двигающегося и развивающегося в направлении дальнейшего распространения и усложнения культуры) один элемент может быть развит за счет другого, - слабая культура может компенсироваться мощьностью размножения, приспособляемости и т.д. В силу движения по линии наименьшего сопротивления могут быть временные отказы этноса от применения культурных познаний, что не будет еще обозначать его гибели, как не будет обозначать того же даже и уменьшение численного состава, кажущееся при поверхностном и

одностороннем наблюдении, так называемым вырождением, в то время как подлинное вырождение и деградация могут происходить у этноса, интенсивно смешивающегося, - и не в свою пользу, - с другими этносами и заменяющего свою культуру какой-нибудь иной.

IV. Осознание этносом отношения его к среде, как и осознание процесса движения при расселении и бытии, составляет содержание духовной культуры этноса, развитие которой зависит прежде всего от количества полученного для наблюдения материала, что в свою очередь обусловлено степенью сложности отношений и интенсивности процесса движения. Но в то же самое время осознание является составной биологических функций этноса, а поэтому в истории этноса в различное время оно может быть замещено иным компенсирующим элементом. Таким образом, в борьбе за существование этнос может выдвинуть этот новый элемент лишь в тех размерах, которые необходимы для сохранения равновесия этноса, а поэтому стремление ограничить глубину осознания процессов изменения и отношения человека к средам есть нормальная функция человечества, как вида, и в этом отношении стремление к интеллектуальной нивелировке и сведению к среднему уровню индивидумов, ушедших вперед, есть явление здоровое, т.е. присущее этносу, обладающему сознанием (или инстинктом) самосохранения. Гипертрофия же этого элемента, как и недоразвитие до пределов необходимых для равновесия происходит лишь у этносов, уступающих свое место в борьбе за существование другим. Примером нарушения равновесия и гипертрофии этого элемента могут быть этносы на закате дней своих самоуглубляющиеся и поглощающие этим всю свою энергию. В отличие от других элементов этот, как непосредственная производная главного органа борьбы за существование человека, - интеллекта, - в себе хранит зародыш саморазвития, несущий с собою и гибель самому явлению, а вместе с ним и этносу.

V. Будущее человека, поскольку его можно видеть в движении этносов, имеет некоторый предел, с приближением к которому либо должно приостановиться дальнейшее развитие (усложнение) культуры, либо должно произойти сокращение территории, что равносильно и в том и в другом случае гибели этносов, а вместе с тем и современного вида человека. По аналогии с видами других животных можно предположить, что 1) современный вид человека должен иметь меньшую длительность существования, чем другие виды и 2) конец его должен наступить вследствие невозможности приспособления к имеющим измениться условиям первичной среды, 3) непосредственное выражение конца человека, вероятно, будет проявлено в гипертрофическом развитии культуры и интеллекта

человека, подавляющего естественное отправление биологических функций его, 4) формой, в которую уложится это подавление, можно думать, будет вмешательство человека в регулирование самовоспроизведения, т.е. зачатия и рождения потомства. Между тем, физическое приспособление к изменяющимся органам протекает видимо, медленнее, чем изменение самих органов и человечество не будет иметь времени, чтобы приспособиться физически (вмешательство в воспроизведение).

Если мы сделаем попытку определить время, которое остается для будущего перед человеком, то нужно прежде всего учесть движение его в прошлом. Так как в настоящее время человек при интенсивном размножении расселился по всему Земному Шару, но в том виде, в каком живет человек теперь, он насчитывает едва ли больше 6-8 тысяч поколений, а период наибольшей активности (с момента начала применения металлов) длился только 280-300 поколений, можно думать, что большая часть пути к абсолютной плоскости населения Земли, если принять в расчет интенсивность размножения человека, уже пройдена.

На основании всего изложенного можно предположить, что человечество находится вблизи от кульминационного пункта и если оно не успеет выделить из себя новый вид, сумеющий в будущем приспособиться, то оно будет обречено на гибель без заместителя, как погibli, например, аммониты.

СПИСОК АВТОРОВ И ТРУДОВ УПОМЯНУТЫХ В ИССЛЕДОВАНИИ.

- Геродот. «История» (Перевод Мищенко). СПб. 1885.
 Страбон. «География» (Перевод Мищенко). СПб. 1886 (?).
 Тацит. «Германия»
 К.Ю. Цезарь. «De bello gallico».
 Марко Поло. «Путешествие в 1286 году по Татарии и другим странам». СПб. 1897. (перевод).
 Lafitau. «Moeurs des sauvages americains, etc.» Lettres Edifiantes»
 (Многотомное «издание в первой половине XIX столетия».)
 Paris. 1724
 Cook Bougainville } «Histoire universelle des voyages»
 Dumont d'Urville (имеется русский перевод)
 d'Orbigny. «L'Homme americain». Paris. 1830. (есть русский перевод: «Путешествие по Америке».)
 Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства». СПб. 1773-1788.

Георги. «Описание всех в Российском Государстве обитающих народов и т.д.», издания 1776 и 1790. СПб.

Крашениников. «Описание земли Камчатки», издания 1775, 1786, 1818 гг. СПб

Кастрен. «Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири». СПб. 1860.

(Castren) «Ethnologische Forlesungen uber des Atlasher Voelker». 1857. СПб.

Lubbok. «Origines de la civilisation» (перев. с английского, есть и русский перевод).

Тэйлор, Б.Э. «Антропология». (перев. с англ.) СПб. 1908.

«Первобытная культура». (перев. с англ.) СПб. 1896-7.

Морган, Л. «Первобытное общество» (перев. с англ.).

(Morgan). «Ancient Society».

Спенсер, Г. «Основания социологии» (перев. с англ.).

Letourneau, Ch. «Evolution du mariage et de la famille», «Evolution du commerce», «Evolution de la morale», «Evolution de la propriete».

«Sociologie d'apres l'ethnographie». (есть перевод на русский язык: «Социология, основанная на этнографии». СПб. 1896.)

Ратцель, Ф. «Народовластие». СПб. 1903. (перев. с немецкого).

Шурц. «Первобытная культура». СПб. 1907. (перев. с немецкого).

Fisher, E. Dr. «Die Rehoboter Bastards», Jena, 1913.

Grosse, E. I'Histoire de l'art».

Bourdeau. «I'Histoire de l'alimentation», Paris. 1902.

«I'Histoire de l'habillement», Paris. 1904 (?).

«Jesup Expedition». Работы Bogoras, Johelson, Voas и др.

Ивановский, проф. «Инородцы Юго-Западного Китая. Материалы для истории» и др.

Захаров, проф. «Полный маньчжурско-русский словарь» СПб. 1875.

Васильев, проф. «История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII в.». СПб. 1857.

Van Genner. «Rites de passage». Paris. 1907 (?).

Maine. «Ancient Laws». 1861. (Русский перевод «Древнее право». СПб. 1878).

Bachofen. «Das Mutterrecht». 1861.

Post. «Studien zur Entwicklungsgeschichte des Familiensrechts». 1890.

Starke. «La famille dans les differentes socienes». 1899. Paris. (Есть русский перевод).

- Westermarck. «The origin of Marriage». Helsingfors. (Есть французский перевод).
- Giraud-Teulon. «Les origines du mariage et de la famille». 1884. (Есть русский перевод).
- Максимов. «Что сделано по истории семьи». Москва. 1901.
- Ковалевский, Макс. «Очерк происхождения и развития семьи и собственности». СПб. 1896. «Родовой быт». СПб. 1903-4, «Осетинские этюды» и друг.
- Энгельс, Фр. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». СПб. 1894. перевод с немецкого).
- Лавров, П. «Антропологическая жизнь». (Весьма редкое заграничное издание). Женева. (?). Предисловие к «Антропологии» Тэйлора.
- Липперт. «История культуры». (Перевод с немецкого, имеется несколько изданий).
- «l'Annee Sociologique», под редакцией prof. Durkheim и при сотрудничестве Levy Bruhle, Hubert, Mauss и др.
- Широкогоров, С.М. «Задачи Антропологии в Сибири». «Сборник музея Антр. и Этн. при Имп. Акад. Наук», т. III, 1915г. СПб. «Методы разработки антропологических материалов». «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов». «Уч. Зап. Ист. - Фил. Фак.» т.I. Владивосток. 1919.
- Denicker. «Les peuples et les races de la terre». Paris. 1900. (Есть русский перевод «Человеческие расы» 1902).
- Ранке. «Человек». СПб. 1903. (перев. с нем.)
- Томсон, проф. «Общее языковедение». Одесса. 1906.
- Богородицкий, проф. «Введение в языковедение». Казань. 1902 (?).
- Ключевский, проф. «Курс истории России». Москва. 1908.
- Обермайер. «Доисторический человек». 1913. (Перевод с немецкого).
- de Mortillet, A. «La prehistoire». Paris. 1908. (Есть перевод более раннего издания «Доисторическая жизнь»).
- de Morgan. «Les premieres civilisation». Paris, 1909.
- Кюннер, проф. «Лекции по истории развития главных основ кит. матер. и духовн. культуры». Владивосток. 1921.
- Martin, prof. «Die Anthropologie». 1915 (?).
- Арсеньев, В.К. «По Уссурийскому краю». Владивосток. 1922.
- Mac Lennan. «Primitive Marriage». 1865.
- Fustel de Coulanges. «La cite antique». Paris. 1878 (?).
- Нидерле. «Человечество в доисторические времена». (перевод). СПб. 1898.
- de Quatrefages. «l'Homme fossil et l'homme sauvage (есть статья,

Дарвин, Ч. посвященная миграциям
«Происхождение видов» (перев. с англ.).
полинезийцев).

СОДЕРЖАНИЕ

Кузнецов А.М. С.М. Широкогоров и проблемы исследования этноса
Стр.

Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов
этнических и этнографических изменений Стр.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ. Главнейшие моменты в истории
этнографии. Основные понятия. Пережитки и принципы
равновесия культуры. Стр. 6

Глава 2. МЕСТО ЭТНОГРАФИИ СРЕДИ НАУК. Стр. 17

Глава 3. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТНОСОВ. Сущность
классификаций
вообще. Антропологическая классификация. Лингвистическая
классификация. Этнографическая классификация. Социальная
культура. Стр. 24

Глава 4. ПЕРВИЧНАЯ СРЕДА И ЭТНОС. Человек, как вид.
Географические и климатические условия. Условия фауны.
Стр. 35

Глава 5. ВТОРИЧНАЯ СРЕДА И ЭТНОС. Домашние животные.
Материальная культура. Социальная культура. Стр. 46

Глава 6. ЭТНИЧЕСКАЯ СРЕДА И ЭТНОС. Значение среды для этноса.
Этническая устойчивость и константа w . Импульсы изменения.
Обобщения из сопоставления импульсов изменения. Стр. 59

Глава 7. МЕЖДУЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ. Формула междуэт-
нической валентности. Формы междуэтнических отношений. Формы
междуэтнической борьбы. Смена рас и этносов. Формы смены рас и
этносов. Стр. 73

Глава 8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Частные выводы. Общие выводы. Стр. 92
СПИСОК АВТОРОВ И ТРУДОВ, упомянутых в настоящем

исследовании.

Стр. 101